

Альманах XIII
библиофила

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

**«Альманах библиофила»
рассказывает
о книгах и книжниках
прошлого и современности,
библиотеках и библиофилах,
о поисках и находках в книжном мире,
о делах минувших и современной жизни
книголюбов
в разных концах нашей страны
и в других странах**

Альманах АБ библиофила

Альманах
библиофила

Выпуск 13

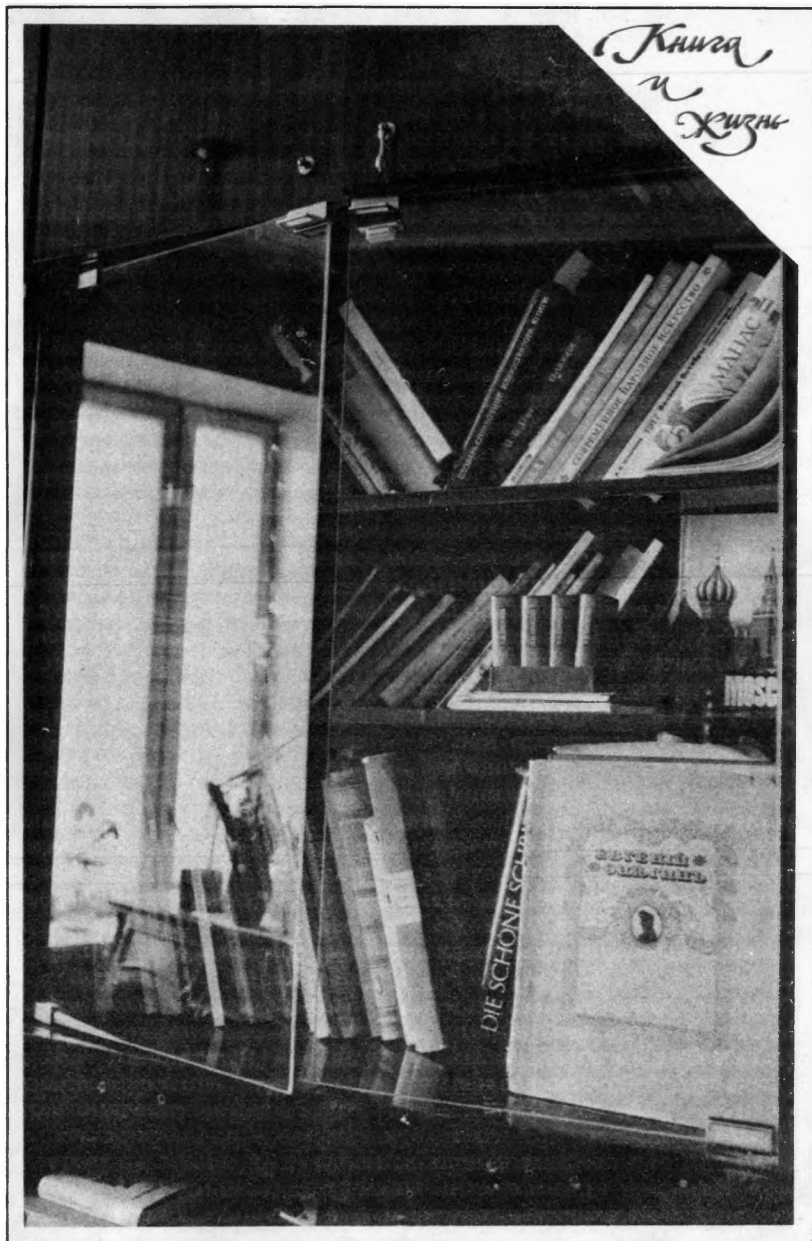
Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. В. Абашидзе, К. С. Айти, Н. Х. Еселев,
Е. А. Исаев, А. И. Калашников, Е. П. Кирилук,
В. В. Кожин, Б. А. Корчагин, В. Я. Лазарев,
А. Э. Мильчин, Ю. А. Некрошюс, Е. Л. Немировский,
А. И. Овсянников, Л. А. Озеров,
П. В. Палиевский, В. А. Петрицкий,
В. Г. Утков, И. И. Чхиквишвили

Художник
В. В. Вагин

*KURZA
u
KURZE*

Сергей Баруздин

АВТОГРАФЫ ЭПОХИ

Беседу вел П. Конков

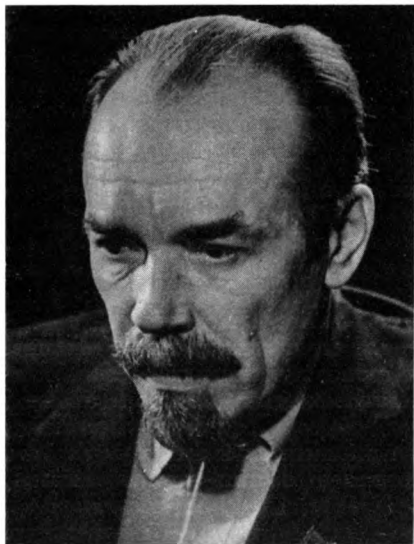
Книжные богатства союзных республик — достояние всех народов нашей страны. Древние национальные традиции — языковые, культурные — проявляются во всех областях современной жизни. Некоторые республики отмечают многосотлетние юбилеи своего книгопечатания. Книгохранилища, возникшие не так давно, становятся всемирно известными. Творческий обмен опытом в области культурных традиций стал неотъемлемой частью бытия нашего общества. В этом многогранном процессе теперь, на 60-летнем рубеже со дня образования СССР, участвуют все рабочие и служащие, деятели науки, культуры. И в их рядах, конечно, — писатели.

Сергей Алексеевич Баруздин, известный советский прозаик и поэт, главный редактор журнала «Дружба народов», уже выступал на страницах «Альманаха библиофила» с обстоятельным рассказом о неисчерпаемом книжном мире. В нынешней беседе писатель размышляет на темы творческих контактов авторского актива журнала с тружениками, с книголюбями страны.

— Сергей Алексеевич, с первых лет существования «Дружбы народов», издания, ставшего популярным литературно-художественным и общественно-политическим журналом, поддерживаются и расширяются его связи с писателями, общественными деятелями, рабочими, колхозниками национальных республик. Как они развивались?

— Появившийся в середине 30-х годов новый альманах, тогда еще под названием «Творчество народов СССР», открывался словами А. М. Горького, которые как нельзя лучше отвечают на поставленный вопрос. «Искусство слова содействует взаимному пониманию людьми друг друга; рабочие и крестьяне Союза социалистических Советов должны хорошо знать своих соседей... Чем лучше будут знать психику — „душу“ — друг друга люди различных племен, тем единодушнее, быстрее, успешнее будет их движение к намеченной великой цели». Вот уже пятый десяток лет поддерживает журнал традиции братского содружества, основные черты которого были так точно определены Алексеем Максимовичем.

С февраля 1939 года издание обрело свое нынешнее название и определило главную задачу своего существова-

С. А. Баруздин

ния — «обмен опытом литературно - художественного творчества и показ роста поэзии и прозы всех народов СССР». С тех пор увидели свет почти четыреста номеров журнала, составившие настоящую библиотеку советской литературы. Многие выдающиеся произведения, опубликованные на страницах «Дружбы народов», заслужили достойное признание читателей, их авторам присуждались Государственные премии. Отдельные номера журнала с наиболее популярными произведениями стали библиографической редкостью.

— Это, очевидно, и было причиной тому, что на протяжении почти тридцати лет по инициативе журна-

ла издавались разнообразные «библиотечки» в виде приложенных? Нынче эти серийные выпуски украшают многие личные собрания.

— Причина была в том, что обилие материалов переполняло портфель редакции. Наиболее яркие, наиболее значительные произведения еще в 1957 году вошли в состав первой серии приложений «Библиотеки классиков литератур народов СССР». Тогда были опубликованы собрания сочинений Якуба Коласа, Марко Вовчка, Садриддина Айни и другие. Опыт себя оправдал, и через четыре года мы начали новую подборку — «Библиотеку исторических романов народов СССР». Читатели впервые познакомились с такими книгами под этой маркой, как «Дмитрий Донской» и «Звезды над Самаркандом» С. Бородина, «На грани веков» А. Упита, «Навои» Айбека, «Берег ветров» А. Хинта, «Клокотала Украина» П. Панча и т. п. Затем мы перешли к более глобальным и объемным сериям. С 1964 по 1970 годы увидели свет издания под грифом «Пятьдесят лет советского романа». Всего вышло 105 томов. Венчали эту библиотеку произведения М. Шагинян, В. Катаева, С. Дангулова, посвященные празднованию столетия со дня рождения В. И. Ленина. И последнее наше предприятие в

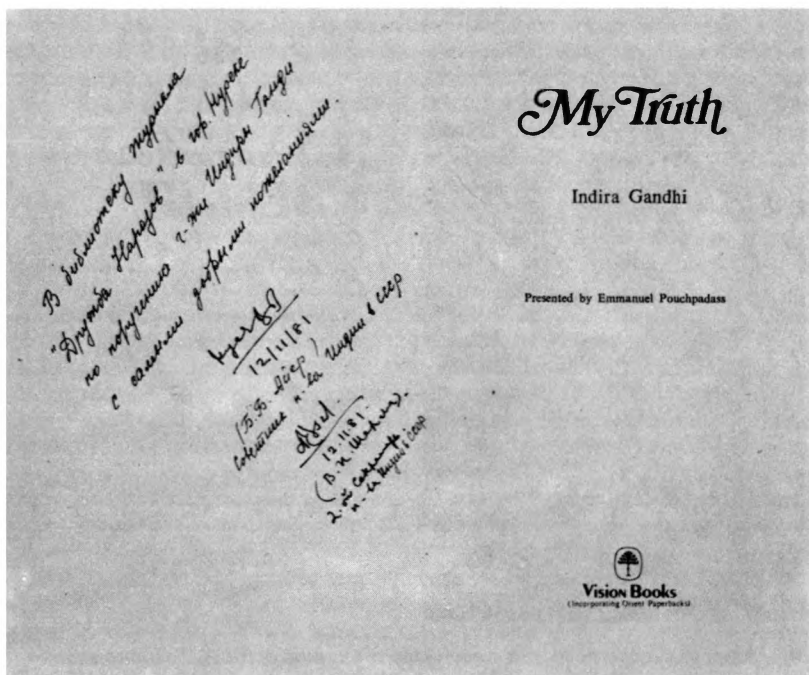

Автографы на книге воспоминаний о Ю. А. Гагарине

этой области — «Библиотека „Дружбы народов“», которую читатели хорошо знают вот уже двенадцать лет. Число ее изданий давно перевалило за сто. На страницах серии, помеченной монограммой «ДН» в круге на корешке, выступили такие известные писатели, как Г. Марков с романом «Сибирь», К. Симонов с «Последним летом», Н. Думбадзе с «Законом вечности», Ю. Трифонов со «Стариком», М. Слуцкис с «Адамовым яблоком», со своими повестями — Б. Васильев, В. Богомолов, В. Быков и многие другие.

— Уже широко известна инициатива «Дружбы народов» в создании уникального собрания книг с автографами в таджикском городе Нураке, где вступила в строй гигантская гидроэлектростанция. Подобное начинание, по-видимому, единственное в своем роде. Расскажите, пожалуйста, Сергей Алексеевич, подробнее о становлении этой своеобразной библиотеки.

— Собственно, контакты журнала с республиками страны не ограничиваются лишь публикацией материалов. Наши

Дарственная надпись на книге Индиры Ганди «Моя правда»

связи шире, теснее. Мы рассказываем на страницах журнала о тех событиях, которыми живут наши друзья.

В начале 60-х годов началось строительство Южно-Таджикского территориально-производственного комплекса. Журнал «Дружба народов» превратился в форпост по освещению этого грандиозного строительства. Из литературных встреч наши контакты переросли в постоянное сотрудничество. Регулярными стали «Нурекские встречи», отчеты писательских бригад, награды «Дружбы народов» победителям социалистического соревнования и премии строителей ГЭС за лучший писательский материал. Мы часто выезжали туда. Город был молод. Не хватало возможностей для настоящего культурного досуга рабочих. В 1974 году мы преподнесли городской библиотеке первый подарок — книги из серийного приложения к «Дружбе народов» с автографами авторов, тем самым заложив основу будущего оригинального собрания. В

числе оставивших тогда дарственные надписи на своих книгах были Г. Марков, В. Катаев, Н. Тихонов, В. Смирнов, С. Дангулов, С. Крутилин, М. Алексеев, Ю. Рытхэу, В. Осипов. Был там, разумеется, и мой автограф.

Строители ГЭС получили в дар почти тринадцать тысяч томов от семи тысяч авторов со всех концов света.

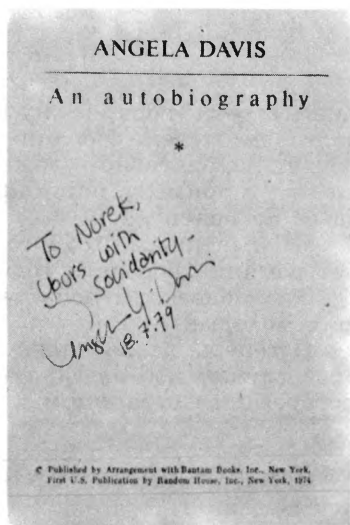
Все эти книги—гордость городской библиотеки.

На первой странице текста своих воспоминаний «Малая земля» в июне 1978 года расписался Леонид Ильич Брежнев. Вместе с первыми шестью томами его произведений, озаглавленных «Ленинским курсом», книга заняла почетное место на библиотечной полке. Издания своих сочинений подарили Нуреку многие члены ЦК КПСС, Советского правительства, руководители коммунистических и рабочих партий мира. Председатель ЦК компартии Испании Долорес Ибаррури прислала книгу «В борьбе». Есть в фондах библиотеки издания, подписанные Густавом Гусаком, Тодором Живковым, Ле Зуаном, Яношем Кадаром, Эрихом Хонеккером, Урхо Калева Кекконеном. Не так давно прислала свою книгу Индира Ганди. Преподнесла в дар таджикским труженикам свои воспоминания известный борец за права человека в США Анджела Дэвис.

Хорхе дель Прадо, Генеральный секретарь коммунистической партии Перу, на брошюре, в которой был издан текст декларации «Латинская Америка в борьбе против империализма, за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм», написал:

«Интернациональной библиотеке журнала „Дружба народов“ на гидроэлектростанции в Нуреке—с горячим приветом и пожеланиями успехов в строительстве коммунистического общества».

Своеобразным посвящением на книгах уникального собрания стали надписи известных литераторов.

Автограф Анджелы Дэвис нурекским строителям

Рисунок Татьяны Мавриной

В библиотеку
Дружба народов
Нурекской ГЭС
Г. Кузьмина
Н. Кузьмина
Ф. 5. 1979

Надпись на книге
Николая Кузьмина

о том, как относятся к ним „инженеры человеческих душ“. Это здорово. Это неповторимо.

— Нурекская библиотека, конечно, принимает активное участие в проведении работ на гидроэлектростанции, а также на Южно-Таджикском территориально-производственном комплексе?

— Именно так. Скажем, ценность этих изданий возросла после того, как они были помечены автографами, но еще более стала очевидна и их потенциальная культурная значимость: ведь к такой книге—особое отношение. С какой гордостью говорят нурекчане: «Эта книга из нашей библиотеки». Собрание открыто для всех желающих. По тем или иным произведениям устраиваются читательские конференции, литературные вечера. Передвижные выставки, составленные из фондов библиотеки, исколесили Таджикистан вдоль и поперек. Так что эти книги—на передовом фронте строительства.

— Сергей Алексеевич, расскажите об издании, вышедшем в библиотеке «Дружбы народов»,— «От Нурека—к Рогуну».

— Книга эта стала некоторым итогом нашей многолетней дружбы с Нуреком. Рогун—также город в Таджикской ССР, чуть севернее Нурека. Здесь будет построена еще одна, более мощная ГЭС на Вахше—легендарной реке, многократно воспетой поэтами. Открывает сборник первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков. «Литераторы,—пишет он,—участвуют в жизни предприятий истроек, помогают в решении экономических, социальных и нравственных проблем, которые здесь возникают. Благодаря общению с писателями у рабочих, техников, инженеров повышаются литературные запросы, утончаются вкусы, активнее идет духовное совершенствование». В четырех рубриках книги известные прозаики и поэты, очевидцы событий, поделились своими впечатлениями от встреч с таджикскими друзьями. Конечно,

мы подвели этой книгой некоторую черту, но это лишь итог какого-то этапа в нашем содружестве. В то время, когда вся страна отмечает 60-летний юбилей образования СССР, мы с еще большей ответственностью осознаем, какая важная задача в деле пропаганды лучших достижений национальных регионов страны стоит перед нами. Мы продолжаем наши творческие встречи. Так прошли традиционные «круглые столы» в Ташкенте, где обсуждалась тема «Горизонты современной поэзии республик Средней Азии и Казахстана: опыт, проблемы, перспективы», в Ереване — «Духовный мир современника и его отражение в литературе и критике», где участвовали прозаики и критики Азербайджана, Армении и Грузии. Волнуют наших писателей и проблемы сельского хозяйства. По этим вопросам мы собирались в Полтаве. Продолжается шефство журнала над нашими давнишними друзьями — предприятиями и писательскими организациями Коми АССР и Чувашской АССР.

Деятельность эта, конечно, требует от нас колоссального напряжения. «Дружба народов» — таково название нашего журнала, а дружба может быть лишь действенной.

Виктор Шкловский

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БЛИЗКОЕ БУДУЩЕЕ

(Размышления, возникшие

на Международной книжной выставке-ярмарке в Москве
в сентябре 1981 года)

Известный прозаик и литературовед Виктор Борисович Шкловский делится с читателями «Альманаха библиофила» своими мыслями о прошлом и настоящем книгоиздательского дела, о все более широком читательском интересе к книге в нашей стране.

...Растут тиражи. Растет количество книг. Каково их качество? Каковы дела в издательской практике нашего дня? Ново ли положение писателя? Каково наше книжное будущее?

Вот вопросы, волнующие В. Б. Шкловского.

I

Художественное произведение или, как говорил Горький, «высокохудожественное произведение» трудно начинается и трудно кончается.

Рожденные, они нуждаются в печати.

Они сперва смотрят на печатную машину, она открывает или не открывает свою пасть со множеством зубов — литер. Она ест рукописи.

Потом книгу продают.

Помню разные книжные магазины.

В Гостином дворе, приблизительно около Садовой улицы, был книжный магазин Вольфа. Старый магазин, за вывеской которого хотят свить гнездо или хотя бы согреться своими перьями голуби. Голубей выгоняли метлами.

Судьба книг бесконечно трудна.

Они не находят себе истинного гнезда.

Пушкин печатал первую песнь «Евгения Онегина» вместе с «Разговором книгопродавца с поэтом».

Роман Пушкина молод, радостно молод.

Пушкин говорит:

О, много, много рок отъял...

И дальше — совсем молодо:

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина.

Он считал свою разлуку с Онегиным трагическим праздником. Он расставался с недописанной поэмой.

Он говорил, утешая хороших людей настоящей жизни:

Блажен, кто вдруг расстался с ним,
Как я с Онегиным своим.

Роман и даже эпические песни дописывают люди, которые знают, что такое рукописи, которые ищут золото в развалинах великой Трои. Оказалось, что Троя много раз разрушалась. Сын Гектора был если не сброшен со стены, то забыт так, что мог как бы нечаянно упасть на камни, которые имеют не зубы, а холодное темя и холодный лоб.

Блажен, кто переступает через все концы.

Радостна и горька жизнь ищущих бумаги и издателей, для того чтобы книга наконец разродилась и стала большой толпой, похожих на толпу жаждущих угрей, идущих от зеленого подводного пятна — Саргассова моря к берегам Литвы и другим берегам, на которые рыбы выползают в траву, ища продолжения.

Книги не кончаются; свидетель — Гоголь. Он не мог протолкнуться через ряд препятствий для того, чтобы прочесть — очень может быть, уже написанные — строки, подводящие итог явлению.

Поэзия вся в дороге, и Достоевскому приходилось объясняться в письме к издателю, который хотел заплатить за еще не дописанный роман вексельями.

Когда вещь кончена, то человек, который создал эту бессмертную вещь, делается просителем.

И. С. Тургенев жив «Записками охотника». Охотник как автор имел право не появляться. Он слышит, что говорят в отдельных новеллах, но сам не показывается на глаза читателя.

В книге, выпущенной издательством Маркса в 1898 году, в предисловии к 1-му тому рассказывалась история о том, как издание Тургенева 1852 года еще в 1856 году не разошлось.

Не разошлось 4000 книг, книг, которые нравились, которые как бы заставляли переобуться французскую литературу в русскую обувь.

Был в Петербурге на Васильевском острове проспект. На проспекте были большие амбары. Амбары были населены

существами, которые побывали уже в Гостином дворе и не были куплены.

Вольф покупал хвосты издания и держал их в холодных амбарах: амбары не топили потому, что бумагу надо держать в помещении с неизменяющейся температурой.

Бумага, книга не может вспыхнуть, согреться,—как не смогла согреться уже старая любовь—непонятная любовь Онегина к Татьяне.

На холоде лежали концы книг, которые не могли понимать друг друга.

Вольф издавал журнал, который так и назывался «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф». Журнал выходил не сразу. На него подписывались. Подписная цена была 40 коп. в год с доставкой на дом.

«Евгений Онегин» не нашел человека, который перевел бы его через тихую полосу исторического непонимания. Через вынужденное молчание.

Онегин вместе с Пушкиным, оба нарисованные одним карандашом, смотрят с набережной Невы на фоне Петропавловской крепости, которая регулировала издания.

Горьки «Записки охотника», который не нашел счастливого человека в России.

Старуха, умирающая в одинокой комнате, которая как праздник вспоминала, что однажды на пороге случайно открытой двери сидел и смотрел на нее живой заяц.

Эта старуха перед смертью вспоминала звон.

Говорила, что это колокола—сверху.

Она не решилась сказать—что был колокол рая; потом так говорил про колокол Герцен.

Вот мы живем в стране живого колокола.

Русский колокол отличается от французского тем, что здесь касается язык колокола и бьет края его литья.

У Гюго в романе «Собор Парижской богородицы» звонарь раскачивает колокол—севши верхом, как на коня.

Так сказать, живой колокол.

Колокол двигался вместе с несчастливым человеком.

Я буду говорить о кажущихся неудачах.

Наследникам Пушкина приходилось после смерти великого поэта, величье которого уже было признано, покупать последние экземпляры неразошедшегося издания.

Правда, когда новое издание Пушкина (дешевое издание) попало в магазин, то продавцам пришлось лезть на прилавки, на подоконники—так переполнилась комната людьми, которые хотели услышать голос своего колокола и пытались его понять.

Мы, писатели, должны выяснить свои отношения с книжным магазином.

Мне нравились книжные магазины с их кажущейся пустотой.

В них можно было сидеть, разговаривать, даже пить кофе.

Нынешние магазины не такие.

Переполнены они всегда.

Они переполняются тогда, когда люди сдают старые книги, чтобы купить еще более старые — купить бойкие книги Дюма, с бойким наизусть повторяющимся молодечеством одиноких мушкетеров.

Но наша земля возделана; книги у нас проглатываются.

Они проходят через многие магазины, как дождь через песок.

Я думаю, что если бы сейчас сказать, что можно купить собрание сочинений Пушкина, то продавцам тоже пришлось бы лезть на стены.

Книги — жажда наша.

И часто она никем не понята.

Первые тома Полного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого были изданы в тираже 5000 экземпляров (проверено по книге).

Этого нельзя даже понять.

Так и стоит это издание Сочинений в разновеликом росте томов, как деревья в лесу.

Нам нужно договориться с людьми, которые наследовали занятие Смирдина.

Он был мальчишкой в издательстве.

Говорили, что, для того чтобы купить старый книжный магазин, он сберегал отдельные тома разных собраний сочинений.

И был самым удачливым покупателем, потому что только у него издание становилось комплектным.

Это был книголюб.

Сейчас можно издать собрание сочинений Паустовского больше, чем в 300 000 экземпляров.

И многие книги, даже вышедшие, но как бы невышедшие.

Подобно дождю, который не смог пробиться через густую листву леса.

Лес шумит без них ненапечатанными листьями.

Вот так мы пытаемся продолжить разговор, начатый Пушкиным.

Я имею в виду «Разговор книгопродавца с поэтом».

Потом продолженный Маяковским.

Я имею в виду его вещь «Разговор с фининспектором о поэзии».

После многих лет труда Горькому удалось издание «Библиотеки Всемирной литературы», предпринятое с огромным размахом.

Потом пустили в ход, не зная, что такое толпа, не зная, как олень жаждет воды и толпится у ручья, уже не боясь ни охотника, ни дикого зверя.

Теперь оказывается, что комплект книг Всемирной литературы стоит много больше двух тысяч рублей.

Я работаю над историей прозы. Над историей литературы работает многомиллионная толпа читателей, среди которых есть люди, ищущие первых книг на своем языке.

Как ждут, чтоб ваш младенец заговорил

— и все ждали —

— и вы понимаете — как ждут люди книг, еще не прошедших через машину.

Нам надо выяснить отношения с книгоиздателями.

Свет идет новый.

Амбары Вольфа были порогами оставшихся в течении человеческой мысли уже напечатанных книг.

Мы все искали Дюма.

Но чудесно изданный Герцен не увидел расширенных глаз жадного читателя.

А Герцена надо прочесть всем.

Про Герцена Толстой говорил, что это сорок процентов всей русской прозы; в оставшихся шестидесяти был сам Толстой.

Нам надо выяснить отношения с книгоиздателями.

У нас нет общедоступного Ломоносова.

Я читал его в отрывках и мне больно, что человек, который по морозу дошел из Архангельска в Петербург и Москву, еще не дошел до наших читателей.

Идет очередь Державина.

А если его прочесть, как мне говорили итальянцы, прочитавшие его в переводе, то он оказывается великим всеевропейским писателем.

Так мне говорил профессор Рипполино; ныне мертвый.

Улица, про которую писал Маяковский, эта улица была безъязыкая.

Он в первых своих стихах рассказывал, что люди революции хотели есть.

Теперь они хотят читать.

Вы скажете, что это мода, что вот сейчас в вагоне метро меньше читающих людей.

Это оттого, что в вагоне тесно.

Город так вырос, что не может разглядеть сам себя, а не то, что прочесть книгу, идущую, глядящую в далекие пустынные края города.

У нас есть Общество книголюбов. Обитает оно в старом московском доме.

Но кто такие книголюбы?

Книголюбы нынешнего дня—это люди, которые все знают, что такое очередь.

И, кажется, хорошо знают цены.

Когда-то у меня была библиотека.

Там было собрано много книг по темам.

Я хотел найти книги, которые бы мне объяснили, почему так легко поверили люди Хлестакову. Так вот там было много разговоров про ревизоров. Один разговор обладал способностью чревоуващения: он мог говорить и как «простой» человек, и как ревизор. Там было много книг на эту тему.

Я хочу сказать, что подбор таких тем, подбор таких книг и передача их—это все равно, что обнаружение решения шахматной задачи.

Вот решение Ласкера. Вот Алехин.

Такие подборы тем, я знаю, были в библиотеке Эйзенштейна, Мейерхольда.

Необходимость необходимой работы.

Старые писательские библиотеки, хотя бы каталоги их, надо беречь.

Нам интересно, как вырастает книга, как отдельно брошенное и, может быть, забытое слово вырастает в среде всеземельного жара.

Потому что не только реки орошают вселенную; это запись многосотлетнего труда народов.

Так вот, когда я собирал библиотеку, то я увидел много книг—старых и без переплетов; их кто-то ограбил, сорвал шубы-обложки.

Оказалось, что на западе много книг, потерявших свое одеяние, а тамошние книголюбы любят книгу одетой.

Оставались у нас бесфамильные, бывшие когда-то крепкими библиотеки, вот люди раздевали книги, а платье посылали за границу—книголюбам, которые любят, и справедливо по-своему—если они только читают—любят книгу нарядной.

Существует вещь довольно известная—экслибрис.

Экслибрис в первом значении—это наклейка на внутренней стороне книжной обложки.

На экслибрисе писалось: том такой-то, шкаф такой-то, полка такая-то. Это было определение места книги в библиотеке.

ке, чтобы книга не заблудилась. Потом экслибрисы стали украшать — сперва условными картинками, потом экслибрис стал визитной карточкой книжного собирателя.

Знаю людей, которые не имели библиотек, но имели экслибрисы.

Собирание книг — дело трудное и увлекательное. Я знал одного эстрадного певца, который начал собирать книги как бы нечаянно, как бы ища применения большим деньгам.

Постепенно книги овладели собирателем. Я помню начало его библиотеки. Он собирал альманахи, книги Петровской эпохи. Он собирал запрещенные издания. Потом он начал собирать документы о запрещенных книгах. Понемногу книги заполнили его квартиру. Он делал для них, как для любимых дочерей, нарядные красноедеревные шкафы.

Книги он искал направленно. Собирал так, чтобы они в конце концов стали частью какой-нибудь грандиозной библиотеки.

Я писал о нем в самом начале его работы.

Для показа, что такое была библиотека Утесова, а речь идет о нем, скажу так.

Петр I издавал Марсову книгу.

Книгу о победах.

Там печатались и гравированные портреты людей, которые способствовали этим победам. Но иногда эти люди переставали нравиться Петру I. Тогда он приказывал счищать их портреты и гравировать наново.

Утесов умудрился найти очертания прежних людей.

Они обозначали повороты политики Петра I.

Утесову собирали книги всем народом. Когда я узнал, что у него нет первого альманаха, составленного Матвеем Комаровым, о котором я написал книгу, то я подарил Утесову издание Матвея Комарова, потому что дело книгоиздательства — общее и надо помогать человеку удачной линии.

Я дарил книги Б. М. Эйхенбауму. Все, которые собрал для первых своих работ о 1812 годе и о Толстом.

Было у меня много географических книг. Я подарил их Трениву, потому что сын Тренива собирал такие книги. Сын писателя мог бы рассказать много, например, о великом путешественнике по России Палласе. Сами эти книги — воспоминание о том, чего уже нет; исчезают дороги, соединявшие прежде знаменитые места.

Приходилось мне дарить книгу Юрию Тынянову. И книги эти вместе со всей библиотекой Тынянова находятся сейчас в Ленинграде в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Обмен книгами опасен.

Надо меньше думать о цене книги.

Книголюбие должно быть строго, как строг брак.

Тут не может быть ни измен, ни торговли.

Были семейства, которые поколениями собирали книги.

Библиотека по русскому стиху, в частности по Пушкину, собиралась настоящим знатоком книги, неутомимым библиофилом, известным профессором Иваном Никаноровичем Розановым. Все эти книги после смерти Розанова, по его завещанию, перешли в Пушкинский музей. Здесь, расположенные в тех же стеллажах, они хранятся и поныне.

Это предприятие я считаю счастливым.

Работа поколений стала делом всех.

Надо вспомнить Л. Толстого.

Мы все собственники.

Мы любим свои вещи.

У Толстого Пьер, едущий в Бородино, видит сон: во сне он спрашивает, кому отдать свое богатство — и во сне ему отвечают: всем.

Вот это реальный путь для книголюбца.

Иначе книга, если она попадает в нелюбимые руки, пропадает.

Пропало искусство подбора книг.

Повторю: после смерти писателя или исследователя надо оставлять хотя бы каталог его книг, чтобы понять законы поиска познания и утверждения.

Настоящая любовь к книге — это любовь к исследованию мира — знанию о мире.

Это книга великого путешествия.

Книги и библиотека профессора Гудзия целиком перешли в библиотеку Университета.

Это великий путь.

Человек собирал книги до последнего дня своей жизни. Я помню его огромные шкафы и на полках висели рисунки — не знаю для чего.

Коллекция наехала на коллекцию.

Передачу книг совершила жена профессора.

Существовала растрепанная по методу собирания, но большая библиотека Демьяна Бедного.

Существовали коллекции русских песенников — собирались они десятки лет; где они, я не знаю.

Иногда происходили несчастные случаи.

Один молодой писатель, погибший во время Великой Отечественной войны, собирал книги нашего советского времени. Сбирал хорошо.

Но он не знал многого.

Он срывал старые обложки, на которых были напечатаны дополнительные сведения, что тоже может быть предметом спора, и сам переплетал книги в ситцевые переплеты одной краски.

Полки были красивы, но обложки пропали.

Надо помнить, что книга должна оставаться по возможности со всеми надписями на ней.

Не надо вмешиваться в жизнь книги.

Книга твоя.

Она будет общей.

И ее путь тоже освещает путь русской или любой другой культуры.

Книги — это не грибы.

Грибы можно собирать в корзину.

И тут надо помнить, что нельзя лапами доискиваться потомков грибов — разрывать землю.

Мы при этом разрушаем грибницу.

То, что создает книгу.

Надеюсь, что многие книголюбцы знают, что грибы надо не ломать, а срезать, оставлять целым место рождения гриба.

На Литейном, недалеко от Невского, около старой больницы, стоял букинист; он продавал книги на вес, очень дешево продавал.

Так чтобы этого не было, надо читать книги.

Надо помнить, что прочитанная книга, даже не дочитанная — отодвинутая как слишком трудная — дороже книги, которой ты не овладел.

Которую ты не приютил.

Для которой ты не нашел места в нашей сегодняшней жизни.

II

Тургенев ссорился с Толстым.

Ему казалось, вместе с великим актером Щепкиным, что Герцен идет не по русской дороге.

Толстой знал, что в России все расстроилось, изменилось и никак не может уложиться.

Анна Каренина страдала голодом молодой женщины, вышедшей за старика.

Об этом голоде, смеясь, звонко пели, дразня стариков, французские хоры — их умело цитирует Александр Веселовский.

Об этом писал немолодой Боккаччо в новеллах о том, как выходят за стариков девушки, выданные по ошибке замуж — по ошибке стариков-родителей.

Анна Каренина — женщина, имя которой прославлено книгой будущего.

Женщина, имя которой звучит как название эпохи или государства.

Она ушла от любимого сына, от прошлого, от налаженной жизни, ушла к никому, к Вронскому.

Вронский потом стрелялся, сказав непонятное слово: «Разумеется».

Да, «разумеется», он не тот.

Он не тот, хотя у него есть высокие решения. Он выбывает из строя как сильно раненный человек.

Судьба Анны Карениной переходит в судьбу Катюши Масловой, которая не имеет высокого происхождения.

Толстой ищет решения. Он ищет новой нравственности.

Катюша Маслова уходит от Нехлюдова, который хотел что-то исправить.

Что-то починить, как пела моя мать:

Не говори, что молодость сгубила,
Тюремщиком больного не зови,
Я знаю, ты другого полюбила,
И от другого ты услышала слова любви;
Но подожди, близка моя могила,
Близка, исправлю... смертью искуплю.

Бездомные, описанные как потерянные люди, потерявшие веру, будущее, они уходили арестантами в Сибирь, в которой стояли, уже обвалившимися, некогда построенные казаками крепости.

Вронский уехал в Болгарию освобождать славян.

Вронский хочет врубиться в каре.

Хочет старомодного подвига.

Дон Кихота.

Хочет сабельной смерти.

Он уезжает.

Спутница ему Катюша Маслова; она отказывается во имя настоящей жизни от любви к тому, кто обидел.

Странная вещь: она едет в этих арестантских вагонах с молодыми дворянками — подвижницами, которые врубятся в как будто непобедимые жандармские русские роты и погибнут в террористической борьбе.

Их знал Достоевский.

Маслова уходит с Симонсоном, уходит с хорошим человеком, рабочим, у которого на боку защита в холст книга:

странная книга, впервые появляющаяся в большой литературе — «Капитал» Маркса.

Это его явление народам.

Все будет как будет.

Толстой уйдет неизвестно куда.

Тургенев пытался рассказать про женщину в деревне, про нее никто не знает, что она святая неизвестного ордена.

Житие описано в новелле «Живые мощи».

Она умирает после того, как долго лежала среди непонимающих ее обитателей деревни.

А они ее по доброте души не осуждали.

Она знала, что умирает.

И тут мне надо повторить.

Она слышала звон колоколов и говорила: они звонят сверху.

Она не решалась сказать: они звонят оттуда...

Они звонили из далекого будущего, которое нельзя увидеть — можно только услышать.

Тургенев восславлял Дон Кихота.

Воина, который не может победить, но он не разбит.

И была как бы случайная статья «Дон Кихот и Гамлет».

Будущее — наше.

Будущее у круглой земли, у которой общее движение.

Которая крутится одна целиком.

Будущее это знал Достоевский, знал неохотно; когда самодовольный мальчик Красоткин говорит с Карамазовым Алексеем о будущем, то благоразумно в этот момент Иван Карамазов сказал: «Немцы говорят, что если дать русскому школьнику звездную карту, то он завтра вам ее вернет исправленной». Это говорил Карамазов, перешагнув через иронию так, как почти великан Маяковский мог шутя перешагнуть через стул.

Будущее — от будущего.

Смотрел на уже изменившийся Петербург из квартиры, которая недалеко от храма, посвященного женщине подвига, рассказывал, что, когда они, петрашевцы, стояли одетыми в белые клобуки, одетыми в саваны перед расстрелом, они если и боялись, то не колебались.

Они считали себя правыми.

Будущее скрыто от нас, хотя оно прекрасно тем, что в нем, говорят, сходятся параллельные линии, которые в нашей жизни никак не могут устроиться.

Будущее, которое в стихах описывал Маяковский, обрывалось; ему приходилось описывать свою смерть и свое воскрешение через головы эпох и правительств.

На правом берегу Невы, около старого Университета, в старом здании Двенадцати коллегий, в длинном коридоре, вглядываясь в анфиладу комнат, набитых науками, жил здесь Александр Блок.

Будущее ждал он на левом берегу — одиноким.

Про него писала Анна Ахматова:

«Мой знаменитый современник», —

на таком-то берегу Невы. —

«Счастливых рук счастливый пленник».

Не было счастливого пленника.

Были суровые люди — Двенадцать — со смертью женщины во имя какой-то другой любви.

Об этом будущем мы не писали, не сдавали книги издательствам.

О том, другом будущем писали, печатали, даже тогда, когда тираж считался 1200 экземпляров.

Половина тиража была 600 экземпляров.

И гордый Блок все-таки приезжал в типографию: не дало ли издательство лишних экземпляров? А это скажется на переиздании.

Первые издания Владимира Маяковского были для него случайными.

В его поэмах описывались суровые ночные дома, похожие на бульдогов, как будто попавших в силки проводов.

Мне сказал один маленький писатель, такой маленький, что он был старым и все еще ничего не написал; он сказал:

— А чего вы, будучи другом В.В., ничего не сказали о его любви?

Он сам написал о своей любви.

Поэма «Про это».

Она кончалась словами о смерти.

И о воскрешении.

И встречи с любимой — там — в странном месте.

На дорожках Зоологического Сада. Она должна была туда прийти. Она любила зверей.

Большие писатели видят будущее.

Почти все будущее — кроме своей судьбы.

Поэтому мы, скажем, младшие, мы о них не можем всего написать.

Старик — нет, нет, — вечно молодой Пушкин не дописал «Евгения Онегина».

«Анна Каренина» не дописана.

«Преступление и наказание» не дописано.

Хотя должно было быть написано про любовь Раскольников-ва.

Мы предугадываем будущее.

Это одно из свойств нашего поколения.

Будущее неприступно.

У него нет стенок, в которых мы могли бы найти уязвимое место для наблюдения за будущим.

Поэмы кончаются торжеством печали.

Будущее неясно даже для Чехова.

Его ненавидели люди, товарищи, которых он обогнал.

Он умер очень молодым.

Очень молодым.

Таким молодым, что он не успел бы в наше время попасть в Союз писателей.

Но его не любили люди, которым он покровительствовал.

Помогал жить. Они его освистывали в театре Суворина, дурного человека, который называл свой театр «Малым», а «малой» была вся его судьба. Потому что это судьба звонкого приспособленца. В малом театре не мог звучать голос, прекрасный голос Комиссаржевской.

Во имя будущего, во имя наших дней писатели должны интересоваться судьбой своих книгоиздательств.

Издательства государственные.

Но само государство не пишет и не принимает рукописи.

Это делают люди.

Мы сами виноваты в судьбе многих поэтов; в меньшем количестве — прозаиков.

Прозаики, очевидно, имеют свинцовые кили — как яхты, и не переворачиваются даже при сильном ветре.

Писатель рождается как бы раньше своего времени.

Я не хочу сказать этим, что он рождается не на девятом месяце его матери, а на шестом или седьмом.

Он рождается на девятом; но живет как бы преждевременно.

Входит непохожий на своих современников Горький.

Высокий, сильный, с солдатскими усами, с руками кулачного бойца.

Человек с волжским, хорошо сохранившимся акцентом.

Он очень любил слово «хорошо».

За то, что в этом слове три «о».

Об этом он мне сам говорил.

Рождается и удивляет своим приходом Маяковский.

У него нет пальто.

Он ходит в накидке.

У него нет костюма.

Он ходит в рабочей рубашке из черного сатина.

Она потом в шутку пожелтела.

Она была такая широкая, что не мешала поэту поднимать руку для того, чтобы ставить слово на свое место.

Мы не узнаем любимых.

Не узнаем, хотя окружены поспешной любовью.

Красавицы любили Есенина — но мы узнаем его в плаче; а он был счастлив потому, что видел далеко.

Его, не узнавая, любили.

Женщины, даже прищурясь, не могли определить размеров таланта и будущее Маяковского.

Как говорила мне одна женщина, неплохая, имевшая хорошие тиражи своих маленьких стихов, которые умели всюду прокарабкиваться, — она говорила: «Ну что ж, Маяковский? Поэт среди поэтов».

А другой мужчина написал и напечатал, что он не любит Маяковского потому, что не любит великанов.

Это уже признание.

Но это не дружба.

Маяковского нельзя было похлопать по плечу.

Конечно, я бы хотел, чтобы Маяковский написал обо мне, а не я бы писал о Маяковском.

Мы живем в многотиражную эпоху.

Многочитающую эпоху.

Слова детской писательницы с хорошими тиражами говорят о том, что многие пишут стихи и многим это удается.

Но стихи приходят — нет, переходят в жизнь человека.

Как бы без его согласия.

Потом, может быть, иногда пишут прозу, чтобы спрятать в прозе свои стихи. Свой ритм слов.

Один мой дед был латыш, из Венда. Фамилия его Бундель. А я родился в семье, в которой детей крестили в православную веру — так и записывали, и было Охтинское кладбище. Оно и сейчас осталось на берегу Невы, напротив Александро-Невской лавры.

Латыш любил своих детей и внуков.

Он просил их хоронить на краю православного кладбища. Рядом протестантское — свое, латышское. И он смотрел на родные могилы через решетку.

Им самим придуманную.

У нас есть своя вера и мы живем не среди решеток.

Долговечны мы из вежливости.

Надо же, чтобы кто-нибудь помнил, как жили и издавались малыми тиражами, изменялись и снова писали люди в оправдание моей небольшой статьи.

Виктор Утков

БУДУЩЕЕ КНИГИ

Сентябрьским пасмурным утром я шел по асфальтовым полям ВДНХ мимо павильонов, в которых, словно в археологических напластованиях, видны были приметы минувших времен. Начинал сеять мелкий дождь, краски вокруг были притушены, диктор передавал очередную сводку погоды, в которой ничего не было утешительного. Но люди, которые шли рядом со мной, обгоняли или отставали от меня, ехали на холодных пластмассовых сидениях маршрутных вагончиков, были празднично оживлены, так, словно на небе сияло солнце...

Все мы спешили на открытие Московской Международной книжной выставки-ярмарки.

В третий раз за последние шесть лет я как бы вхожу в море книг всей планеты, наслаждаясь их многообразием, красочностью, многоязычностью. Волны этого моря несут меня к маяку, освещающему путь в будущее — к миру и дружбе между народами, к прогрессу и счастью людей...

Не один раз в дни книжных международных выставок вспоминал я великого нашего ученого Владимира Ивановича Вернадского, его учение о ноосфере, сфере разума, к которой идет человечество. Книга в этом движении имеет первостепенное значение. Черные силы, которые хотят повернуть историю вспять, понимают это и пытаются использовать книгу в своих целях. Однако их ждет поражение — у книги есть одна важная особенность: сила ее воздействия на человека и долговечность определяется идеями разума, мира и прогресса, вложенными в нее, человечностью содержания, а не стремлением возвеличить насилие, расовую рознь, вселенский огонь, в котором современные Геростраты готовы спалить человечество...

Встречи с издателями и книготорговцами отечественными и зарубежными были как бы окружены аурой дружбы и доверия, взаимопонимания и праздничности. Она ощущалась

и в павильонах издательств, и у стендов с книгами, и в офисах, где заключались сделки на издание, покупку и продажу книг. Работа была нелегкой, требовала сил, ума, профессиональных знаний, умения, опыта, нередко возникали споры, но это не меняло атмосферы доверия и праздничности, а лишь ярче оттеняло ее...

Часами можно было изучать стенды советских издательств, не иссякали очереди желающих познакомиться с книжным творчеством советских народов у республиканских павильонов. Единодушным было мнение, что советская книга стала еще лучше, еще ярче...

Толпы посетителей заполняли павильоны Чехословакии и Польши, Румынии и Болгарии, ГДР и Венгрии. Пленяли своими красками книги стран Азии и Африки, Латинской Америки и Австралии. Трудно было попасть в павильон японской книги, которая и в предыдущие ярмарки пользовалась успехом у посетителей, так же как и книги Франции и Италии, Нидерландов и Испании, многих издательств фирм ФРГ, Великобритании, США и других стран мира.

Это был подлинный пир книги, радующий сердца книголюбов и библиофилов. Для последних на ярмарке было много интересного, особенно в павильоне издательства «Книга», чьи библиофильские издания год от году становятся разнообразнее и лучше; восхищение вызывало обилие превосходных книг издательства Российской Федерации, миниатюрные издания Казахстана, альбомы «Искусства», «Советского художника», «Авроры» и других центральных и республиканских издательств.

Внимание знатоков книги привлекли специальные библиофильские стенды в испанском павильоне. На них красовались фолианты — факсимильно воспроизводящие издания XVI, XVII, XVIII и начала XIX веков, вышедшие в Мадриде, Барселоне, Париже. Превосходно выполненные, полностью имитирующие фактуру бумаги и печати, следы времени, книги эти вызывали восхищение посетителей-библиофилов. Выпускает их специализированное издательство в Барселоне. Марка издательства — старинный печатный станок в овале, по верхнему полукругу которого — надпись на латинском языке «Круг библиофилии», а по нижнему — «Издательство редких и антикварных книг». Из зарубежных издательств это было единственное библиофильское...

Семь дней длилась выставка-ярмарка. Семь дней продолжалась сложная и многогранная работа по обмену изданиями, их купле и продаже, подписанию контрактов. Об итогах ярмарки писали уже много, не буду на них останавливаться,

скажу только, что они оказались выше, чем у предыдущих. Но ни в какие цифры не уложишь тот моральный капитал, который приобрела наша страна, проведя ярмарку под девизом «Книга на службе мира и прогресса», девизом, выражающим основные чаяния народов Земли.

Был еще один павильон, там не было книг, однако редкий посетитель проходил мимо него — выставка детского рисунка, организованная редакцией журнала «Советская женщина» и Генеральной дирекцией ярмарки. О ней хочется сказать отдельно...

В рисунках детей всегда сильно непосредственное восприятие окружающего мира. Ребенок видит зорче чем взрослый, его зрение не притуплено канонами мышления, заботами и суетой.

Я долго стоял перед рисунком 14-летнего мальчика-индуса Раджниш Кватра, названным им: «Красота индийской деревни и близлежащего города». Собственно, это был не просто рисунок, а целое панно, на котором — множество людей, животных, птиц, растений, произведения рук человеческих, панно динамичное, полное действий и символов. Рисунок этот воспринимался как своеобразная книга, обращенная в будущее. Зоркий глаз индийского мальчика увидел в окружающей его жизни грядущие свершения. Рисунок полон оптимизма, веры в благотворные перемены, которые несет индийскому народу новая действительность...

Это — рассказ о земных делах.

Взгляды многих детей в наше время обращены к звездам, в Космос, и рисунки на выставке подтверждают это, они многочисленны и удивительно многообразны.

Сокровенное детских рисунков на космические темы не в их разнообразии, а в единой для юных авторов вере, что корабли землян покорят небесное пространство, побывают на многих планетах, построят в Космосе города, а жители Земли подружатся с жителями иных планет Вселенной...

Кажется, выставка детского рисунка не имеет непосредственного отношения к книгам, к десяткам тысяч книг, представленным на ярмарке. Но это не так. Замечательная выставка воспринимается прежде всего как будущая превосходная книга детского рисунка, отражающая впечатления и чаяния нового поколения мира (кстати, хорошо бы выпустить такую книгу!). И не только это — в рисунках детей нашей планеты, в их сюжетах, красках, смелом полете фантазии угадываешь будущее Книги...

Александр Чистяков

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ

...Мне еще никогда не доводилось видеть такую очередь. Широкой извилистой лентой она растянулась чуть ли не на километр — от Главного павильона до павильона № 1 и «Химия». Кто же они, эти десятки тысяч празднично одетых, оживленно беседующих людей?.. Это — друзья книги. И стремятся они к одной цели — на День книголюба, объявленный организаторами Московской Международной книжной выставки-ярмарки. Она работала уже пятый день и имела большой успех не только у москвичей, но и у гостей столицы, съехавшихся со всех концов страны и из-за рубежа. С воодушевлением было воспринято теплое, проникновенное приветствие Леонида Ильича Брежнева в адрес ее участников и гостей. Деловые люди — издатели, представители книготорговых фирм заключили к этому времени — 6 сентября, за два дня до закрытия выставки-ярмарки, столько контрактов, сколько было заключено за все время работы ММКВЯ-79.

Мне довелось в этот день дежурить в разделе выставки, устроенном Всесоюзным добровольным обществом любителей книги. По опыту двух предыдущих подобных праздников знал: нелегкое будет дежурство. Посмотреть нашу экспозицию придут тысячи и тысячи людей всех профессий и возрастов, будет задано множество вопросов. Тут же возникнут дискуссии о новинках литературы, состоятся неожиданные встречи друзей-библиофилов, один из которых ныне живет, возможно, в Хабаровске, а другой — в Вильнюсе. Они, разумеется, переписываются между собой, но, как сказал Пушкин, письмо не заменит разговора... Да, будет нелегко дежурному, но зато запомнится этот день надолго.

Все так и было.

С десяти утра нескончаемый поток посетителей хлынул в оба гигантских павильона, в которых посланцы восьмидесяти трех стран разместили 160 тысяч различных изданий.

Сразу же тесно стало в нашем отделе, так же как и в соседних, где демонстрировали свою продукцию издательства «Художественная литература», «Советский художник», «Советская музыка», «Плакат»... Отдел — в два раза больше по площади, чем в прошлый раз, обширнее и внушительнее экспозиция. Так ведь и интерес к жизни Общества книголюбов возрос. За последние два года оно окрепло, почти на три миллиона увеличилось количество его индивидуальных членов. Главное же, Общество завоевало себе авторитет своими разнообразными делами. Конкретнее и целеустремленнее ведется пропаганда общественно-политической и научно-технической книги. Накоплен значительный творческий опыт в работе клубов книголюбов, общественных советов, народных книжных магазинов, секций по направлениям и интересам. Общество имеет свое специфическое лицо, свой голос. Больше выходит литературы в помощь книголюбам и активистам ВОК.

Надо было видеть, с каким интересом брали посетители со стендов «Рассказы о книгах» Н. Смирнова-Сокольского, «Власть книги» О. Ласунского, каталог русской поэзии И. Розанова, каталог старопечатной книги, выпуски «Альманаха библиофила», «Справочник юного книголюбца»... И тут же, конечно, вопросы:

— Нельзя ли увеличить тиражи этих очень нужных книг?

— Что нового предполагается выпустить для руководителей и актива организаций ВОК?

— А что получают в ближайшее время любители чтения?..

Посетители подолгу стоят перед витринами, в которых разместились книжки-малышки, книжки-«колибри» — полторы сотни миниатюр из коллекции сибирского библиофила, рабочего одного из пермских предприятий И. Я. Дюдина. Вся его коллекция насчитывает около восьмисот единиц хранения, на выставке демонстрируется лишь основная ее часть — Лениниана, работы Л. И. Брежнева, издания Конституции СССР на многих языках народов нашей страны. Некоторые из этих экспонатов размером не более спичечного коробка, а формат миниатюрной книжки с текстом Гимна Советского Союза — не больше почтовой марки. Сделанные со вкусом, изящно, эти жемчужины полиграфического искусства никого не оставили равнодушным. Тут же, рядом с коллекцией — экскурсовод, владелец этого замечательного собрания. Игорь Яковлевич ведет обстоятельные беседы с коллегами-миниатюристами, рассказывает, как он пополняет свой фонд, как помогают ему в этом книголюбцы из других городов. А сейчас здесь, в павильоне, на память о встрече дарит новым

друзьям красочный буклет «Миниатюрные издания», который выпущен к открытию выставки-ярмарки Центральным управлением ВОК.

Украшением раздела явились экслибрисы из собрания москвича В. А. Кирина. Многие из них выполнены большими мастерами советской графики — В. Фаворским, Ф. Константиновым и другими.

Глядя на книжные знаки, bibliофилы говорили: «Вот бы нам подобное для своих библиотек!» Высказывались пожелания, чтобы Центральное управление ВОК, республиканские правления расширяли производственную базу, чтобы на предприятиях Общества можно было и книжный знак сделать, и переплести пришедшее в ветхость издание, и купить изготовленные на «своих» предприятиях переплетные станки, необходимые материалы для ремонта книг. Проблемы вполне разрешимые, и посетители выходят с надеждой, что их пожелания будут выполнены.

...А вот и первые встречи со знакомыми библиофилами. Смотрю — мой знакомый Сербский, которого хорошо знают книголюбы Братска, где он живет и трудится. Им собрана редкая библиотека современной поэзии — более шести тысяч томов. В свое время я бывал у него дома, держал в руках поэтические сборники с дарственными надписями Н. Тихонова и М. Светлова, С. Маршака и Н. Асеева... Почти каждая десятая книга — с автографом... И вот снова вижу этого человека, который не утерпел, прилетел в столицу за тысячи километров, чтобы посмотреть, что нового из поэтических изданий на выставке-ярмарке.

Встречаюсь со старейшим художником-оформителем Николаем Васильевичем Шумайловым. Этот талантливый человек получил за свои работы Гран-при на Парижской всемирной выставке. Говорили, что по тонкости и ювелирности работы его произведения не уступают подкованной блохе лесковского Левши.

Успела, несмотря на болезнь, посетить выставку Маризтта Шагинян. Писательница увлеченно рассказала о людях, чьи книги увидела на наших стендах — Николае Павловиче Смирнове-Сокольском, Иване Никаноровиче Розанове. Обрадовалась преподнесенному ей подарку — «Рассказам о книгах». Сказала с благодарностью: «Произведения Николая Павловича у меня, конечно, есть, а вот это издание еще не видела». Предложила безвозмездно выпустить с эмблемой ВОК ее книгу «Уроки Ленина».

С книголюбями подолгу беседуют Александр Чаковский, Сергей Сартаков, Олег Шестинский... Из Таджикистана при-

был писатель А. Каххори — первый заместитель председателя правления Общества книголюбов республики.

— А я вам новинку привез,— сообщает Аджуджабор Ермаатович.

— Покажите, пожалуйста, вашу новинку,— прошу его.

А. Каххори разжимает ладонь — в ней добрый десяток алых книжек.

— Вот, мы выпустили календарь книголюба.

Листаю симпатичный календарик. В нем отмечены знаменательные литературные даты, юбилеи выдающихся писателей. Так, календарь напоминает, что исполнилось 800 лет замечательной поэме Низами «Хосров и Ширин», что ровно два века назад была опубликована комедия Д. Фонвизина «Недоросль», а «неистовому Виссариону» — В. Г. Белинскому 11 июня отмечалась 170-я годовщина со дня рождения.

Каххори рассказывает о жизни книголюбов Таджикистана. Оказывается, там более четырехсот энтузиастов Общества открыли свои библиотеки для всех читателей. Среди них — инициатор этого почина А. Бобоходжаев, врач Н. Назаров, работница фабрики народных промыслов Т. Абдуджалилова, инженер из Ленинабада А. Ганиев. Много интересного делает сельский учитель Р. Курбаналиев из колхоза «Коммунизм», что в Восейском районе Кулябской области. На базе своей библиотеки он создал методический кабинет для молодых пропагандистов. В разгар хлопкоуборочной страды значительная часть его книг перекочевывает на полевые станы...

Местная радиосеть между тем оповещает гостей выставки, что в конференц-зале в этот день состоятся два значительных события: в 11 часов — встреча книголюбов с членами редколлегий и сотрудниками газеты «Книжное обозрение», журнала «В мире книг», «Альманаха библиофила», а несколько часов спустя — за «круглым столом» пойдет разговор на тему «Книга и охрана окружающей среды». Как ожидалось, обе встречи прошли при переполненном зале. Академики, Герои Социалистического Труда И. В. Петрянов-Соколов и А. Л. Яншин, доктора наук Г. Д. Засухина, И. В. Стражева, Л. В. Ксанфомалите, летчик-космонавт Г. Т. Береговой, научные обозреватели центральных газет, директора крупнейших издательств, писатели и поэты...

Участникам праздника был показан фильм «Зайдем к Смирдину...» — о библиотеке известного русского издателя и библиофила А. Ф. Смирдина, находящейся ныне в Праге.

Сентябрь, 1981

К ЗНАНИЮ КЛЮЧ

Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры... Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной потребностью.

А. Курприн

Беседу вела М. Федорова

Круг научных интересов члена-корреспондента АН СССР, лауреата Ленинской премии, директора Института русского языка, признанного главы советских языковедов Федота Петровича Филина был необычайно широк: история языка и диалектология, вопросы этногенеза славян и лингвистическая география, проблемы языка и мышления, нормы современной литературной речи и социальная лингвистика, лексикология и лексикография. Беседовать с известным ученым было легко, ибо он не злоупотреблял в разговоре научными формулировками, не ошеломлял собеседника терминологией. Узнав о цели моего визита, Федот Петрович рассказывал:

— Книга в моей жизни?.. Знаете ли, пожалуй, я начну нашу беседу со своеобразного гимна книге. Вот посмотрите: «Велика бо бывает полза оть ученья книжного, книгами бо кажема и учима есмы пути покаянию, мудрость бо обрътаемъ и въздержанье от словесъ книжных, се бо суть рьки, напоющи вселеную, се суть исходяща мудрости, книгамъ бо суть неищетеная глубина, с ими бо в печали утьшаеми есмы, си суть узда въздержанию. Мудрость бо велика есть». Вот так восславил книгу летописец Нестор в «Повести временных лет». Это — по Лаврентьевскому списку в записи под 1037 годом.

В моей жизни печатное слово всегда занимало огромное место. Грамоте я научился самостоятельно в четыре года. С тех пор книги стали моими неизменными спутниками. В юности читал много, но бессистемно. Детские хрестоматии и журналы. Пушкин, Толстой, Вальтер Скотт и, конечно, неизбежные тогда Нат Пинкертон, Ник Картер, романы мадам Чарской и многое другое. Особенно запомнились сборник «Сказки kota ученого» и «Приключения сверчка» Э. Кандеза. Это в детстве. А потом пошли, сменяя друг друга, русские и иностранные авторы.

Когда интерес к книгам окреп, я выбрал специальность:

поступил на филологический факультет 2-го МГУ (теперь Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина). С любовью и благодарностью я вспоминаю своих учителей — профессора М. Н. Петерсона, члена-корреспондента АН СССР Н. М. Каринского, моего непосредственного руководителя, профессора А. М. Пешковского, известных фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых. Они привили мне любовь к *нужным* книгам, без чего нет нашей специальности. Потом я учился в аспирантуре, в Институте языка и мышления АН СССР в Ленинграде, который в то время был центром советского языкознания. Здесь работали блестящие ученые — академики Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, С. П. Обнорский, Б. М. Ляпунов, Л. В. Щерба...

В кабинете Ф. П. Филина — портреты известных языковедов — академиков С. П. Обнорского и В. В. Виноградова. Заметив мой взгляд, Федот Петрович поясняет:

— Сергей Петрович Обнорский был моим учителем и основателем нашего Института в грозный военный 1944 год, а Виктор Владимирович Виноградов — моим предшественником на посту директора Института русского языка... Вспоминаю один эпизод далекого 1931 года. Сергей Петрович посоветовал однажды поехать к академику Н. К. Никольскому, чтобы познакомиться с его собранием рукописей и книг. Библиотека у Никольского была уникальная. Он вел счет сохранившимся рукописям старославянского и древнерусского письма и насчитал их свыше ста тысяч! — больше не успел. Николай Константинович познакомил меня с собранием и дал напутствие, которому я следую всю жизнь: «Если хотите быть серьезным человеком, собирайте библиотеку, без нее вы серьезным ученым не станете». Я начал собирать книги, но во время блокады Ленинграда, которую мне пришлось пережить, они погибли почти полностью. После войны начал собирать книги заново. Сейчас моя личная библиотека велика, но бессистемна. В ней есть редкие зарубежные издания, списки древних рукописей. Их у меня много, начиная с «Остромирова Евангелия». Книги для меня как «реки, которые утоляют жажду вселенной».

— *Федот Петрович, расскажите, пожалуйста, более подробно о составе вашей библиотеки.*

— Главную часть составляют труды по языкознанию, особенно я отметил бы собрание разного рода словарей, есть книги по истории, археологии, этнографии, литературоведению. С беллетристикой приходится постоянно расставаться, дарить, иначе мне негде было бы жить.

— *Относите ли вы себя к числу библиофилов?*

— А кто такой библиофил? Если это человек, посвятивший всю свою жизнь собиранию редкостей, то — нет. Если это человек, который видит только книги и не видит жизни, превращаясь в «книжного червя», то — тоже нет. Если же считать библиофилом того, кто не мыслит своего существования без книг, то я отношу себя к армии библиофилов.

— *Книги пробудили у вас интерес к исследованиям, что, в свою очередь, дало жизнь другим книгам — написанным уже вами. Вы — автор 375 работ, среди них десять монографий... Когда вышла первая ваша книга?*

— Свою научную работу я начал с изучения русских народных говоров еще в 1933 году. Результатом явился печатный труд «Исследования о лексике русских народных говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии». Книга вышла в свет в 1936 году. Это была первая монография по русской диалектной лексике в нашей науке.

— *Потом вы начали заниматься историей русского языка...*

— Да, и в результате был опубликован ряд работ, в том числе — книга «Образование языка восточных славян». Она появилась в 1962 году.

— *Исследователи одним из фундаментальных трудов называют вашу книгу «Происхождение русского, украинского и белорусского языков», вышедшую в 1972 году. По оценкам специалистов, это значительный вклад в современное славяноведение.*

— Главное содержание книги состоит в следующем. На основании огромного материала я пришел к выводу, что дальним истоком русского, украинского и белорусского языков является праславянский язык. В отдаленную эпоху образовалась праславянская этнолингвистическая общность. По моим данным получается, что в первом тысячелетии до нашей эры границы формирования этой общности следующие: восточные и западные границы пролегали между средним течением Днепра и верховьями Вислы; на севере — по реке Припять; на юге — там, где кончались леса и начинались степи. Это, конечно, очень схематично. Когда праславяне возникли, мы точно не знаем. Границы их существования постоянно менялись. В первых веках нашей эры наши древние предки начали мигрировать в самые разные районы. Они заняли Балканы — там сформировались теперешние южнославянские языки: болгарский, сербохорватский и словенский. На западе праславяне заселили территорию за Вислой, заняли южные районы, прилегающие к Балтийскому морю. Особенно далеко продвинулись они на север и северо-восток. Уже ко времени

образования древнерусского государства (IX век) они достигли Ладоги (Чудское озеро), междуречья Оки и Волги (район Москвы) и продолжали продвигаться дальше. Распад праславянского этноязыкового единства приходится примерно на VI век. Значительно позже образовались восточнославянские близкородственные, но самостоятельные народности — русские, украинцы, белорусы.

Сначала на восточноевропейской территории возникла древнерусская народность. Это были племена с начатками государственности. Центром стал Киев — «мать городам русским», как говорит о нем летописец.

В своей книге я определил особенности языка, которые стали отличать восточных славян от южных и западных. Это, пожалуй, в ней главное.

— В 1981 году вышла в свет другая ваша книга — «Истоки и судьбы русского литературного языка». Она сразу вызвала большой интерес у всех, кто занимается историей языка. Расскажите, пожалуйста, об этой книге.

— Известно, что со времен массового крещения на Руси возникла большая потребность в письменности, в частности в религиозных книгах. Эти книги уже существовали в Болгарии и Моравии. Создали письменность, как известно, великие славянские просветители Константин (монашеское имя — Кирилл) и Мефодий. Эта письменность пришла и в Древнюю Русь. Церковные книги были в основном на болгарском (старославянском) языке. Но письменность стала распространяться и на светские области жизни. Именно в этот период появились замечательные памятники — «Русская правда», погодные летописные записи, «Слово о полку Игореве» и ряд других произведений. По-видимому, существовали и другие произведения, до нас не дошедшие. Так вот, эти книги были написаны в основном на народном древнерусском языке и литературно обработаны.

В нашей науке сложился традиционный подход к этой проблеме. Еще в XIX, и особенно в начале XX века, считалось (это особенно четко сформулировал А. А. Шахматов), что язык деловой письменности Руси, погодных записей, летописей и т. д. не был литературным. Что это был язык для практических нужд, не больше. Что литературным был только язык церкви, который постепенно обрусевал. Следовательно, делали вывод ученые, современный русский язык древнеболгарского происхождения. Академик Шахматов утверждал, что половина, если не больше, слов в современном русском языке произошла от древнеболгарских. Я решил проверить это положение. Взяв 17-томный академический словарь и «Обрат-

ный словарь русского языка», я сделал сплошную сверку. И что же оказалось? Оказалось, что церковнославянских и древнеболгарских слов в современном русском литературном языке не более 10 процентов! Причем первые в большинстве своем возникли на Руси. Таким образом, я пришел к выводу: современный русский литературный язык в основе своей народный русский происхождения. Что нет никакого основания исключать из понятия «литературный язык» язык «Русской правды», летописей и других древнерусских произведений.

В Древней Руси сложилась своеобразная ситуация — литературное двуязычие: болгарский язык, который изменился под воздействием русского языка (его стали называть «церковнославянским русской редакции»), и оригинальный русский литературный с церковнославянскими вкраплениями, в основе своей — народный язык. Эти два языка взаимодействовали между собой. История их была сложной, и, как мне кажется, удалось ее проследить... Верх брал то один язык, то другой. Так было до XVII века, когда начала складываться русская нация. В. И. Ленин говорил, что в эпоху становления наций народный язык пробивает себе дорогу в письменность, становится господствующим литературным языком. В моем исследовании это положение нашло еще одно практическое подтверждение.

Ну, а в XVIII веке начались всякого рода реформы. Петр I ввел в 1708 году гражданскую азбуку. А потом пришло время Ломоносова, Фонвизина, Новикова, многих других просветителей. Своей практической деятельностью они развили литературный язык на народной основе. Тем самым они подготовили почву для Пушкина, который, обобщив все это громадное наследство, создал систему литературного языка, которой мы, с изменениями конечно, пользуемся до настоящего времени.

— *А над чем вы работаете сейчас?*

— Сейчас я пишу книгу «Историческая лексикология русского языка. Краткий очерк». Если взять учебники для вузов, то можно увидеть, что в них есть историческая фонетика, историческая грамматика, исторический синтаксис. Исторической же лексикологии не существует. Вот я и задумал восполнить этот пробел. Тогда «круг замкнется» и история русского языка будет освещена со всех сторон. Занимаюсь я также и современным русским языком. Исследую такие проблемы: состояние современного русского языка, роль в нем литературного языка, литературной нормы. Кроме того, меня всегда интересовала теория языкознания. Я подготовил книгу «Очерки по теории языкознания». Она вышла в издательстве

«Наука» в 1982 году. Ну и, конечно, я много занимаюсь словарями.

— Но удовлетворить «словарный голод» никак не удастся...

— Конечно, это результат возросшей культуры населения. Словари — самые разные — нужны всем. Сейчас издается много словарей, и среди них такие монументальные, как «Словарь современного русского литературного языка», «Словарь русских народных говоров», однотомник «Русский язык. Энциклопедия». Готовится переиздание «Словаря современного русского литературного языка». Выпущенный в 1950—1965 годах в 17 томах, он был и пока остается самым большим и богатым по заключенным в нем материалам. Он отражает языковую культуру народа за полтора столетия — от Пушкина до наших дней. Большой академический словарь содержит непревзойденную коллекцию образцов русского словоупотребления, извлеченную из художественной, общественно-политической, научно-популярной, мемуарной и эпистолярной литературы.

— В 1970 году шесть ученых, принимавших участие в работе над словарем, в их числе и вы, были удостоены Ленинской премии... На какой стадии находится работа над его новым изданием?

— В ближайшее время мы сдадим в издательство первые два тома. А всего их будет 19.

— В чем заключается основная задача переиздания?

— Необходимо внести в словарь те изменения, которые произошли в языке за последние 30—40 лет, то есть за время, прошедшее после работы над первым изданием. Например, в языке появились такие слова, как *акваланг*, *биокибернетика*, *видеотелефон*, *лазер*. Такие слова, как *алгоритм*, *абстракционизм*, *внеземной* и другие в языке существовали, но активно стали употребляться лишь в последние 20—30 лет. Будут изъятые слова, которые еще в эпоху Пушкина вышли из активного употребления (*велегласный*, *велеlepный*, *вратник*, *взаимство* и др.). Обновляется и иллюстративный материал — цитаты.

— Федот Петрович, в 60-х годах по вашей инициативе началась работа над многотомным «Словарем русских народных говоров». В 1965 году появился первый его выпуск...

— А сейчас вышел семнадцатый!

— Сколько же их будет всего?

— Трудно сказать, но, думаю, не меньше сорока.

— Вы были автором «Проекта Словаря русских народных говоров». Сразу же по выходе в свет «Проекта...»

специалисты дали ему очень высокую оценку, отмечая, что это значительный труд по теории диалектной лексикографии и лексикологии. А когда появился Словарь, его стали называть «новым Далем». Этим подчеркивалась преемственность дела, которое в свое время столь блистательно осуществил в своем «Толковом словаре живаго великорусского языка» В. И. Даль. Скажите, что побудило вас начать работу над этим сложнейшим изданием?

— После Даля была проделана огромная работа по сбору местных слов — труд нескольких поколений диалектологов. В 50-х, начале 60-х годов я задумал создать сводный словарь русских народных говоров XIX—XX веков. Первый выпуск его я составил сам. Над остальными работал и работает сейчас под моим руководством коллектив лексикографов.

— В одной из статей, посвященных этому словарю, сказано, что научная ценность его со временем будет возрастать. Поясните, пожалуйста, эту мысль. Ведь обычные словари устаревают.

— После выхода последнего выпуска словаря читатель будет иметь самое полное собрание местных слов, во много раз превосходящее словарь Даля. Другого такого словаря, как наш, вероятно, создано больше не будет, так как современная диалектная речь быстро вытесняется литературным языком. Включенный в комплекс других академических словарей, он приобретает такое же фундаментальное значение, как словари исторические, толковые.

— Еще одно интереснейшее издание, главным редактором которого вы являетесь, — «Русский язык. Энциклопедия». Как вы оцениваете этот труд?

— Авторы книги впервые поставили перед собой задачу в сжатой и по возможности популярной форме изложить все важнейшие сведения о русском языке — его разновидностях, нормах, исчезающих диалектах, жаргонах, его стилистике и функционировании в обществе. Не забыта и история русского языка. В «Энциклопедии» приведены сведения о наиболее крупных русских и советских ученых-языковедах, о наиболее важных памятниках культуры, об учреждениях и журналах, связанных с изучением русского языка. В ней даются краткие сведения по теории языкознания, рассказывается о взаимодействии русского языка с другими языками. Она иллюстрирована документами. Вот, пожалуйста, — немеркнувшие страницы «Остромирова Евангелия», обложка первой грамматики, составленной Ломоносовым, титульные листы других известных памятников письменности, портреты выдающихся ученых.

К сожалению, тираж этого издания очень мал — всего 150

тысяч экземпляров. А ведь эта книга нужна каждому грамотному человеку! Не успев появиться на прилавках, она стала «библиографической редкостью»...

— В Институте русского языка АН СССР сейчас ведется работа по составлению «Словаря языка В. И. Ленина». Для кого будет предназначено это издание?

— Оно станет важным пособием для работников идеологического фронта, лекторов и пропагандистов, для специалистов гуманитарных и естественных наук, для всех, кто интересуется ленинским пониманием значения слов.

— И, конечно, для переводчиков?..

— Да, безусловно, и для переводчиков ленинских работ на другие языки. «Словарь языка В. И. Ленина» станет важным вкладом в культуру русского народа и всех народов нашей страны, в мировую культуру. Язык Ленина — выдающееся явление в истории современного русского литературного языка, классический образец русской научной и публицистической речи. В нем отражаются важнейшие достижения марксистско-ленинской науки о природе и обществе, по вопросам философии, экономики, государства и права, мирового коммунистического движения, пролетарской революции, научного коммунизма. Его серьезное воздействие на состояние и развитие русского литературного языка продолжается и будет продолжаться, поскольку идеи Ленина лежат в самой основе нашей общественной жизни.

Словарь будет полным. В него войдут все без исключения нарицательные слова в тех значениях, как они представлены в Полном собрании сочинений В. И. Ленина. Это относится и к терминологическим сочетаниям, и к фразеологизмам. В настоящее время создается материальная база словаря — картотека. Она состоит примерно из двух с половиной миллионов карточек. Сейчас мы приблизительно знаем словарный состав письменного языка Ильича — свыше 35 тысяч слов.

— Над какими еще словарями работают сейчас лексикографы Института?

— Мы поставили перед собой грандиозную задачу: описать весь лексический состав русского языка, начиная с древнейших его истоков до наших дней. Член-корреспондент АН СССР О. Н. Трубачев вместе со своим коллективом создаст «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд». Летом 1981 года в Москве в издательстве «Наука» вышел восьмой выпуск этого словаря. Издание продолжается. Это реконструкция, восстановление древнейших истоков языка, его лексического фонда. В том же издательстве печатается «Словарь русского языка XI—XVII веков» —

непосредственный преемник предыдущего. Затем — словарь XVIII века. Он готовится к изданию в ленинградском отделении Института. Ну, а XIX—XX века уже описаны. Когда эта грандиозная программа будет завершена, наши потомки получат огромную, колоссальную фактическую базу, которой раньше ученые не располагали, по истории развития и современному состоянию русского языка.

— *Словари, о которых вы рассказали, в основном предназначены для специалистов. Но в Академии создаются и словари для всех...*

— В свое время большую популярность получил четырехтомный академический «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой. Он выходил в 1957—1961 годах. В ближайшие годы словарь выйдет вторым переработанным изданием. И, конечно, наиболее распространен однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, который переиздается под редакцией Н. Ю. Шведовой почти ежегодно. В 1982 году в издательстве «Русский язык» вышло его четырнадцатое издание.

— *Девятнадцать изданий выдержал «Орфографический словарь русского языка».*

— Да, и хотя он переиздается часто и солидными тиражами, потребность в нем велика. То же самое можно сказать о словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. Первое его издание вышло в 1959 году. Сейчас он также переиздается. Так что, как видите, лексикография у нас представлена очень широко...

В заключение я хотел бы сказать, что русский язык — бескрайнее море, из которого можно черпать бесконечно. Это, по словам Г. Державина, к знанию ключ.

Елена Огнева

РУБЕЖИ

Репортаж из литературного отдела
выставки «Москва — Париж»

Выставка необычная — во всех отношениях. И по размеру — шутка ли сказать, весь верхний этаж Государственного музея изобразительных искусств она заняла! Настоящий «музей в музее»! А внутри этого музея — богатейший литературный отдел на радость всем читателям и почитателям книг.

Идея, которую положили в основу выставки ее организаторы и в Москве, и в Париже, — нечто для нас непривычное. Это не показ творчества того или иного художника или писателя, той или иной коллекции. Это картина целого периода — как он проявлял и оформлял себя в искусстве России и Франции.

Традиционные связи русской и французской культуры предстают перед нами здесь во всей своей сложности и многообразии. Книжки говорят об этом не менее убедительно, чем живопись и скульптура. Мы видим не только переводы с русского на французский или с французского на русский, видим зачастую общность идей, одушевлявших современников-писателей в обеих странах. И многое, многое, что мы знали теоретически из научной литературы, ожило перед глазами, наполнилось ярким содержанием.

Необычная экспозиция выставки усиливает впечатление. В литературном отделе, как и во всех остальных, редко найдешь стенд, посвященный одному писателю: материал расположен не по авторам, а по годам. Зато мы видим рядом поздние брошюры Льва Толстого и ранние романтические вещи Горького, солидный марксовский переплет собрания сочинений Чехова и тонкую старомодную виньетку журнала «Mercure de France» со статьей Е. Семенова о «Вишневом саде»...

Ось выставки «Москва — Париж» — революция 1917 года, этот стержень, вокруг которого век повернулся во времени и в пространстве... «До и после» — как бы диптих — вот определение, которое как нельзя более подходит к литературному

отделу: справа от входа располагается литература 1900—1917 годов, слева—1917—1930-х. Портреты Блока и Маяковского как бы подчеркивают рубеж.

1900—1917

Начало века... В русской литературе еще нас встречают Толстой и Чехов. Толстой высится на полотне Нестерова, идет полем на обложке «Хаджи-Мурата» (посмертное издание «Посредника»), его острый взгляд направлен на нас со скульптурного портрета работы П. Трубецкого. А вот Чехов на серовском портрете: печальный, внимательный. Совсем иной—белый бюст работы Коненкова. И хорошо знакомая фотография: Чехов с Толстым в Гаспре в 1901 году.

В витринах—издания: такие знакомые, такие «типичные», скромные однотонные обложки русских дешевых книг и брошюр. Настолько простые, что по ним не угадаешь—берешь в руки научную статью, роман или рассказ. Толстовский «Посредник» и тогдашние прогрессивные издатели научно-популярной литературы были единодушны в подходе к оформлению: книга должна быть дешевой, иначе она делалась недоступной для народа.

Просто оформлялись тогда дешевые издания и во Франции. Их слегка разнообразят цвет обложки, рамка или марка издателя. Вот «Воскресенье» Толстого в знакомом нам с юности оформлении: с иллюстрацией Л. Пастернака на обложке (суд над Катюшей Масловой), но на французском языке в переводе Е. Г. Гальперина-Каминского (издательство Фламарион). Толстой считал его лучшим переводчиком своих произведений. И рисунки Л. Пастернака до сих пор остаются лучшими иллюстрациями к «Воскресенью». Интересно вспомнить, что роман Толстого начал печататься одновременно в России и во Франции, причем по-французски он вышел в полном объеме, тогда как в русском издании большая часть была исключена цензурой. Так же в полном виде была опубликована во Франции знаменитая на весь мир статья «Не могу молчать», в России печатавшаяся лишь в отрывках. Перед нами перевод еще нескольких статей Толстого на французский язык под общим заглавием «L'argent et le travail» («Деньги и работа»).

Что Толстому-художнику были интересны такие французские писатели, как Мопассан и Золя,—это несомненно. Удивительным кажется то, что поздний Толстой включает рассказы Мопассана и Анатоля Франса в свой «Круг чтения», что по его инициативе и с его предисловием в России выходят «Сочине-

ния Гюи де Мопассана» в двух томах. А ведь Мопассан, как известно, живописал в своих произведениях ту самую «земную любовь», которую Толстой-проповедник так яростно преследовал и в жизни, и в искусстве! Дело в том, что Мопассан, Золя, Анатоль Франс пленили Толстого своим гуманизмом, своей всепроникающей любовью к «маленькому человеку». За это он прощал А. Франсу его насмешливость, а Мопассану и Золя — изображение любовных сцен. Художник-гуманист и в поздние годы побеждал в Толстом сухого моралиста!

Посвященный Льву Толстому номер журнала «Les Tablettes» раскрыт на иллюстрации — портрете Толстого работы Мазереля. Выполненный в обычной для этого графика манере, черно-белый рисунок массивен и эффектен. Мощная голова, в которой подчеркнуты простонародные русские черты, выделяется на фоне зубчатого светлого полукруга — не то условное солнце восходит за спиной Толстого, не то это «сияние» в духе народных дешевых окладов на деревенских образах. Крупный, грубоватый облик мазерелевского Толстого особенно резко контрастирует с той острой характеристикой, какую дал писателю П. Трубецкой в своем бюсте.

А фото — молодой Горький с Толстым в Ясной Поляне летом 1910 года — наглядная иллюстрация преемственности русской литературы. На смену великим реалистам прошлого века пришли новые: Чехов и Горький, вокруг которых уже сплотилась группа молодых «знаньевцев» (они печатались в горьковском издательстве «Знание»). Максим Горький сам — целая эпоха...

«Буревестник». Под этим названием в переводе Е. Семенова и О. Мирбо вышел в Париже в 1905 году томик революционных произведений Горького. А вот «На дне» в переводе Гальперина-Каминского (1907). Пьеса, прошумевшая на весь мир в 1902—1903 годах в знаменитой постановке Московского Художественного театра, во Франции была поставлена на сцене Нового театра творчества.

«Мать» Горького представлена в переводе Перского на французский язык (с дарственной надписью Перского О. Мирбо). Эта книга в скромном изящном переплете невольно обращает на себя внимание несоответствием внешнего оформления содержанию: сентиментальные золотистые цветочки на зеленоватой обложке уж очень не подходят к горьковскому образу матери! Мы здесь видим рассказы Л. Андреева, выпущенные «Знанием». Стоит заметить, что это издательство не пренебрегало красотой оформления, хотя и рассчитывало, как и толстовское, на широкий круг читателей. Книги и сборники товарищества «Знание» всегда можно узнать по четкому,

изящному шрифту, хорошей печати и приятному формату. Бунин, Куприн, Л. Андреев — сколько поколений зачитывались и еще будут зачитываться их мастерской прозой! Тут же перевод «Человека из Сан-Франциско» Бунина, завоевавшего ему как прозаику всемирную славу. Такой силы художественного обличения достигали немногие из современных ему писателей. Надо всем этим возвышаются портреты молодого Горького и молодого Л. Андреева кисти Серова, хорошо известные москвичам и, несмотря на это, доставляющие много радости: благодаря им оживает перед глазами эпоха молодости обоих писателей.

А вот «Жан-Кристоф» Ромена Роллана с дарственной надписью Горькому. Далее книги французов, из которых особенно запоминается работа Андре Жида о Достоевском.

Рассматривая первые стенды выставки, мы чуть не забываем, что в те же годы в России хлынула в печать волна так называемого модернизма. Впрочем, модернистами тогда называли обычно живописцев, а писателей нового направления — символистов — зачастую обзывали огулом декадентами. Но модернизм русских художников был тесно связан с символизмом в литературе. И нигде эта связь не проявлялась с такой силой, как в оформлении книг и журналов. А. А. Сидоров недаром считал, что русская графика до 1917 года была «полем исканий» — но ведь полем исканий была и литература, в особенности же — поэзия. На стендах возникает множество ярких и очень разнообразных обложек, появляются иллюстрации, красивые по цвету и рисунку, но часто с зашифрованным содержанием.

Символисты... В России не было, строго говоря, единства в этой группе, да и многие писатели, начав внутри символистского течения, скоро от него отошли. Это легко вспоминается, когда смотрим на стенды, объединяющие таких разных авторов, каковы поэты В. Брюсов, К. Бальмонт («старшие»), А. Блок, Андрей Белый («младшие»), Ф. Сологуб, И. Анненский; прозаики: Е. Замятин, А. Ремизов, М. Пришвин... Родило их в начале пути общее романтическое стремление уйти от прозы жизни, в их книгах, вышедших еще в 1904 году, то есть до первой русской революции, встречаются те же общественные мотивы и революционные порывы, что у Андреева или раннего Горького. Не случайно Блок напечатал в «Золотом руне» сочувственную статью о реалистах. Пожалуй, «новизна» символистов заключалась более в том, как они выражали свои мысли и чувства, чем в том, что они выражали. Ведь материал-то они черпали все из той же русской дореволюционной жизни! И прав был Блок, когда, прочтя «Симфонию»

А. Белого, отметил самобытность и новизну формы, какой, по его мнению, и у французов не было. Один из обычных упреков, бросавшихся символистам: «Все это уже было у французов». Скажем сейчас: и не упрек вовсе, так как нет ничего зазорного в том, что Брюсов учился мастерству стиха у Верлена и Верхарна! Кстати, вот и перевод Брюсова — целый том Поля Верлена (Собрание стихотворений. М., Скорпион, 1904), и появился он одновременно со знаменитой книгой стихов самого Брюсова «Urbi et orbi» («Городу и миру»). Брюсов, Бальмонт, а впоследствии и другие поэты-символисты сделали очень много для ознакомления русских читателей с Верленом, Рембо, Верхарном, Малларме. Два бельгийца, писавшие по-французски — Эмиль Верхарн и Морис Метерлинк, — были особенно любимы русскими. К Верхарну читателей привлекали смелые и резкие обличения кошмаров капиталистического города, к Метерлинку — философские раздумья, сближающие его с поздним Толстым. И лирическая мечта об улетающем счастье в «Синей птице». Эта «сказка для детей», как называл ее сам автор, прозвучала на весь мир в постановке Московского Художественного театра. Сколько поколений детей и взрослых поминают ее добрым словом!

Первые издания сборников стихов Бальмонта, Брюсова, Блока... Многие наши современники никогда их не видали. И не подозревают, что такое оформление книг было в те времена ошеломляющим новшеством. Дело не только в писателях, дело и в художниках, дело и в возраставшей культуре полиграфии. «Мир искусства» дал целую плеяду художников-графиков. И эти художники не только оформляли книги — многие из них стремились к творческому сотрудничеству с автором. Другой вопрос — насколько это удавалось. Часто бывало, что талантливый художник создавал обложку, которая более говорила о его талантливости, чем о содержании книги — здесь примером этому может служить знаменитая сомовская обложка к «Театру» Блока. Оформление же брюсовского сборника «Urbi et orbi» как нельзя более соответствует стилю стихов: строгий, четкий, почти квадратный шрифт, заглавие немного крупнее, чем принято, этим как бы подчеркивается его широковещательный смысл. Рядом на стенде — «Пламенный круг» Ф. Сологуба: тонкий изломанный шрифт, нежная старомодная роза — нарочно не придумаешь такой контраст! Идеи синтеза искусств, поиски новых форм одушевляли поэтов, художников и музыкантов: образы Скрябина и Чюрлениса, например, имели аналогии в литературе. Так, Андрей Белый писал «Симфонии» ритмической прозой, а Сологуб, устами героя своей сказки, мечтал о цветах, которые звучат, и о звуках, которые

благоухают... Эти мысли впоследствии, как мы увидим, дали новый толчок литературе и живописи, а в 1903—1906 годах выражались более всего в сказочности и аллегоричности. Обложка Сомова к сборнику стихов Вячеслава Иванова «*Cor ardens*» («Пылающее сердце») — вот лучший образец аллегоричности в книжной графике.

Вот журналы, издателями которых были сами поэты или художники: например, брюсовские «Весы» (1904—1909) и «Аполлон» Сергея Маковского (1909—1917). Собственно говоря, в «Весях» печатались почти те же авторы, что и в «Золотом руне», хотя теоретически «Весы» провозглашали свою особенную приверженность к школе символизма. «Аполлон», официально считавшийся органом группы «акмеистов», также печатал самых разных поэтов. Некоторые стихи Блока, который относился к акмеизму более чем скептически, впервые увидели свет именно в «Аполлоне». Этот журнал тяготел к некоему академизму, но и на его страницы властно врывается жизнь: в начале первой мировой войны «Аполлон» печатает «Рожденные в года глухие...» Блока, полные любви к России и Франции стихи других поэтов.

В «Аполлоне», как и в «Весях», помещались статьи о французской литературе и французской живописи.

Во Франции начала века литература и живопись шли, как могло показаться, разными путями. Настоящее сближение изобразительных искусств с литературой тогда лишь подспудно назревало. Особенно ощущалось это в области издания книги, которая долго оставалась «старомодной». Так, например, мы видим издания Общества « *Mercure de France*», где под однотипной обложкой с одной и той же виньеткой печатаются и Верхарн, и Анри де Ренье, и Габори... Каждое издательство имело свою устоявшуюся репутацию, свой круг читателей, они легко узнавали книгу по привычному оформлению. В издании стихов у французов особенно чувствуется традиция: отсутствие иллюстраций и ярких обложек искупается изяществом формата, плотной бумагой (зачастую — верже), четкостью шрифта. Книжку французских стихов всегда приятно взять в руки. Сами поэты придавали большое значение оформлению своих стихов. Есть, конечно, иллюстрированные издания, они выделяются яркими пятнами на витрине, посвященной французской поэзии начала века. Вот «Книга масок» Реми де Гурмона, дающая представление о французской литературе конца XIX — начала XX века, переведенная Е. Блиновой и М. Кузминым (М., 1913) и иллюстрированная портретами писателей, работы Ф. Валлоттона. Интересно издание сборника стихотворений того же Реми де Гурмона «Райские святые» (1922).

Здесь — то самое содружество художника с поэтом, которое мы видели в русских изданиях начала века. Книга оформлена художниками Тома и Шарпанье в стиле народных картинок. Каждая страница — в красочной рамке, к каждому стихотворению — цветной рисунок, изображающий его героя в условной манере.

Есть и автографы, говорящие о связи русских писателей с Францией: парижские заметки А. Н. Толстого 1908 года, стихотворение Волошина «В дождь Париж расцветает...», черновик статьи о Бодлере Андрея Белого и французские журналы со стихами Бальмонта, Брюсова, Волошина. Вспоминаются цветаевские слова о Волошине: «Оборот головы всегда на Францию». Бальмонта перевел Рене Гиль, сотрудничавший в журналах «Весы» и «Аполлон», человек, много потрудившийся в те годы вместе с М. Волошиным для связи французских писателей с русскими. Он был увлечен идеями «научной поэзии» и сумел заразить этим увлечением Брюсова. Номер журнала «*Rythme et synthèse*» со статьями Поля Валери, Анри де Ренье, Верхарна, Брюсова, Бальмонта посвящен Рене Гилю.

Если в России уже в 1910 году основные представители символизма заговорили о его кризисе, то во Франции символисты еще долго оставались властителями умов. Вторжение новой литературы на книжные полки произошло во Франции позднее, чем в России, хотя ведущие поэты авангардных направлений начали писать почти одновременно в обеих странах. Выставка отражает этот процесс с достаточной полнотой. Мы видим рядом представителей различных групп русских писателей. Журнал «Сириус», издававшийся в Париже, соседствует с журналом «Московские мастера», где сотрудничали Велимир Хлебников, Давид Бурлюк, Н. Асеев, художники П. Кончаловский, М. Сарьян, П. Кузнецов... Внешний вид этого журнала сразу останавливает наше внимание: на густо-красной обложке надпись, производящая впечатление рукописной. Вышел всего один номер — в 1916 году. Здесь же и предреволюционный сборник Анны Ахматовой «Белая стая» (Пб., 1917), и «Громокипящий кубок» Игоря Северянина с предисловием Ф. Сологуба (1915).

Далее не меньшее разнообразие французских книг. Символистские произведения соседствуют здесь со стилизациями, фантастика — с только что народившимся сюрреализмом. Интересные иллюстрации Жана Маршана к знаменитому «Крестному пути» Поля Клоделя сочетаются с композицией всей книги так, что она как бы имитирует средневековый кодекс. А рядом и «Кисло-сладкие песенки» Ф. Карко, бывшие столь популярными, и гротескная графика книги Жана ле Бошара.

Шарль Пегги, один из плеяды талантливейших молодых писателей Франции, погибший на фронте в 1914 году, представлен «Шпалерами Богоматери». Горячая любовь к искусству своей родины, близость к социалистическим взглядам, патриотизм — все это завоевало ему симпатии в самых разных кругах писателей и читателей. Эренбург написал стихотворение «После смерти Шарля Пегги», автограф которого здесь демонстрируется.

Гийом Аполлинер также пал жертвой первой мировой войны. Этот человек, которому было суждено совершить целый переворот во французской поэзии, не был французом по происхождению. От прадеда, польского революционера, он унаследовал мятежный и демократический дух. Аполлинер — писатель широкого диапазона и неустанных исканий.

На выставке экспонируются и разные творческие манеры Аполлинера, и разные виды его литературной деятельности. Вот журналы «SIC» («Звуки — идеи — цвета») и «Парижские вечера», основанные с участием Аполлинера. В 25—27 номерах «Парижских вечеров» за 1914 год — статья о русских художниках, где Аполлинер сравнивает творчество М. Ларионова и Н. Гончаровой с «новейшими дерзаниями французов». Он особенно сблизился с русскими художниками-авангардистами, благодаря дружбе с Пикассо. Поэзию Аполлинера трудно подвести под какое-нибудь однозначное определение. Сам он говорил, что не так уж важно, как назвать новое направление, важно, что оно создает нечто неповторимое. Достаточно сравнить сюрреалистическую драму «Сосцы Тирезия», издание которой мы видим здесь, со стихами «Зона», исполненными демократического пафоса, чтобы осознать искренность этого высказывания.

...На стене развернуто одно из самых ошеломляющих произведений довоенного французского авангардизма: знаменитая «Проза транссибирского экспресса и маленькой Жанны Французской» Блеза Сандрара и Сони Делоне. Друг и продолжатель Аполлинера, Блез Сандрар много скитался по свету. Особенности влияния на становление его писательского дара оказали поездки в Россию. Он чуть ли не первый из европейских поэтов ощутил и выразил русскую предреволюционную атмосферу. Назвал он свою поэму сознательно прозой: ведь и внутри экспресса, и в стране, которую он пересекал, поэт видел страшную прозу жизни, прозу русско-японской войны. Французская художница русского происхождения Соня Делоне исполнила от руки несколько экземпляров поэмы в виде двухметрового складня, который читается сверху вниз. На левом поле складня — полоса красочной орнаментальной вязи,

призванная дать иллюзию движения экспресса. Этот уникальный экспонат предоставлен парижским Центром Помпиду. В тридцатых годах Всеволод Иванов выпустил в Москве (изд-во «Интурист») книгу о «Прозе транссибирского экспресса» на английском языке — ее мы также видим на стенде.

Сандрар пережил войну, но остался без правой руки. Впоследствии он писал прозу, по своей манере близкую к реалистической. Сандрар не изменил своей любви к Франции и России. В его последующих романах действие зачастую происходит в России. Роман «Моржавин» даже сравнивают с «Петербургом» Андрея Белого. Впрочем, весьма существенная оговорка: Белый писал за пять лет до революции в России, Сандрар — после. Современный читатель может ближе познакомиться со стихами Сандрара в серии «Литературные памятники», где опубликованы и стихи Аполлинера (обе книги перевел М. П. Кудинов). Сборники стихов Аполлинера и Сандрара снабжены комментариями и статьями.

Но мы вышли за хронологические рамки выставки... Возвращаемся к ее стендам. Это уже последние в правой части диптиха.

Революционные годы. Первая поэма о революции — «Двенадцать» Александра Блока. Здесь и знаменитое издание поэмы с иллюстрациями Ю. Анненкова большого формата, и перевод на французский язык с теми же иллюстрациями малого формата, и перевод С. Ромова с иллюстрациями М. Ларионова.

Как известно, многие строки «Двенадцати» не только вошли в поговорку, но и были пущены в дело революционным Петроградом — превратились в подписи к плакатам. Два таких плаката со строками: «Революционный держите шаг, неугомный не дремлет враг!» и «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» — экспонируются на выставке в Музее.

Тут же сборник революционных статей Блока и его автограф — странички из дневника января 1918 года.

Над этими стендами — большой фотографический портрет Блока. Тот самый, который был снят фотографом-художником М. Наппельбаумом в апреле 1921 года. Здесь среди книг, лозунгов, афиш и портретов он смотрится иначе, чем на книжных репродукциях.

Меня поразила в этом лице прежде всего серьезность и строгость выражения. Лишь в углах губ сдержанность, так Блоку свойственная. «От дней войны, от дней свободы...», да, есть многое в этом облике, и уж ничего не осталось от юноши с пышными волосами, который смотрел на нас с фотографии

1907 года. Автор речи о Пушкине — это другой Блок. Время другое. Да и поэзия его — другая!

Рядом с Блоком, на стене — объявление о постановке «Мистерии Буфф» В. Маяковского. А под ним развернуты листы книги-альбома: «Герои и жертвы революции» — текст Маяковского, рисунки Богуславского, Козлиной, Маклецова и Пуни. Листы настолько монументальны, текст настолько прочно спаян с рисунками, что, глядя на этот альбом, особенно ярко ощущаешь органичность последующего периода творчества Маяковского, видишь всего Маяковского — поэта, художника, агитатора.

1917—1930

...Нас снова встречает Маяковский. Два коллажа «Семь пар чистых» и «Семь пар нечистых», выполненные им для несостоявшейся постановки, необыкновенно красивы по цветовой гамме и предельно выразительны. А вот поэма «Владимир Ильич Ленин» (М., ГИЗ, 1925). Маяковский читал поэму рабочим, чтобы «проверить себя», но сейчас она выдержала самую суровую из проверок — проверку временем! Здесь же «Маяковский по-французски», 4 поэмы, перевод А. Гиппиуса (М., 1930).

Формально — все это будто продолжение предреволюционных исканий в литературе и искусстве. По существу, уже новое творчество, новые темы, новая слиянность тематики со стилем, все более тяготеющим к лаконизму и монументальности.

Пестрый набор журналов отражает разнообразие литературных направлений начала двадцатых годов. Тут и «ЛЕФ», и «Новый ЛЕФ», «Пламя», «Записки мечтателей», «Творчество», «Москва» и, наконец, «Печать и революция». Журнал «Пламя» издавался А. В. Луначарским, который принимал также живейшее участие в «Печати и революции». Первый советский нарком просвещения представлен здесь несколькими экспонатами. В номере «Печати и революции» его статья «К характеристике новейшей французской литературы», в конце которой — пожелание, чтобы молодые писатели Бретон и Арагон оказались надолго нашими спутниками.

Следующий стенд красноречиво говорит о размахе культурной работы в первые революционные годы. И прежде всего — о небывалом расцвете переводческой работы. Перед нами каталог основанного Горьким издательства «Всемирная литература» (1919—1924), выпустившего около двухсот книг.

В памяти всплывают и красочные рассказы о работе издательства в воспоминаниях К. Чуковского, и последние юморески Блока. Стоит представить себе обстановку 1919 года, чтобы понять широту и смелость замысла Горького, стремившегося дать возможность массам трудящихся приобщиться ко всему лучшему, что есть в мировой литературе. И притом в полноценных современных переводах.

Переводов с французского в левой части диптиха столько, что простое перечисление книг заняло бы слишком много места. Скажем о самых интересных. Вот «Французская лирика» в переводе Брюсова из серии «Всемирный пантеон», вот собрания сочинений Ромена Роллана, Анатоля Франса, Анри Барбюса, Анри де Ренье (последнее — в издании «Academia» в переводе Кузмина). Интересно Полное собрание поэм Э. Верхарна в переводе Г. Шенгели. Далее книги таких разных авторов, как Жан Жироду («Зигфрид и Лимузен», перевод С. Парнок и З. Вершининой), Жорж Дюамель («Цивилизация», перевод Ю. Тынянова), Франсуа Мориак («Тереза Декейру», перевод М. Абкиной).

Перейдя к следующим стендам, мы видим обширную «поэтическую рубрику» молодой Советской России.

Кого только нет в этих витринах! И уже знакомые нам А. Ахматова («Anno Domini»), и О. Мандельштам (сборник «Tristia»), с ними соседствуют также и последний сборник В. Брюсова «Меа», и «Стихи о России» Андрея Белого. И поэты, равно далеко ушедшие от академизма акмеистов и «грузной» эрудиции Брюсова: С. Есенин, М. Цветаева, Э. Багрицкий, Н. Тихонов, Н. Клюев... И Пастернак, в самую лирическую пору своего творчества сумевший ощутить, что «...в стороне рождался эпос в тишине». Под портретами Бориса Пастернака (такого молодого в 41 год!) и Сергея Есенина (действительно, очень молодого) — сборники лирики и эпоса. Вот «Сестра моя — жизнь» Пастернака (М., 1922) — сборник стихов, возникших, по словам поэта, в революционное лето, когда «казалось вместе с людьми митинговали и ораторствовали дороги, деревья и звезды». Вот «Версты» и «Психея» Марины Цветаевой.

Книги периода окончания гражданской войны столь же разнообразны. Появляется плеяда новых писателей, многие из них вернулись недавно с фронтов. «Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему», — писал об этих годах А. Фадеев. На стендах — стихи и проза этих писателей. «Дума про Опанаса» Э. Багрицкого, «Разгром» А. Фадеева,

«Чапаев» Д. Фурманова. Фурмановский герой крепко запомнился моему поколению по знаменитой экранизации братьев Васильевых. Фурманов, как и Пастернак, хотел (не взирая на разницу стилей и жанров) такого воплощения темы, чтобы герой стал жизненным: «...дать ли Чапаева действительно с мелочами или, как обычно, дать фигуру фантастическую?.. Склоняюсь больше к первому»,— записал Фурманов в дневнике 1922 года. Вглядываясь в фото, где Чапаев и Фурманов среди бойцов, вспоминаешь роман и вновь убеждаешься в правдивости книги, где революционная романтика тесно переплетена с психологическим и историческим реализмом...

Мы подходим к концу отдела. Его завершает большой фотографический портрет Горького. Сколько книг, сколько мыслей, чувств, впечатлений! У стендов подолгу стоят, рассматривая книги, читая автографы, вглядываясь в портреты, люди самых разных профессий и поколений.

Библиотека
и фильмо-
фонд

5
к

СОБРАНИЕ АКАДЕМИКА И. Г. ПЕТРОВСКОГО

Деятельность академика Ивана Георгиевича Петровского стала своеобразной вехой в истории Московского Государственного университета. На протяжении 22 лет он возглавлял старейшее учебное заведение страны. И нынче на стене университетского здания на Ленинских горах в память о замечательном ученом открыта мемориальная доска...

Исследования И. Г. Петровского оказали огромное влияние на развитие математической науки. Его учебники считаются классическими, они переведены на многие иностранные языки, на них воспитаны несколько поколений математиков в Советском Союзе и за рубежом. Не менее важное значение для университета имела и имеет научная библиотека академика, которую он собирал около пятидесяти лет. В ее состав входило более 30 тысяч томов.

Вскоре после смерти ученого (1973) его вдова — Ольга Афанасьевна Петровская — подарила большую часть библиотеки Московскому университету. Это собрание включает издания по естественным и гуманитарным наукам, искусству, а также произведения художественной литературы. Оно поражает разнообразием тематики, что свидетельствует о необычайно широком диапазоне интересов владельца, о его глубоких познаниях в самых разнообразных областях науки и культуры. Работе с книгой он придавал первостепенное значение. Особенно четко эта мысль выражена в его приветствии Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, в связи с ее столетием: «Современная наука живет и развивается во многих лабораториях, часто с весьма сложным и разнообразным оборудованием, но в каждом из научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений первой лабораторией является его библиотека».

Раздел общественных наук этого уникального собрания содержит 300 томов. Здесь и труды К. Маркса, Ф. Энгельса,

В. И. Ленина, и сочинения философов всех времен и народов. Античные мыслители: Демокрит, Эпикур, Платон, Сенека, Аристотель. Привлекают внимание труды философов и мудрецов Востока: Лао-си «Тао-те Кинг, или Писание о нравственности» под ред. Л. Н. Толстого (М., 1913); «Жизнь и учение Конфуция» — составитель П. А. Буланже (М., 1903). Эта книга содержит биографические сведения о жизни китайского философа и перевод его трудов «Великая наука» и «Учение о Середине». В книгу включена статья Л. Н. Толстого «Изложение китайского учения».

Источником для знакомства с одним из замечательных людей эпохи начала Реформации в Германии — Агриппой является критико-биографический очерк Ж. Орсье «Агриппа Неттесгеймский» с введением В. Брюсова (М., 1913). Он был написан исключительно на основе сохранившейся переписки Агриппы и также находится в библиотеке кабинета, как и книга Р. Тагора «Личное», опубликованная в 1922 году в Москве тиражом 5 тысяч экземпляров. Это издание впервые познакомило русских читателей с философско-религиозным обоснованием миронастроения индийского мыслителя-художника.

Эпоха Возрождения представлена на полках трудами М. Монтеня, Т. Кампанеллы, Д. Бруно, далее стоят сочинения Дидро, Гольбаха, Гельвеция, буржуазных философов Бэкона, Ницше, Шопенгауэра.

Общественная мысль России XIX века представлена работами выдающихся русских мыслителей В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена.

Разделы математики, механики и физики содержат более 5 тысяч томов, т. е. четвертую часть всего собрания. Книги по математике, приобретенные еще в студенческие годы, и положили начало этой библиотеке. В течение пятидесяти лет эти разделы постоянно пополнялись как отечественной, так и зарубежной литературой и представляют большой интерес для всех работающих в этой области.

Интересны издания, рассказывающие об истории математики. Тут «История математики с древнейших времен до начала XIX столетия» в 3 томах (М., 1970—1972); «История Отечественной математики» в 4 томах (Киев, 1966), а также книги XIX века, например, «Философское, научное и педагогическое значение истории математики» В. В. Бобынина (М., 1886), факсимильное издание «Арифметики» Магницкого.

Иван Георгиевич, по-видимому, стремился прежде всего к приобретению фундаментальных, основополагающих трудов. В библиотеке имеется ряд собраний сочинений классиков мате-

матической науки, таких как Лобачевский, Чебышев, Ляпунов, Бернштейн, Риман, Галуа.

Много книг, выпущенных в свет в первые годы советской власти. Эти скромные издания особенно дороги нам сейчас. Среди них труды талантливых русских математиков и механиков: Лузина, Крылова, Стеклова, Жуковского, Виноградова. Многочисленные дарственные надписи известных советских и зарубежных ученых говорят о широких научных и дружественных связях И. Г. Петровского. Мы находим автографы на книгах О. Ю. Шмидта, Н. Г. Четаева, И. И. Привалова, В. В. Голубева, М. В. Келдыша, П. Л. Капицы, иностранного члена АН СССР лауреата Нобелевской премии Глена Теодора Сиборга, профессора Принстонского университета С. Лефшеца, членов Парижской АН и иностранных членов АН СССР Ж. Лере и Ж. Адамара, члена Национальной АН США В. Феллера и других.

И. Г. Петровский был не только ученым с мировым именем, но и талантливым педагогом, воспитавшим целую плеяду блестящих математиков. В библиотеке литература по педагогике (всего около 300 единиц) охватывает широкий круг педагогических проблем. Этот раздел содержит труды таких прославленных педагогов, как Я. А. Коменский, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, А. С. Макаренко и других.

Привлекает внимание книга известного русского педагога П. Ф. Каптерева (1849—1922) «История русской педагогики» (Пг., 1915, 2-е изд.), в которой особенно много помет Ивана Георгиевича.

Интерес к химии и биологии возник у Ивана Георгиевича еще в школьные годы и сохранился на всю жизнь. Глубокие знания в этой области позволили ему профессионально подойти к подбору литературы по биологии. Раздел содержит более 1200 томов и включает работы русских, советских и зарубежных ученых по всем отраслям этой науки.

Довольно широко представлена литература по теоретическим вопросам общей биологии, дарвинизму, генетике, зоологии, ботанике, биофизике, биохимии, микробиологии. Наряду с фундаментальными трудами в библиотеке имеются учебники, разнообразные справочники, классические определители, труды конференций, съездов и симпозиумов.

Ивана Георгиевича интересовала всегда остававшаяся для него актуальной проблема охраны окружающей среды. В 1972 году на сессии Верховного Совета СССР им был сделан доклад на эту тему. Исследуя волнующий вопрос, он пользовался книгами Дорста «До того, как умрет природа», Дювинью «Биосфера и место в ней человека» и др.

Особую ценность представляет книга Д. П. Сырейщикова — «Определитель растений Московской губернии» (Серпухов, 1927, 2-е изд.), которая до настоящего времени считается одной из лучших работ в этой области. Оригинальным руководством по ботанике является труд немецких ученых Б. Ауэрсвальда и Э. Россмесслера — «Ботанические беседы» (М., 1893), переведенный на русский язык академиком А. Н. Бекетовым. В «Ботанических беседах» научные сведения о 55 наиболее распространенных растениях удачно сочетаются с практическими советами по изучению их жизни и строения. По словам О. А. Петровской, «Ботанические беседы», а также «Жизнь растений» К. А. Тимирязева были одними из самых любимых книг И. Г. Петровского по ботанике.

Многочислен и разнообразен по своему составу раздел медицины. Судя по тематике книг, И. Г. Петровского, прежде всего, интересовала история медицины, применение в медицине математики и физики, проблемы умственного труда, физиология нервной деятельности человека.

И. Г. Петровский живо интересовался восточной медициной. В его библиотеке имеются трактаты «Цзинь Синь-чжун. Китайская народная медицина» (М., 1959), «Гата-Йога. Тайны индусов о здоровье человека» (Спб., б.г.), о врачебной науке Тибета. Первые сведения о тибетской медицине принес в Россию А. Бадмаев. Бурят из Восточной Сибири, он прославился у себя на родине успешной врачебной практикой.

Он основал в Петербурге тибетскую аптеку и хлопотал о разрешении на перевод и издание основного руководства по практической медицине и хирургии Тибета «Жуд-Ши» («Сущность целебного»). Впервые эта книга была издана в 1898 году (уже после смерти А. Бадмаева) в С.-Петербургской скоропечатне «Надежда» под заглавием «О системе врачебной науки Тибета». Книгу подготовил к печати его брат.

Новый, переработанный перевод «Жуд-Ши» был опубликован П. Бадмаевым в 1903 году под названием «Главное руководство по врачебной науке Тибета Жуд-Ши». В библиотеке И. Г. Петровского имеются оба издания этой книги.

«Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и цели будущего». Эти слова А. М. Горького в высшей степени созвучны убеждениям И. Г. Петровского. Исторический раздел его библиотеки содержит более двух тысяч томов. Известный ученый А. В. Арциховский отмечал: «Я много раз убеждался, что ректор читает самые специальные исследования историков по всем разделам истории: древней, средней и новой. Мне пришлось с ним ездить по Англии и

убедиться, как подробно он знает историю этой страны... На новгородских раскопках Петровский внимательно наблюдал все научные процессы, участвовал в разборе находок и в чтении берестяных грамот, проявив при этом глубокое знание истории Новгорода». Наряду с основополагающими трудами античных историков и мыслителей (Геродот, Фукидид, Плутарх, Светоний, Тацит) и многотомными курсами русской истории (Татищева, Карамзина, Соловьева, Ключевского) в библиотеке сосредоточено большое количество работ, написанных такими крупными исследователями XIX начала XX века, как В. Л. Бузескул, Ю. Готье, А. А. Кизеветтер, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков и другие. Более половины всех книг этого раздела представляют источники: законодательные акты, летописи, дневники, воспоминания, переписка. Здесь находятся официальные документы, которые можно встретить только в собрании специалиста-историка. Прежде всего, это сборники грамот и договоров, указы Петра I, Екатерины II, многочисленные сборники документов, отражающие борьбу русского народа против феодального гнета. Украшают собрание издания XVIII века: «Журнал, или Поденная записка блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира», с предисловием кн. Мих. Щербатова (Спб., 1770), «Указы Екатерины II» (Спб., 1780), «Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения» (Спб., 1770).

Большой интерес для историков и книголюбов представляет «Книга степенная царского родословия, содержащая историю Российскую с начала оныя до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами просвященных митрополитов Киприяна и Макария» (М., 1775). «Степенная книга», над сочинением которой трудились два знаменитых русских митрополита, по существу, представляет собой историю нашего государства от Рюрика до царя Ивана Васильевича, написанную по родословным степеням великих князей и русских царей.

Обзор исторического раздела будет неполным, если не сказать о мемуарной литературе, которая насчитывает 700 томов и является украшением библиотеки.

Из мемуарных произведений XVIII столетия можно отметить записки Андрея Тимофеевича Болотова. В собрании И. Г. Петровского имеется экземпляр «Записок», изданных в качестве приложения к журналу «Русская старина» за 1870 год, в 4 томах. Издание редкое, так как было напечатано всего 600 экземпляров.

Записки А. Болотова легли в основу книги Е. Н. Щепки-

ной «Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники (1578—1762)», опубликованной в Петербурге в 1890 году типографией М. М. Стасюлевича. В библиотеке Ивана Георгиевича эта книга с дарственной надписью автора внуку декабриста, историку В. Е. Якушкину: «Вячеславу Евгеньевичу Якушкину. Е. Щепкина». На книге экслибрис библиотеки его отца Евгения Ивановича Якушкина.

Авторы большей части мемуарных сочинений библиотеки И. Г. Петровского — государственные и общественные деятели XIX — начала XX века. Многие книги ценны своей достоверностью. Среди них — воспоминания Ф. Ф. Вигеля (М., 1864—1865, т. 1—3), министра финансов и дипломата графа С. Ю. Витте (М., 1960, т. 1—3), военного министра Д. А. Милютина (М., 1947—1950, т. 1—4), обер-прокурора К. П. Победоносцева (М., 1923, т. 1—2), Н. А. Белоголового (М., 1897). Нельзя не упомянуть о мемуарах известного мореплавателя и исследователя капитана М. В. Головнина (Спб., 1894), профессора Московского университета Ф. И. Буслаева (М., 1897).

Значительное место в мемуарной литературе XVII—XVIII вв. занимают записки иностранцев о России — Шилия, Флетчера, Штадена, Олеария, Павла Алепского, Майерберга, Корба, Я. Рейтенфельса, Г. Седерберга, Ф. Берхгольца. Многие из этих изданий уже давно стали большой редкостью.

И. Г. Петровского интересовала военная история, поэтому значительное количество книг в его личной библиотеке занимают военные мемуары. Особенно широко представлена литература об Отечественной войне 1812 года и Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Много изданий по истории Московского университета. Коллекция книг по этой теме довольно значительна, что дало возможность сотрудникам кабинета-библиотеки подготовить выставку, посвященную 225-летию юбилею этого старейшего учебного заведения. Экспозицию украшали такие редкие издания, как «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета за истекающее столетие...», выпущенный Московским университетом к его 100-летию юбилею (М., 1855, т. 1—2), «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами оною, с краткими их жизнеописаниями» (М., 1819—1823, т. 1—4).

Особым вниманием И. Г. Петровского пользовался журнал «Русский библиофил», который выходил в Петербурге в 1911—1916 годах. В библиотеке полный его комплект. Многочисленные пометы владельца дают возможность определить направление его книжных интересов. Пометы, как правило, относятся

к вопросам книгопечатания, истории книги и книжных собраний.

И. Г. Петровский изучал народную мудрость, его привлекал поэтический язык народных сказов, поэтому библиотека содержит большое количество сказок, собрания пословиц, поговорок, загадок разных стран и народов. Примечательны собранные И. П. Сахаровым «Сказания русского народа» (СПб., 1849), в которых нашли свое отражение обычаи, обряды и многовековые наблюдения русских людей над природой. Следует назвать также «Собрание 4291 древних российских пословиц» А. А. Барсова, изданное Московским университетом в 1770 году. Интерес Петровского к произведениям народного творчества не случаен: он родился и вырос в Севске, который издавна славился фольклорными традициями.

Раздел художественной литературы насчитывает 56 изданий полных собраний сочинений русских, советских и зарубежных авторов.

Превосходно представлена в библиотеке поэзия. Иван Георгиевич любил стихи В. Маяковского. В библиотеке имеется отдельное издание поэмы «Владимир Ильич Ленин», подаренное ученому сестрой Маяковского Людмилой Владимировной с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Ивану Георгиевичу Петровскому, академику, ректору МГУ им. М. В. Ломоносова на добрую память лучшую поэму В. В. Маяковского, посвященную В. И. Ленину и Коммунистической партии, с пожеланием доброго здоровья, счастья в жизни и больших успехов в развитии нашей науки, необходимой строительству коммунизма. Л. Маяковская 23.9.1971. Москва».

Представляет интерес первое полное издание «Гавриилиады» А. С. Пушкина (М., изд-во «Альциона», 1918). До этого у нас печатались только отрывки из поэмы. Ее полный текст был опубликован в лондонском издании Н. Огарева «Русская потаенная литература» в 1861 году. Первое русское издание «Гавриилиады» вышло тиражом 555 нумерованных экземпляров. В предисловии это обстоятельство объяснялось задачами, которые ставили перед собой издатели книги: «Мы назначаем наше издание преимущественно для лиц, изучающих Пушкина, а не для широкого круга читателей, почему и выпускаем эту книгу в ограниченном количестве экземпляров». В библиотеке И. Г. Петровского находится 338-й номер этой редкой книги.

Знание иностранных языков давало возможность И. Г. Петровскому читать в подлинниках произведения зарубежных авторов. В библиотеке большое количество художественной литературы на английском, французском и немецком

языках. Это Диккенс, Бальзак, Шатобриан, Доде, Гюго, Хемингуэй, Мориак, Ремарк, Мюэ́м и многие другие.

Почетное место в собрании занимают книги с дарственными надписями авторов. Одна из них сделана Леонидом Леоновым на романе «Дорога на океан»: «Ивану Георгиевичу Петровскому на добрую память и с пожеланиями доброго здоровья от автора. 7 июля 1972 г.»

Собрание книг по искусству в библиотеке И. Г. Петровского может привлечь внимание искусствоведов. Фонд этого раздела достигает 700 томов.

Живопись Древней Руси в собрании представлена книгами по иконописи, работами искусствоведов о древнерусских живописцах. Это прежде всего труды В. Н. Лазарева: «Андрей Рублев и его школа» (М., 1966); «Феофан Грек и его школа» (М., 1961); «Михайловские мозаики» (М., 1966); «Новгородская живопись» (М., 1969). Все книги с дарственными надписями автора. Интересный материал об истоках русской живописи дает работа А. Грищенко «Вопросы живописи. Русская икона, как искусство живописи» (М., 1917). Книга была напечатана в количестве 500 экземпляров. У Петровского был экземпляр № 226.

Собирателем очень любил картины М. В. Нестерова — за тонкую светлую палитру, за одухотворенность образов. Об этом же говорит и дарственная надпись действительного члена Академии художеств СССР, выдающегося советского художника Н. М. Ромадина на альбоме его репродукций: «Глубокоуважаемому Ивану Георгиевичу Петровскому, ректору Университета в знак признательности за любовь и уважение к памяти великого художника М. В. Нестерова от его ученика. 15/X-1951. Н. Ромадин».

С большим интересом относился И. Г. Петровский к творчеству народного художника СССР, действительного члена Академии художеств Павла Дмитриевича Корина. По просьбе Ивана Георгиевича художник создал мозаичное панно, украсившее актовый зал нового здания Московского университета на Ленинских горах.

Вопрос сохранения памятников древности всегда волновал ученого. Он был почетным членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, постоянно интересовался работой Общества и принимал активное участие в его деятельности. Ольга Афанасьевна Петровская вспоминает, как много сил и энергии вложил Иван Георгиевич в организацию реставрационных работ в Новгороде и Оптиной Пустыни.

Содержание справочного раздела библиотеки И. Г. Петровского еще раз подчеркивает необыкновенную широту и

многогранность знаний и интересов владельца библиотеки. Раздел включает библиографические и биографические издания, словари, энциклопедии на русском и иностранных языках. В общей сложности их число приближается к 1000 томов.

Петровский прекрасно понимал значение изданий, раскрывающих богатства родного языка. Об этом свидетельствует не только собрание словарей его библиотеки, но и тот факт, что Ивану Георгиевичу принадлежит инициатива создания «Этимологического словаря русского языка», который был составлен профессорами МГУ под редакцией члена-корреспондента АН СССР профессора Н. М. Шанского. В библиотеке находятся четыре тома этого издания (от «А» до «Г»), которые успели выйти до 1973 года. Каждый из томов имеет дарственную надпись. На титульном листе первого тома мы читаем: «Дорогому и глубокоуважаемому Ивану Георгиевичу Петровскому, без которого не было бы этой книги, с самыми наилучшими пожеланиями и глубокой благодарностью. 25/XI-63. Н. Шанский».

Каждый человек, посетивший мемориальный кабинет библиотеку академика И. Г. Петровского, уходит из нее духовно обогащенным. Об этом говорят многочисленные записи в книге отзывов.

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ И КНИГА

По собственным словам писателя, любовь к художественному слову жила в нем с юности и началась она с Пушкина.

Пушкин!

Кто не смеялся и кто не лил слез над его строками?

Чье сердце не сжималось болью над его горькой судьбиной?

Пушкин и Хлебников — мои любимые поэты.

С юности до последнего вздоха.

Пушкин блеском своего гения осветил мою раннюю молодость,
проведенную в логове рабочей слободки.

Том пушкинских стихов я таскал с собой в вещевом мешке
в годы гражданской войны по всем фронтам.

Пушкина и посейчас в минуты острой печали или радости
достаю с полки и пью, не напиваясь,—

писал Артем Веселый незадолго до конца жизни.

Осенью 1921 года, побывав и на Восточном, и на Южном фронтах, испытав себя на партийной, пропагандистской, газетной работе, Артем Веселый окончательно определил свое призвание и приехал в Москву. Позже это время отец называет «порой оголтелого ученичества», началом штурма литературной крепости и упорной учебы. В письмах, помеченных октябрём—ноябрём 1921 года, Артем Веселый писал: «Работаю над собой лихорадочно, бешено!» «Сейчас очень много занимаюсь. Читаю, читаю, сплю не больше 5 часов». Одно из писем сохранило перечень прочитанного за короткое время: «Прочитал: Мопассан. „Милый друг“. Чернышевский. „Что делать?“ № 1—10 „Пролетарская культура“. Стихи, журналы. С пятюк газет. Лонгфелло. „Песнь о Гайавате“. На столе целый ворох и беллетристики, и публицистики, и политики».

Надо представить, в каких условиях тогда получали образование, как жили молодые поэты и писатели: жилья почти ни у кого нет, одеться-обуться не во что, постоянное безденежье: «Обедаю один раз в два или три дня,—писал Артем в одном из писем.—Завтраков и ужинов не признаю принципиально».

В марте 1922 года по призыву комсомола Артем Веселый пошел служить в Черноморский флот (по утверждению драматурга А. Г. Глебова, он «решил стать моряком» под влиянием чтения Грина), а после демобилизации поступил учиться в Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова. В этом единственном в мире учебном заведении, где учили литературному мастерству, он познакомился и подружился с молодыми поэтами и писателями — Михаилом Светловым, Михаилом Голодным, Николаем Кузнецовым, Иваном Рахилло. «Слушали Брюсова, Шенгели, Сидорова, Сарабьянова, Л. Гроссмана, Рукавишникова и других маститых», — вспоминал И. С. Рахилло.

Не помню, от кого я слыхала анекдот о том, будто на вопрос В. Я. Брюсова, почему он так мало читает, Артем ответил: «Я пришел сюда учиться писать, а не читать». Допускаю, что не подготовившись к очередному семинару, Артем мог так сдерзить прославленному мэтру, но именно в это время он читал много и увлеченно. Писатель В. А. Светозаров вспоминает, что он познакомился с Артемом в библиотеке. «Он много читал, особенно интересовался историей. В общежитие писателей на Покровку он всегда приходил с книгами подмышкой». Зимой 1923—1924 годов Артем Веселый признавался в письме: «Работаю как черт. Не выхожу из библиотек. Читаю о прошлом, чтобы осознать лучше сегодняшнюю действительность...» Валерия Герасимова писала: «Артем Веселый одним из первых поставил перед собой большие художественные задачи... Пробелы своего образования он пополнял увлеченно, горячо. Помню у него на столе развернутые тома самых неожиданных в те годы авторов: тут была и „Божественная комедия“ Данте, и Шекспир, и том Гаршина, и Достоевский, и Лев Толстой. Многие строки были подчеркнуты, чувствовалось, что над текстом пристально работали». Ко

Артем Веселый, 1927

времени учебы во ВЛХИ относится и другое воспоминание В. Герасимовой, жившей, как и Артем Веселый, в общежитии на Покровке. «Как-то, сгрудившись в одной из комнат, мы читали друг другу наши очередные... литературные опусы. Вдруг... дверь распахнулась, и, чуть пошатываясь, вошел Артем Веселый. Матросский бушлат его был расстегнут, карие, монгольского разреза глаза расширены...

— Что случилось, Артем?— встревожились мы.

— Ребята... Случилось... Да что говорить!— Артем с каким-то отчаянием восторга махнул рукой.— Флобера... „Мадам Бовари“ прочел... первый раз!»

Через несколько лет в дружеских беседах с ростовским писателем Павлом Максимовым он назовет себя учеником Гюстава Флобера. В книге Максимова «Памятные встречи» приводятся слова Артема Веселого: «Литературная работа для меня не вдохновение, а каторжный труд, и в этом я прилежный ученик и поклонник Флобера».

В 1923 году Артем Веселый стал одним из редакторов первых трех альманахов «Перевал». Как член редколлегии он читал все поступавшие в редакцию рукописи. В этих сборниках увидели свет прозаические произведения Андрея Платонова, Валерии Герасимовой, Вл. Ветрова, С. Гехта, А. Пришелеца, Надежды Чертовой и других писателей. В разделе поэзии печатались М. Светлов, М. Голодный, Р. Акульшин, И. Доронин, Б. Ковынев, А. Ясный, Н. Кузнецов. «Был он очень внимателен и доброжелателен к товарищам,— вспоминал поэт А. Пришелец.— Это я и сам замечал и много раз слышал о том от других перевальцев— П. Дружинина, В. Наседкина, Е. Эркина. Я раз в жизни написал рассказ и дал его в наш сборник „Перевал“. Это была моя „Елочка“— рассказ о девушке, которую звали Елочкой. Не дальше как на следующий день Артем, один из членов редколлегии сборника, встретив меня на улице, крепко схватил за плечо:— Слушай, ты что ж это? Я и не знал, что ты умеешь писать такие рассказы. Прочитал, брат, я твою „Елочку“— знаешь, что? Это же лучше всяких твоих стихов! Чудесный рассказище! Сердцем написан,— это, брат, не всякий сможет. Ты бросай стихи, пиши прозу».

О радости, какую испытывал Артем, читая удачные вещи товарищей, вспоминает и В. А. Светозаров. Закончив читать его рассказ «Три стены», Артем прибежал к нему среди ночи, чтобы поздравить, обнять. Эта черта товарищеской благожелательности сохранилась у А. Веселого и тогда, когда он стал известным писателем. Помогал молодым литераторам, радовался их удачам. «Молодые писатели растут,— говорил А. Веселый на встрече литобъединения при журнале „Смена“

Черновой автограф стихотворения в прозе «Бывшему другу». Публикуется впервые

осенью 1935 г.—Вот Рутко Арсений выпустил хорошую книжку о социалистическом сегодня, хорошие современные рассказы—о комсомоле».

Особенное отношение было у Артема Веселого к произведениям о гражданской войне. О. К. Миненко-Орловская вспоминала, что «Чапаева» Артем прочел сразу, как только в марте 1923 года вышел первый вариант романа. Огромное впечатление произвел на него «Железный поток» А. Серафимовича. «Это вещь!—говорил он Ольге Ксенофонтовне в одну из встреч зимой 1924 года.—Взлет к бессмертию! Слезы выжимает. Хорошие думы родит». Артем Веселый, видимо, не раз возвращался к чтению этого романа. В сентябре 1933 года, составив подробный план «России, кровью умытой», рядом с записью «Залп 9. Борьба за Армавир и Пятигорск. История

Обложка первого издания книги с автографом писателя

Таманского похода» сделал пометку: «Перечитать „Железный поток“, чтоб не было повторений».

В библиотеке А. Веселого имелись и другие художественные произведения о гражданской войне: два издания романа Л. Аргутинской «Огненный путь», книга И. Арамилева «В дыму войны», записки Софьи Федорченко «Народ на войне» и их продолжение в журнале «Новый мир», роман А. Лебеденко «Тяжелый дивизион», поэма Ф. Ваграмова «Перекоп» и, можно думать, другие, о которых не сохранилось сведений.

В январском выпуске каталога издательства «Молодая

гвардия» за 1925 год в разделе «Комсомольские поэты и писатели» сообщалось, что Марк Колосов и Артем Веселый — составители серии «Новый быт рабочей молодежи». В аннотации отмечалось, что они сумели подобрать яркий материал для сборников. Этот прежде неизвестный в биографии А. Веселого факт представляется очень знаменательным. В самом деле, автор нашумевших «Рек огненных» Артем Веселый многим представлялся (и до сих пор представляется) «разудалым флотским добрым молодцем, коммунистом-максималистом, склонным, как ни странно, к анархии». Но именно этот «анархист» роется в библиотеках, просматривает комплекты журналов, перечитывает все, что написано на молодежную тему, и ставит задачи, как сказано в предисловии составителями, «познакомить комсомольского читателя с художественно оформленными „сгустками быта“ и дать ему подытоженный фактический материал для *продумывания и обсуждения*» (курсив мой.— Г. В.). Авторами сборников были и молодые писатели — Артем Веселый (печатавшийся здесь под неучтенными ранее псевдонимами Н. Константинов и И. Баранов), Марк Колосов, Мих. Шошин, Вл. Петряк и писатели старшего поколения — Г. Никифоров, К. Шильдкрет, И. Жига и другие. Серия «Новый быт рабочей молодежи» сразу нашла своего читателя: февральско-мартовский выпуск каталога издательства сообщил, что «все выпуски разошлись». Идея создания тематических сборников для молодежи была подхвачена, и вскоре издательство «Молодая гвардия» начало выпускать серии «Дети труда и борьбы» и «Красные платочки».

О футуристах Артем впервые услышал в 1920 году от поэта Г. Золотухина, редактора Майкопской газеты. Новаторство футуристов увлекло Артема Веселого, и он стал пропагандистом их творчества. На литературном вечере в Майкопе он читал «Степана Разина» В. Каменского. (Впечатление от этой талантливой вещи не уменьшилось и через полтора десятка лет. «Моего бы Ярмака до его Степана дотянуть», — сказал Веселый молодому писателю Льву Правдину в 1934 году.)

Особенно сильное влияние на Артема Веселого оказал В. Хлебников.

К лету 1925 года относятся воспоминания ростовского писателя П. Максимова: «В один из вечеров Артем долго рассказывал мне о Хлебникове, его взглядах на слово и его работах. Говорил, что считает его гениальным, что хранит его поэмы, знает их наизусть, знаком с каждой деталью биографии поэта».

Яркая образность, необыкновенное чувство языка, космизм стихов «будетлянина» восхищали А. Веселого.

Л. Н. Правдин передает свой разговор о Хлебникове с Артемом Веселым: «Про Хлебникова он сказал так: „Умел слово донага раздеть“. „С непривычки трудно его читать,—осторожно заметил я, потому что читал Хлебникова мало, и ничем он меня не увлек“. „А он не для чтения,—проговорил Артем.—Он для удивления и для восхищения. Писателям, молодым особенно, нужен Хлебников, а то очень уж гладко стали писать“».

В 1928 году вышел сборник «15 лет русского футуризма», к которому Артем Веселый написал вступление—призыв собирать и популяризировать творчество «величайших из русских поэтов». В авторской рукописи «Призыва», сохранившейся в архиве А. Веселого, есть одна фраза, не вошедшая в печатный текст—«Если Хлебникова мало знали и раньше, то современная молодежь и вовсе понятия не имеет об этом изумительном поэте»,—фраза, свидетельствующая о том, что в первую очередь до молодежи хотел Артем Веселый донести наследие любимого им поэта.

В том же году «Группа друзей Хлебникова», куда входил и Артем Веселый, по инициативе А. Крученых стала издавать на стеклографе «на правах рукописи» сборники «Неизданный Хлебников», о которых В. Б. Шкловский мне сказал, что они стали мировой редкостью и конкурируют с инкунабулами (тираж выпусков—от 50 до 130 экз.). В переписке стихов и прозы Хлебникова принимали участие многие поэты и писатели: Н. Асеев, Б. Пастернак, В. Каменский, Ю. Олеша, В. Катанян, В. Катаев и другие. Артем Веселый также переписывал тексты, в 7-м выпуске он назван переписчиком 10 и 11 страниц, где дано стихотворение «Облака казались алыми усами». В выпуске 11-м Артему принадлежит переписка дневниковой записи Хлебникова—на странице 8. Сборники «Неизданный Хлебников» издавались, насколько мне удалось установить, до 1934 года и закончились 27-м выпуском.

Личность Велимира Хлебникова продолжала интересовать Артема Веселого всю жизнь. Г. Григорьев вспоминает, с каким напряженным вниманием слушал Артем его рассказ о знакомстве с Хлебниковым и просил передать все подробности, «все до ниточки».

В январе 1936 года в интервью сотруднику журнала «Книжные новости» Борису Анибалу Артем Веселый сказал: «Из писателей, если бы мне пришлось прожить тысячу лет, никогда бы не переставал читать четырех: Пушкина, Гоголя, Хлебникова и Франса».

Воспоминания современников сохранили некоторые высказывания Артема Веселого о любимых писателях. В друже-

ской беседе с литераторами Ростова, происходившей в феврале 1928 года, как вспоминает П. Максимов, Артем заметил: «В основе писательского труда, по-моему, должна лежать... если не душа... то сердце, молодое чувство, темперамент, жадность на живые жизненные впечатления, и острый меткий глаз писателя-художника, и то, что называется талантом. Вот, скажем, Гоголь. Замечательный мастер в батальных сценах: темперамент, огонь! (Взял со стола коробку спичек). Кажется, положи коробку на его страницы — вспыхнут и загорятся...» Артем Веселый сам учился у классиков и советовал это делать молодым писателям. «Учись у классиков без гувернанток, — говорил он начинающему писателю Виктору Баныкину. — Я вот зимой (1934—1935 гг. — Г. В.) как засел за „Тараса Бульбу“ — три месяца читал». Работая над сценарием «Гуляй Волга», Артем Веселый перечитывал «Тараса Бульбу», прочел «Гайдамаков» Шевченко, читал «медленно, впитывая каждое слово», пишет Г. Григорьев.

Высоко оценивал А. Веселый личность передовых демократических писателей. «Русский писатель, — говорил он П. Максимова, — это символ честности и высоких моральных качеств. Короленко, Чехов... Такие люди не могли говорить одно, а делать другое». Он собирал литературу о творчестве классиков. В его библиотеке имелись исследования о Гоголе В. Виноградова, В. Вересаева, В. Переверзева, книги о творчестве Л. Н. Толстого (Л. Мышковской, А. Островского, Б. Эйхенбаума), о Ф. М. Достоевском, Ф. И. Тютчеве и других.

Артем Веселый охотно делился с друзьями радостью общения с настоящим, талантливым произведением. В 1925 году появилась в печати одна из наиболее ярких вещей Сергея Есенина «Анна Снегина». Артем сразу же обратил внимание молодого писателя Сергея Бондарина на эту поэму.

Своему другу Владимиру Ставскому Артем писал в 1929 году: «Володя! Если еще не прочитал „Очарованного странника“ (Лескова) — прочти».

Многих, особенно в те годы, удивляло увлечение Артема Веселого Библией и Далем, а для него эти книги наравне с летописями и былинами были бесценными источниками образного слова.

Литературовед, много писавший о творчестве А. Веселого, М. Б. Чарный приводит свой разговор с К. Г. Паустовским. «А знаете вы, — сказал мне вдруг с оживлением Паустовский, — что Артем почти всегда носил с собой Библию? Он знал ее чуть ли не наизусть. — Увидев мое изумление, Константин Георгиевич добавил: — Это для языка, конечно. Он изучал язык Библии...»

О словаре Владимира Даля Артем говорил своему другу А. Е. Костерину: «Вот, Алеша, книга книг! Книжища — как хребет Кавказский! Читаю и тону — захлебываюсь! В этой книжище вся наша сила и все наши книги. Читай ее, Алеша, и перед сном и ото сна восстав. Я наизусть ее зубрю». «И не шутя, — вспоминает Костерин, — стал приводить некоторые слова и все производные от них вплоть до поговорок и пословиц... Помнится, я одобрительно посмеялся над увлечением Артема, а Юрий Либединский пришел в ужас, решив, что Артем „рехнулся“». Есть свидетельство А. В. Перегудова о том, что «Новиков-Прибой считал Артема Веселого очень талантливым писателем, говорил, что Артем так любит исконный русский язык, что не расстается со словарем Даля, будто бы даже во время своих поездок берет один из томов словаря и читает его, делает выписки».

Необычайно образное видение подсказывало Артему Веселому особое отношение к творческому процессу. Однажды он высказал другу-писателю заветную мечту: «Надо писать не рассказ, а „показ“. Надо так писать, чтобы читатель мог не только видеть, понять, но и пощупать...» Мысли подобно этой он выразил в стихотворении «Книга».

1

Завернем, дружок, в лавку букиниста, помечтаем над книгами...
 Какая серость шрифтов.
 Какое удручающее однообразие печатных пустынь.
 Тут иллюстрация подана, точно через рябое стекло.
 Там музыкальная фраза надломлена переносом на новую страницу.
 Мудрое и глупое слово идут по тропе одной строки.
 Полчища букв, похожих одна на другую, как дождевые капли.
 Строгость стройных строк там, где нужно волнение...
 Одним шрифтом набраны и отпечатаны Хлебников и Халтаузен.
 Проза — солома, мякина, чертополох.
 Поэзия... В болото бы сего пиита изучать ритмику стиха у лягушек.
 Критика — мягко говоря — святочных масок пляска.

2

Нас гнетет несовершенство вещей... Когда же, наконец:
 Меж строк прорастет трава?
 В зарослях зеленых строк крикнет утка?
 Со страницы загремит морской прибой?
 В книге о гибели «Челюскина» застонет и загудит штормовой океан?
 Из пушкинского стиха, точно из куста, сверкнет соловьиный свист?
 Емкость книги? Вкус книги? Запах книги?
 Волнение и трепет страстей в строке?
 Поэт+музыкант+живописец?
 Когда же, наконец, строки закипят по странице, подобны листьям
 весенней березы?
 Строки заплещутся по странице, словно праздничные флаги над
 кораблем?

В книге — рельеф гор, глубина реки, простор степей?
Знак — ?, знак — !.. А где же знаки удивления, недоумения, досады,
восторга, ненависти, приязни?

3

Мы верим, мы знаем, мы угадываем — день близок.

Бумага начнет лягаться.

Взору злодея будут недоступны стихи.

Слово бездарное, слово лживое, слово глупое будет скатываться с
печатного листа, как скатывается ртуть с полированной поверхности.

Будет заоркестрован, вплетен в строку плач и смех.

Зимняя строка будет запущена снегом и подернется искрой инея.

В лирической строфе особо нежные слова будут мерцать, подобны
звездам.

Фраза — на страх бездарным — будет декольтирована и уже не сможет
скрыть убожества своих форм за придаточными и вводными.

Детская книга, поистине, будет являть собою чудо.

Со страниц Жюль Верна на юного читателя дохнет палящим зноем
тропических стран; дрогнут строки текста, и из строк, словно из
пенящихся волн, вылетят на всех парусах окутанный пороховым дымом
корабли — грянет битва.

Кони будут ржать и скакать со страницы на страницу.

Герой будет бледнеть, краснеть, улыбаться; у героини из-под дрогнувшей
ресницы выкатится слеза.

Описание заката — по странице сеются сумерки, страница дочитана, на
страницу хлынула ночь — меж потемневших, неразличимых строк блес-
нут звезды.

Где ты, рука мастера?

Какие же книги покупал Артем Веселый, «завернув в лавку букиниста» или зайдя в Книжную лавку писателя, одним из основателей которой он был?

Библиотека Артема Веселого погибла, и теперь, спустя более четырех десятилетий, невозможно полностью предста-
вить ее состав, но была она большая и собиралась с начала 20-х годов до конца жизни ее владельца. Рукописи и книги Артем Веселый считал самым ценным своим «имуществом».

...Вспоминаю, что в 1935 году в пустой еще даче в Переделкине раньше другой мебели были установлены стеллажи. Отец сам строгал доски, сам сбил широкие, во всю стенку книжные полки. Вскоре он привез из Москвы книги. Хорошо помню четырехтомного Даля, пятитомник сказок Афанасьева, сказки 1001 ночи в издании «Academia». Очень нравилась мне большие однотомники классиков в издании Маркса — в голубом тисненном переплете Жуковский, в красных Пушкин и Гоголь.

Реконструкция части библиотеки Артема Веселого оказа-
лась возможной благодаря сохранившейся описи. Черновая опись была составлена без инициалов авторов, без выходных данных, а во многих случаях давалось неполное название

книги. Книг, изданных после 1934 года, в описи не оказалось, поэтому можно думать, что она была сделана в 1934—1935 годах. На обороте одного из листков описи рукой Артема Веселого написано: «Литературный архив. Библиотека». О том, что сохранившиеся списки книг являются описью библиотеки, а не библиографическими списками, говорят пометки возле некоторых названий: «хвост оторван», «два издания», «два экземпляра».

Основной состав библиотеки распадается на четыре части, соответствующие главным творческим интересам Артема Веселого: историческая и революционно-историческая литература, фольклор и литературоведение. Книги были сгруппированы в отдельные списки по содержанию, и каждый список имеет краткий заголовок.

Список, озаглавленный «Россия», включает 250 названий книг, связанных с работой писателя над романом «Россия, кровью умытая». В этот раздел библиотеки входили преимущественно исторические труды и публикации документов о революции и гражданской войне, хотя имелись отдельные произведения художественной прозы и поэзии. Наряду с работами общего характера в библиотеке было большое количество книг по истории гражданской войны на местах — на Урале, Дону, Кавказе и Закавказье. Сам участник боев за Самару, Артем Веселый собирал книги о революционных событиях в Самарской губернии, о работе Самарской организации РКП(б) в годы войны.

Пособием в работе над задуманной, но ненаписанной 22-й главой «России, кровью умытой» — «Махновщина» могли служить книги, анализирующие это сложное, противоречивое явление: «Махновщина» В. В. Руднева, «Махно и махновщина» С. И. Черномордика и др. Для более глубокого проникновения в тему Артем Веселый запросил в научном кабинете истории гражданской войны при Библиотеке имени Ленина список литературы по интересующей его проблеме. Этот список, озаглавленный «Махновщина», также сохранился в архиве писателя.

Немало книг в библиотеке Артема Веселого имело отношение к теме «Перекоп». Так должна была называться последняя (тоже ненаписанная) 24-я глава «России, кровью умытой». Писать о Перекопе Артем Веселый собирался в 1936 году, когда его включили в состав писательской бригады, которой было поручено написать историю 30-й дивизии.

Работая над романом о гражданской войне, Артем Веселый не мог обойтись без воспоминаний участников событий. Мемуаристика была представлена в библиотеке особенно пол-

Д. Даран. Иллюстрация к третьему изданию
«России, кровью умытой», 1935

но. В описи встречаются воспоминания полководцев и рядовых бойцов, партийных работников и участников «белого движения».

Следы тщательной работы Артема Веселого над статьями

и документальным материалом о гражданской войне носят отдельные вырезки из журналов и несколько разрозненных журнальных изданий, сохранившихся в архиве. Это в первую очередь несколько неполных номеров журнала «Путь коммунизма» за 1922 год, издававшегося в Краснодаре. В журнале печатались статьи и воспоминания активных участников гражданской войны — С. Петренко «Правда о Сорокине», Е. Лехно «Три эпизода», И. Борисенко «Первый облисполком» и др. Артем Веселый встречался с этими людьми, расспрашивал их о событиях на Кубани и Дону. В 1931 году, готовя к публикации в 12-м номере «Нового мира» главу из «России, кровью умытой» — «Горькое похмелье», Артем Веселый сделал к ней следующее примечание: «В Ростове-на-Дону испартовский работник, молодой писатель, выпустил книгу очерков „Авантюристы в гражданской войне“. Некоторые факты, касающиеся биографии Ивана Кочубея (Черноярова), собранные мною, я разрешил т. Борисенко использовать в своих очерках. Со своей стороны, и он, лично знавший Кочубея, порассказал мне немало интересного о нем и также разрешил использовать, что я и делаю в настоящей главе».

О замысле создать произведение о революции 1905 года говорит опись «Пятый год», включившая 171 название. Много книг по истории первой русской революции, собранных А. Веселым, издавалось к 20-летию ее юбилею. В них отразились ее главные моменты: вооруженное восстание на Красной Пресне, развитие революционных событий в различных районах страны, деятельность первых Советов. В библиотеке Артема Веселого широко были представлены издания 1905—1906 годов. Названия книг писателей, посвятивших свои романы, рассказы и повести революции 1905 года, тоже находим в описи. Но, к сожалению, архив А. Веселого, в котором, как известно, были рукописи незаконченных произведений, не сохранился.

Замысел написать исторический роман о завоевании Ермаком Сибири толкнул Артема Веселого к изучению специальной литературы, посвященной казачеству. По словам писателя, он «сидел день и ночь в Ленинской библиотеке» и за время работы над «Гуляй Волгой» «перерыл гору книг». С 1926 по 1932 год, время работы над романом, Артем Веселый изучил все вышедшие к тому времени тома Собраний русских летописей, перечень которых находим в описи, озаглавленной «Гуляй Волга». В этой описи перечислены 272 книги. В библиотеке были труды дореволюционных и советских историков, занимавшихся историей русского государства эпохи феодализма, историей крестьянства и хозяйства России того

времени. Особенно тщательно собирались книги по истории Сибири, Украины и Белоруссии. С возможной полнотой пополнялась библиотека работами о восстаниях Болотникова, Разина, Пугачева. Подбиралась житийная литература, труды по истории церкви, старообрядчества и сектантства. Имелись книги об Иване Грозном и, конечно, все, что было написано о Ермаке. Ценность исторической библиотеки А. Веселого подтверждается воспоминаниями современников. «В комнатах было много книг,—писал Г. Шолохов-Синявский, — причем очень старинных, целые полки были заставлены униками в кожаных переплетах». Обилие старинных книг в кабинете писателя поразило и Л. Н. Правдина. «У окна большой письменный стол, стопки рукописей, книги с закладками. Слева—большой стеллаж, набитый старинными книгами—большими, тяжелыми. „Вот это все Ермак,—сказал Артем,—да ермаковы походы, всякие временные приметы...“».

Рассказывая о своей работе над «Гуляй Волгой» на очередном собрании литературного объединения при журнале «Смена» (в сентябре 1935 года), Артем Веселый упомянул, что он перечитал все, что было написано о Сибири и сибирских народах, в том числе Н. С. Лесковым, А. П. Щаповым, Н. М. Ядринцевым. Читал он и специальную литературу. «Месяца два я читал книжки о выделке оружия...»

Известны оценки, данные А. Веселым некоторым произведениям художественной литературы на историческую тематику. Так, И. И. Лажечников, М. Н. Загоскин вызвали его негативную реакцию. «Литературными шутками» назвал Артем Веселый трагедию П. Плавильщикова «Ермак, покоритель Сибири», драму Н. Полевого «Ермак Тимофеевич», повести Буйницкого «Ермак, завоеватель Сибири» и А. Шишова «Ермак». Краткие отрывки из этих вещей Артем Веселый привел

Артем Веселый.
Портрет работы А. Юстицкого

в приложении к «Гуляй Волге», в разделе «Литературные подарки»*.

Говоря о трудностях, связанных с работой над исторической темой, и о том, как важно правильно сочетать современный язык с устаревшим, да так, чтобы «между ними драки не было», Артем пояснил: «Тут нужна во всем самая строгая мера, не всякому доступная. И еще надобен тончайший слух, чтобы все это звонкое, стародавнее не взяло верх. Все в меру—это не многим, пишущим исторические романы, удалось. У Толстого в „Петре“ это здорово сделано». А Чапыгина Артем упрекнул в перегрузке романа нарочитыми деталями: «Есть хороший роман Чапыгина „Степан Разин“, тем не менее этот роман меня не удовлетворил—там музейности много: вылезает из-под куста разбойник, его внешность—все, что видишь в музее—кафтан и т. д.».

Среди других книг советских писателей, писавших на историческую тему, в библиотеке А. Веселого была трагедия К. А. Тренева «Пугачевщина», поэмы В. В. Каменского «Болотников» и «Стенька Разин», романы К. Г. Шильдрета «Иван Грозный» и «Мамура».

Работая над «Гуляй Волгой», Артем Веселый обратился к этнографической и фольклорной литературе. В описи его библиотеки есть список 233 книг, озаглавленный «Этно». Среди этих книг такие ценные издания, как 10 выпусков «Песен» П. Киреевского, «Сборник Кириши Данилова», «Песни разных народов» Н. Берга, 10 выпусков «Народных песен» А. Соболевского и многое другое.

Часть этнографического раздела библиотеки составляли сборники былин: «Архангельские былины» А. Григорьева, «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга, «Печорские былины» Н. Е. Ончукова и др.

Было в библиотеке Артема Веселого много сборников сказок. «Чтобы создать себе настроение,—рассказывал он,—я решил взяться за народное творчество, и год читал монгольские сказки, сказки всех сибирских народов. Сказок я прочитал невероятное количество. У меня после этого дело пошло как-то легче». В «Литературных подарках» Артем Веселый приводит тексты четырех сказок—остяцкой, вогульской, киргизской и татарской.

О том, что давало Артему Веселому чтение сказок, как он их читал, можно судить по случайно сохранившимся нескольким книжным листам и паре разодранных книг с пометками писателя.

* «Додарок» — добавление к подарку. Неологизм А. Веселого.

Он читает сборник индийских сказок С. Ф. Ольденбурга. В одной из них рассказывается, как мачеха дурно обращалась с детьми, заставляя их голодать и была до того скупа, что однажды взяла зерно, разделила его на 5 частей и дала по крошке каждой из падчериц. На полях книги Артем написал: «Одно пшеничное зерно он раскусил пополам и половину дал ей». В «Гуляй Волге» татарский хан, уговаривая красавицу Забаву ответить на его любовь, обещает ей: «Последнее пшеничное зерно раскушу пополам и половину отдам тебе...» Поэтический образ из сказки, перейдя в ткань романа, получил совершенно иную трактовку.

В другой сказке «Как три искусника перехитрили злых духов» Артем подчеркнул всего несколько слов: «глубокие следы ног». Рядом на полях написал: «Они так протоптали дорогу, что по сторонам образовались высокие стены». В дальнейшем эта запись в трансформированном виде пришла в легенду о Забаве, которой хан приказал перетаскать озеро ведрами в Волгу: «Забава протоптала через гору тропу в человеческий рост».

К работе над «Гуляй Волгой» относится и тот раздел библиотеки, который назван «Архив плаванья». Под этой рубрикой объединено всего три десятка книг, и они связаны с особым методом работы Артема Веселого над своими произведениями. Особенность состояла в том, что ему необходимо было видеть те места, где действовали его герои. Об этом писатель рассказывал сам: «Весной 1927 г. мы в компании студентов поехали на Урал, на Чусовую. Это главное место действия купцов Строгановых. Мы купили лодку у рыбаков... выплыли на Каму, потом по Волге до низовья ее. И вот первые настоящие строки именно отсюда». Такие поездки Артем Веселый совершал ежегодно. «Зимами я дневал и ночевал в книгохранилищах, а с весны распускал парус и на рыбацкой лодке плыл по следам Ярмака — Волгою, Камою, Чусовой, Иртышом,— кормясь с ружья и сети. За шесть годов перерыл гору книг, проплыл по русским и сибирским рекам по двенадцать тысяч верст»,— писал А. Веселый в «Словце конечном» «Гуляй Волги». Вот почему в библиотеке отложились книги «Охота на уток» и «Охота на степную дичь» Каверзнева, «По таежной реке» Сдобнова, «Рыболов» Антонова, «Сеть рыболовная» Мякеляйнена и тому подобные.

В заключение отмечу, что в библиотеке были также книги по искусству, проблемам творчества и писательского труда, который сам Артем Веселый оценил как «каторжный и радостный труд».

Анна Саакянц

ИЗ КНИГ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Встреча с поэтом (книгой) для меня радость, ниспосылаемая свыше. Иначе не читаю.

Нужно писать только те книги, от отсутствия которых страдаешь. Коротче: свои настольные.

Марина Цветаева

Весной 1926 года Б. Л. Пастернак прислал Цветаевой из Москвы в Париж анкету для предполагавшегося в СССР издания биобиблиографического словаря писателей XX века (анкета была составлена Кабинетом революционной литературы при Отделе изучения революционного искусства Академии художественных наук). Один из пунктов анкеты гласил:

«Краткие биографические данные: а. среда, б. влияние детских лет, в. материальные условия работы, г. путешествия, д. эволюция творчества».

Марина Ивановна не могла своим образом жизни соответствовать этому пункту: «материальные условия работы» и «путешествия» она опустила вообще, поскольку первых в ее эмигрантском существовании попросту не было, а вторые состояли из неизбывных переездов с одной квартиры на другую, более дешевую.

Зато она написала о том, о чем анкета не спрашивала:

«Последовательность любимых книг (каждая дает эпоху): „Ундина“ (раннее детство), Гауф-Лихтенштейн (отрочество), „Aiglon“* Ростана (ранняя юность). Позже и поныне: Гейне — Гете — Гельдерлин. Русские прозаики — говорю от своего нынешнего лица — Лесков и Аксаков. Русские поэты — Державин и Некрасов. Из современников — Пастернак.

Наилюбимейшие стихи в детстве — пушкинское „К морю“ и лермонтовский „Жаркий ключ“. Дважды — „Лесной царь“ и „Erlkönig“**. Пушкинских „Цыган“ с 7 л<ет> по нынешний день — до страсти... Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: „Нибелунги“, „Илиада“, „Слово о полку Игореве“».

Перечислено, конечно, далеко не все, но сказано главное:

* «Орленок» (фр.).

** «Лесной царь» (нем.).

немыслимость для Цветаевой жизни без книг; насущность книг, начиная с детства.

Библиофилом, собирателем и в этом смысле ценителем книг Цветаева никогда не была. Ее отношение к книге — как мы увидим в дальнейшем — это всегда роман с ней, с автором, с его жизнью, с его эпохой. И так было с самого детства. Вспоминая это детство в своих шестнадцати - семнадцатилетних стихах, она воздает благодарность «неизменившимся друзьям в потертом красном переплете»: Геку Финну, Тому Сойеру, Принцу и Нищему; вспоминает, как «мама Лихтенштейн читает вслух» и т. д.; в автобиографической прозе 30-х годов («Мать и музыка», «Башня в плюще», «Черт», «Мой Пушкин» и др.) живописует первые свои «романы» с книгами: в первую очередь с «Ундиной» Ламотт-Фуке в переводе Жуковского, со сказками Перро (иллюстрации Доре), а также с детскими книжками. Некоторые стоит упомянуть: «Маленький лорд Фаунтлерой» Ф. Бернет, «Heidi» Иоганны Спири, «Девочки» Н. А. Лухмановой, «История маленькой девочки» Е. А. Сысоевой и многие другие.

М. И. Цветаева, 1924.
Публикуется впервые

Но все эти книжки о девочках и мальчиках были не главными. Весь жар души вкладывался не в них. С шести лет маленькая Марина была влюблена в поэзию Пушкина.

Пушкин цветаевского детства был олицетворен и одушевлен в «огромном сине-лиловом томе с золотой надписью вкось — „Собрание сочинений А. С. Пушкина“». В нем жили обожаемые (и на всю жизнь) „Цыганы“ и „Капитанская дочка“ (в ней же был любим один Пугачев).

А хрестоматия, где было напечатано пушкинское «К морю», в которое маленькая Марина тоже была влюблена, за полноценную книгу вроде бы не считалась, и вот:

«Все... лето 1902 года я переписывала его из хрестоматии в самосшивную книжку. Зачем в книжку, раз есть в хрестоматии? Чтобы всегда носить с собой в кармане, чтобы с Морем гулять... чтобы *моё* было, чтобы я сама написала... Книжка — десть писчей бумаги, сложенной ввосемьро, где нужно разрезанной и прошитой посредине только раз, отчего книжка топырится, распадается, распирается, разрывается... как я ни пытаюсь ее сдвинуть, все свободное от писания время сидя на ней всем своим весом и напором, а на ночь кладя на нее мой любимый булжник — с искрами. Не на нее, а на них, ибо за лето — которая? Перепишу и вдруг увижу, что строки к концу немножко клонятся, либо, переписывая, пропущу слово, либо кляксу посажу, либо рукавом смажу конец страницы — и кончено: этой книжки я уже любить не буду, это не книжка, а самая обыкновенная детская мазня. Лист вырывается, но книга с вырванным листом — гадкая книга, берется новая (Асина или Андрушина) десть — и терпеливо, неумело, огромной вышивальной иглой (другой у меня нет) шьется новая книжка, в которой с новым усердием: — „Прощай, свободная стихия!“ («Мой Пушкин»).

Не была ли эта книжка прародительницей цветаевских творческих тетрадей (стихов, поэм, прозы, дневниковых записей, черновиков поэзии...)? Цветаева никогда не писала на отдельных листах (кроме писем, разумеется), только — в тетрадях. Даже блокнотов не признавала. Блокнот — не книга. Тетрадь — книга. Это не домысел, сама Цветаева рассуждала именно так. Знаменательна, например, неоднократно повторяющаяся запись в рукописной тетради 1916—1918 годов: «Одно из лучших стихов во всей книге» — под стихами, ни в какой книге при жизни поэта не напечатанными. Беловые тетради стихотворений и поэм и были книгами поэта, не все из которых дошли до печатного станка (об этом будет сказано позже).

Но, во всяком случае, самодельные книжечки маленькой девочки стали прообразом того, что осуществилось около двух десятилетий спустя.

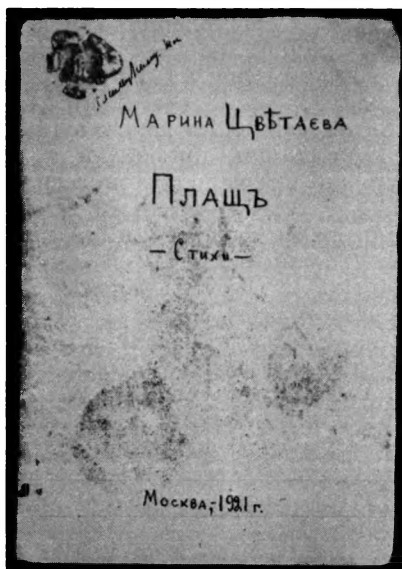
В первые годы революции, когда было трудно с книгами и бумагой, существовали так называемые рукописные издания, продававшиеся созданной в 1918 году московской Книжной лавкой писателей. Это были, вспоминает дочь Цветаевой А. С. Эфрон, «автографы писателей и поэтов — самодельные книжки из разномастной — от веленовой до оберточной — бумаги, иногда иллюстрированные и переплетенные авторами; за время существования Лавки там было продано омоло двух сотен таких выпусков, в том числе и несколько Марининых

Взречь вошла
 Черной и стройной тьбою
 В зверь облитманса.
 Ночь
 Ринчалась перьями.

Черный плащ
 И черные цыганцы с вульвою.
 Через ризы
 Всю кривую кляту — плащъ.
 Едва не хочешь мучу
 Прощать — спи, сощъ!

Шарь лжкатки. Личъ
 Узонъ и яронъ.
 Горячи
 Глазъ терния дыры.
 Сяловзключ на колъни
 Платонъ кашейный,
 И воззались
 Острия лонтей — въ острия колъни.

Страница рукописной
 книги «Мариула»

Обложка рукописной книги «Плащ»

ничем не разукрашенных выпусков, крепко сшитых воценой ниткой и аккуратно заполненных красными чернилами». Так Марина Ивановна выступала в роли изготовителя, «делателя» книги.

Известны следующие цветаевские рукописные выпуски: «Современникам» — стихи к Маяковскому, М. Кузмину, С. Волконскому; «Мариула» (одиннадцать «цыганских» стихотворений)¹; «Ученик» (цикл из семи стихотворений, обращенный к С. М. Волконскому)²; «Плащ» (шесть стихотворений 1916—1918 годов)³; «Стихи» (семь стихотворений 1918—1920 годов).

Список этот может и должен быть продолжен.

Вернемся, однако, к ранней Цветаевой.

В отрочестве, а особенно в юности, примерно с шестнадцати лет, у нее начинается полоса «запойного» чтения; она целиком переселяется в книги, покупаемые ею в огромном количестве. Это в основном французские книги, которые она выписывает из Парижа через магазин Готье на Кузнецком,—

книги о Наполеоне и его сыне, герцоге Рейхштадтском — несчастном «Орленке». Прочитав о нем пьесу Э. Ростана «Aiglon», она на едином дыхании перевела ее на русский (перевод не сохранился). Ростановский «Орленок», а также книга «Письма Наполеона и Жозефины» (Париж, 1895), которую она приобрела в январе 1909 года, являются собою, можно сказать, два полюса этой «наполеониады».

Входят в жизнь юной Цветаевой и другие «тени»: иные — на время, а иные — на всю жизнь. Мария Башкирцева. Элоиза и Абелья. Гете и его друг Беттина Brentano (о них речь впереди). Книги Сельмы Лагерлеф. Реальность переставала существовать; Марина Цветаева жила только в книгах.

«Как я теперь понимаю „глупость взрослых“, не дающих читать детям своих взрослых книг! — пишет она М. А. Волошину 18 апреля 1911 г. — Дети — не поймут? Дети слишком понимают! Семи лет Мцыри и Евгений Онегин гораздо верней и глубже понимаются, чем двадцати. Не в этом дело, не в недостаточном понимании, а в слишком глубоком, слишком чутком, болезненно-верном! Каждая книга — кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сама... Книги — гибель. Много читавший не может быть счастлив... Я забываюсь только одна, только в книге, над книгой!.. Книги мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге... Я мысленно все пережила, все взяла. Мое воображение всегда бежит вперед...» (Новый мир, 1977, № 2, с. 239).

* * *

По сей день выплывают на поверхность книги из библиотеки Цветаевой той поры, надписанные ее именем, с пометами в тексте. Одно из интереснейших таких изданий — трехтомник В. Брюсова «Пути и перепутья». Эти три тома она одела в один переплет, на корешке которого золотым тиснением вывела: «М.Ц.». На титульном листе третьей книги стоит: «М. Цветаева. Москва, 23-го февраля 1910 г.». Этот фолиант был одно время частью жизни юной Цветаевой. В стихах Брюсова, столь непохожих на ее собственные, полудетские, она, тем не менее, находила созвучие своим чувствам и настроениям. Более того: она подчеркнула у Брюсова строки, которые не только по настроению, но и по форме выражения могли бы принадлежать ей самой (для Брюсова же были случайными, чуть ли не экспериментаторскими). Это строки о

любви и расставании, о грусти утраты, о сладости воспоминаний и т. п. Под заглавием стихотворений Брюсова «Встреча» и «В вагоне» она ставит даты расставания с дорогим ей человеком — настолько брюсовские строки адекватны ее переживаниям...⁴

Что же до переплета, то Цветаева одевала свои книги отнюдь не как библиофил, а как любитель-романтик. Переплет она рассматривала, как «приют», «жилище» для любимых авторов. Так, например, в те же десятые годы она отдала переплести вместе книги стихов М. Волошина и А. Герцык, близких и любимых ею людей и поэтов, «в ярко-красный переплет, в один том — в один дом», «ибо она в моей жизни такое же событие, как Макс» («Живое о живом»). Красота переплета — красота «дома». Впоследствии Цветаева уже не могла себе позволить не только роскошь переплета, но часто и покупку желанной книги. Как отголосок былой роскоши, выглядит книга Цветаевой «Психея» (Берлин, 1923), которую она подарила своей дочери Ариадне на новый 1925 год. Она — в твердом, добротном переплете, с красивым форзацем; на корешке, по старой памяти, золотом стоит: «Марина Цветаева. Psyche».

Еще одна книга, как бы продолжающая страницы юности Цветаевой. Она хранилась Мариной Ивановной всю жизнь, проделала с ней путь за границу и обратно на родину — «Гераклит Эфесский. Фрагменты». Перевод Владимира Нилендера. Книгоиздательство «Мусагет» (М., 1910). На титульном листе — надпись: «Марина Цветаева. Москва, 7-го октября 1910 г.».

И строки: «,...Они покой находят в Гераклите...»

(„Вечерний альбом“, „Невестам мудрецов“).

Поэт и переводчик Владимир Оттонович Нилендер (1883—1965) был юношеской любовью Цветаевой, это к нему относятся многие пометы на брюсовском томе, о которых шла речь; к нему обращены стихи в ее книге «Вечерний альбом», о нем вспоминает она в своей автобиографической прозе. Книгу

Факсимиле инициалов М. Цветаевой

Гераклита Цветаева купила после того, как рассталась с В. О. Нилендером, ответив отказом на его предложение. Но эта книга, ее автор, ее переводчик, наконец, издательство, где она вышла,— все было связано для Цветаевой с неповторимыми днями ее юности, с именами М. Волошина, А. Белого, его жены А. Тургеневой,— с целым рядом чувств и переживаний той поры. «Фрагменты» испещрены пометами Цветаевой (а также ее мужа С. Я. Эфрона); видно, что книга не раз бралась в руки и была предметом размышлений и обсуждений. Гераклитово изречение: «Нельзя вступить в тот же самый поток» Цветаева впоследствии не раз приводила в письмах и прозе.

В другом изречении: «Природа любит скрываться» слово *природа* она исправила на *женщина*, а вместо *Гераклит* написала: *По Бальмонту*. А на полях нилендеровских комментариев, толкующих слова Гераклита о сердце и душе, в которых переводчик говорит о том, что «душа приносится в жертву телу», Цветаева со всем пылом юной наивности возражает: «Сердце ближе к душе, чем к телу!»

Вообще с книгами, будь то свои или чужие, Цветаева могла обращаться, можно сказать, с истинно антибиблиофильским темпераментом: она делала не только карандашные, но и чернильные пометы на полях, полемицировала с автором, ставила знаки вопроса, восклицания и т. п.— и в таком виде возвращала книгу «хозяевам». Так поступила она (если опять забежать вперед) с «Письмами ван-Гога» («Academia», 1935), которую ей дали в 1940 году почитать знакомые. На полях их она возражает художнику, не понимающему, по ее мнению, поэзии. Пометы сделаны ею и на книге Пастернака «Спекторский» (М., 1931), взятой у тех же людей; сегодня эти книги для их владельцев (и не только для них, разумеется) ценны вдвойне...

«Вольное» подчас обращение с книгами уживалось, однако, в Марине Ивановне с бережным, даже трепетным отношением к ним, и одно как бы дополняло другое. Ее дочь, А. С. Эфрон, вспоминает: «Ничто так не возмущало Марину, как небрежное, неуважительное отношение к книгам» (Звезда, 1973, № 3, с. 163).

Листала она книгу только с правого верхнего угла: ведь читают, говорила она, сверху вниз, а не наоборот...

Пометы же говорили отнюдь не о небрежности, а как бы воочию демонстрировали отношения Поэта с Книгой. Марины Цветаевой с данной книгой.

* * *

В годы революции, живя очень трудно, Цветаева вынуждена была расстаться с некоторыми из своих книг. В письме к сестре Анастасии от 17 декабря 1920 года читаем даже такую фразу: «К книгам равнодушна, распродала всех своих французов — то, что мне нужно, сама напишу». Действительно, она, как вспоминает ее дочь, приходила в недавно организованную тогда Лавку писателей (правда, нечасто) «с книгами на продажу или с автографами на комиссию». Однако, несмотря ни на что, Марина Ивановна не всегда могла устоять от соблазна и, продав одни книги, покупала другие. Об одном из таких «книжных походов» в Лавку сделала запись в дневничке восьмилетняя Аля в марте 1921 года:

«„Аля! Торопись, одевайся! Мы пойдём к Писателям, продавать книги!..“ Марина выходит из большой холодной комнаты, неся в корзиночке книги. Самые легкие она отложила мне в платок... Подходим к Лавке писателей...» Пока смотрят ее книги, Цветаева, пишет Аля, тоже, в свою очередь, рассматривает книги, нацеливаясь купить их; затем ее проводят в склад Лавки. Там «Марина с яростью ищет немецкие и французские книги, нужные ей, и передает их мне, чтобы я откладывала... Вот мы и на улице. Заходим на минутку в Лавку писателей, чтобы заплатить деньги... Так Марина торгует книгами: продаст меньше, а купит больше».

Трудно сказать, тогда же или раньше Цветаева приобрела «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Читая ее, она делала пометы в тетради, а затем написала цикл стихов о своей «соименнице» — Марине Мнишек...

Уезжая в мае 1922 года скоропалительно за границу (она ехала к мужу в Прагу, получив известие о том, что он жив), Цветаева, без сомнения, думала, что вернется. Об этом говорит многое, и, в частности, ничтожно малый багаж, взятый с собой. Библиотеку свою (так же, как и рукописные тетради) она оставила сестре Анастасии, думая, что той удастся поселиться в доме № 6 по Борисоглебскому переулку, где Марина Ивановна жила с 1914 года. Но из этого ничего не получилось; некоторые же книги Цветаевой попали к Н. А. Нолле-Коган, в чьем архиве (ЦГАЛИ) находятся, в частности, три, связанные с Беттиной Brentано.

* * *

Но были у Цветаевой книги, с которыми она не расставалась никогда. То были книги поэтов-современников, и в первую очередь — Ахматовой, Пастернака, Рильке.

Ахматову Цветаева боготворила с 1916 года, но лично знакомы, вплоть до 1941 года, они не были. Цветаева вспоминала, что подарила Ахматовой рукопись своих стихов к ней (тоже, очевидно, в виде самосшивной тетради!) и очень радовалась, узнав, что Анна Андреевна все время носила их с собой и «до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались» («Нездешний вечер»).

Весной 1921 года Цветаева послала Ахматовой ее книги с просьбой надписать их:

«Спасибо за очередное счастье в моей жизни — „Подорожник“. Не расстаюсь, и Аля не расстается. Посылаю Вам обе книжечки, надпишите.

Не думайте, что я ищу автографов — столько надписанных книг я раздарила! — Ничего не ценю и ничего не храню, а Ваши книжечки в гроб возьму — под подушку!.. Как я рада им всем трем — таким беззащитным и маленьким: Четки — Белая Стая — Подорожник. Какая легкая ноша — с собой! Почти что горстка пепла».

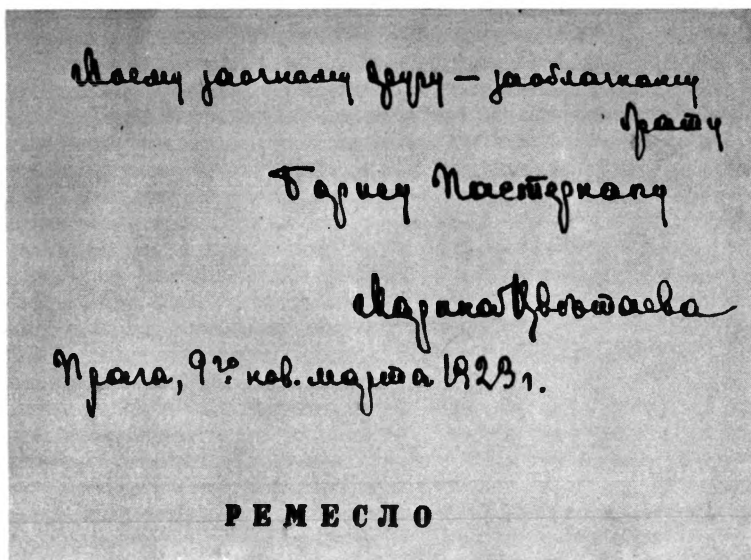
Книжки Ахматовой Цветаева увезла за границу в 1922 году и привезла обратно на родину в 1939-м. В цветаевском архиве хранятся «Подорожник» (два экземпляра, надписанные Марине Ивановне и Але), «У самого моря» и «Anno Domini» с одинаковыми лаконичными надписями: «Марине Цветаевой — от Анны Ахматовой».

Своих книг Цветаева подарить Ахматовой не могла, так как кроме трех первых, совсем «юных» сборников, вышедших еще в 1910—1913 годах, к тому моменту у нее еще ничего не было издано...

* * *

Еще бесценнее были для Цветаевой книги Бориса Пастернака, которого она называла своим братом «в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении». Их горячая эпистолярная дружба завязалась с 1922 года в переписке, начатой 14 июня 1922 года Пастернаком, восторженно отозвавшимся на книгу Цветаевой «Версты» (М., 1921). В архиве Цветаевой хранится книга Пастернака «Сестра моя — жизнь», посланная им ей в Берлин 14 июня — в тот же день, что и письмо — с надписью: «Марине Цветаевой. Б. Пастернак. 14/VI-22. Москва».

3—7 июля Цветаева написала на пастернаковскую книгу рецензию-панегирик под названием «Световой ливень», а 10 июля послала Пастернаку свою книгу стихов «Разлука»⁵ с

Посвящение Борису Пастернаку

надписью: «Борису Пастернаку — навстречу!»; в конце книги переписала следующее стихотворение:

СЛОВА НА СОН

Неподражаемо лжет жизнь:
Сверх ожидания, сверх лжи...
Но по дрожанию всех жил
Можешь узнать: жизнь!

Словно во ржи лежишь: звон, синь...
(Что ж, что во лжи лежишь!) — жар, вал...
Бормот — сквозь жимолость — ста жал...
Радуйся же! — Звал!

И не кори меня, друг, столь
Заворожимы у нас, тел,
Души — что вот уже; лбом в сон,
Ибо — зачем пел?

В белую книгу твоих тишин,
В дикую глину твоих «да» —
Тихо склоняю облом лба:
Ибо ладонь — жизнь.

Берлин, 8-го нов. июля 1922 г. — после Сестры моей жизни. Марина Цветаева.

Обложка книги «Молодец»

Следующую свою книгу — поэму-сказку «Царь-Девушка», вышедшую в Берлине в 1922 году, Цветаева посылает Пастернаку 22 декабря 1922 года из Праги с надписью: «Борису Пастернаку — одному из моих муз».

Дальнейший обмен дарами происходил так.

В начале февраля 1923 г. Цветаева получила от Пастернака, находившегося в тот момент в Берлине, его книгу «Темы и вариации» (М.; Берлин, 1923) с дарственной надписью:

«Несравненному поэту Марине Цветаевой, „днепковкой, горячкой и адской“ (с. 76)⁶ от поклонника ее дара, отваживающегося издать эти выскки и

опилки и теперь кающегося. Б. Пастернак. 29.1.1923. Берлин»⁷.

9 марта 1923 года Цветаева послала Пастернаку свою книгу «Ремесло» (Берлин, 1923) с надписью:

«Моему заочному другу — заоблачному брату — Борису Пастернаку».

В 1925 году Цветаева надписывает Пастернаку свою книгу «Молодец»: «Борису Пастернаку Марина Цветаева. Прага. Май 1925 г.»

Однако по каким-то причинам она не отправляет ее, ибо книга остается в ее архиве, притом с записью на последней странице, сделанной в сентябре 1930 года.

В июле 1925 года Цветаева получила от Пастернака книгу «Рассказы» («Круг», 1925) с дарственной надписью: «Марине, удивительному, чудесному, Богом одаренному другу. Б. П.»

Через год Пастернак прислал ей свою книгу «Поверх барьеров» (М., 1917) — о получении ее она сообщает ему в летнем письме 1926 года. Следы этой книги пока не обнаружены.

В 1928 году Цветаева отправила Пастернаку свою последнюю книгу — «После России» (1928) с краткой надписью:

«Одним словом — Борису — Марина».

Это была не только последняя книга стихов, но вообще последняя книга Марины Цветаевой, ибо с тех пор при жизни у нее не вышло ни одной.

От Пастернака же она получила «Избранные стихи» («Огонек», 1929. Хранится в архиве Цветаевой). Наверху обложки с портретом автора — надпись: «Вместо фотографии». В книгу вклеен листок, на котором написано:

ВМЕСТО СТИХОТВОРЕНИЯ

(акrostих)

Минутный снег, когда булыжник узрен,
Апрельский снег, оплошливый снежок,
Резвись и тай, Москва, как пончик в пудре
И рой огней, как лакомый ожог.

Несись с небес, лишай деревья весу,
Ерошь березы, швабрами шурша.
Ценители не смыслят ни бельмеса,
Враги уйдут, не взявши ни шиша.

Ежеминутно можно глупость ляпнуть.
Тогда прощай охулка и хвала!
А ты, а ты, бессмертная внезапность,
Еще какого выхода ждала?

Ведь вот и в этом диком снеге летом
Опять поэта оторопь и стать.
И не всего ли подлиннее в этом?

Последняя, известная нам книга, полученная Цветаевой от Пастернака, — «Стихотворения» (Л., 1933) с дарственной надписью. По поводу этой книги она написала одну из самых значительных своих статей — «Поэты с историей и поэты без истории» (при жизни автора напечатана в переводе на сербскохорватский; русский текст не сохранился; в обратном переводе на русский — см.: Марина Цветаева. Сочинения в двух томах, том II. М., 1980).

* * *

Никогда не расставалась Цветаева с книгами боготворимого ею австрийского поэта Райнера Марии Рильке. У нее было русское издание «Заметок Мальте Лауридса Бригге» (перевод Л. Горбуновой, книгоиздательство К. Ф. Некрасова. М., 1913; ныне находится в частных руках). Другая — «Das Buch der Bilder» («Книга образов»), Leipzig, Insel Verlag, MCM XXI, которую Цветаева купила в первый же день своего приезда в Прагу. Эта книга хранится в ее архиве со следующей надписью: «Марина Цветаева, Прага, 1-го нов. августа 1922 г. — первый день». «Я полюбила Прагу — с первого дня,

потому что Вы там учились», — три года спустя писала она Рильке. Три рильковских сборника, подаренные ей самим поэтом (а также письма Рильке и Пастернака лета 1926 года), она перед самой эвакуацией, в июле 1941 года, отделила от своего архива и принесла в Гослитиздат А. П. Рябининой, заведующей редакцией литератур народов СССР, где получала переводную работу. Эти книжки сейчас находятся в архиве Б. Л. Пастернака у его сына, Е. Б. Пастернака. Горячая и нежная, восторженная (до экзальтации) эпистолярная дружба Цветаевой с Рильке длилась всего три с половиной месяца. Она возникла благодаря Пастернаку, «подарившему» Цветаевой Рильке в письме к нему, в котором он просил Рильке написать Цветаевой и прислать ей свои книги. Рильке исполнил просьбу и 3 мая 1926 года послал Цветаевой письмо и две свои книги⁸.

Одна — «Дуинезские элегии» (Insel Verlag, 1923) с надписью:

МАРИНЕ ИВАНОВНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Касаемся друг друга. Чем? Крылами.

Издаю свое ведем родство.

Поэт один. И тот, кто нес его

Встречается с несущим временами.

Райнер Мария Рильке

(Валь Мон, Глион, Кантон Во, Швейцария, в мае 1926).

Другая — «Сонеты к Орфею» (Insel Verlag, 1923). Надпись: «Поэтессе Марине Ивановне Цветаевой. Райнер Мария Рильке (3 мая 1926)».

Потрясенная Цветаева сразу же откликнулась письмом и послала Рильке две своих книги:

«Стихи к Блоку» — со следующей надписью:

«О внешности книги не сужу, это вообще меня не касается! — довольствуйся тем, что внутри! Райнеру Мария Рильке — Марина Цветаева. (Ты заметил, что мое имя — сокращенное твое?) Сен-Жиль-сюр Ви (Вандея), 12 мая 1926. — Я начинаю с самых легких книг — со своей юности».

Вторая посланная Цветаевой книга — «Психея» — имела такую надпись:

«Райнеру Мария Рильке — моему из всех любимому на земле и после земли (*над* землей!). Марина Цветаева. Сен-Жиль-сюр Ви (Вандея), 12 мая 1926».

В июне 1926 года Рильке посылает Цветаевой свою книгу стихов — «Verges», изданную в Париже, с надписью по-французски:

Прими песок и ракушки со дна
французских вод моей — что так странна —
души... (хочу, чтоб ты увидела, Марина,

пейзажи всех широт, где тянется она
от пляжей Côte d'Azur — в Россию, на равнины).

(Конец июня 1926).
Мюзю.

Р.

Смерть Рильке почти в канун нового, 1927 года обрывает эту заочную, но горячую дружбу-любовь. И уже как посмертную весть от Рильке в 1928-м или в 1929 году Цветаева получила его книгу о Родене (Rainer Maria Rilke. Auguste Rodin, Paris, 1928). Эту книгу подарил ей молодой друг, поэт Н. П. Гронский со следующей надписью: «Письмо от Рильке*, которое он Вам посылает через меня». Книга хранится в архиве Цветаевой.

Здесь уместно будет сказать о том, что Марина Ивановна имела обыкновение обращаться с просьбой к тем, кого она любила и чтילה, чтобы они подарили ей ее любимую или насущную, «на всю жизнь», книгу. Такая книга как бы приобретала еще и душу дарящего и становилась для Цветаевой бесценной.

К числу таких книг относилась Библия; чуть ли не с детства Цветаева знала всю ее блестяще и постоянно обыгрывала и переосмысливала библейские сюжеты в поэзии, прозе, письмах. Уезжая в 1922 году за границу, как уже говорилось, «налегке», она, естественно, не смогла взять с собой эту книгу. 19 ноября 1922 года она пишет Пастернаку: «...у меня есть к вам просьба: подарите мне на Рождество Библию: немецкую, непременно готическим шрифтом, не большую, но и не карманную: естественную. И надпишите... Буду возить ее с собой всю жизнь!» Здесь Марина Ивановна требует от книги той самой «внешности», которую в большинстве случаев полностью игнорирует... (Романтическое пристрастие к старому немецкому готическому шрифту она, впрочем, выказывает не впервые; небольшой же объем продиктован в первую очередь житейскими причинами, а именно: неоседлой жизнью, которую Марина Ивановна в своем эмигрантском неустройстве не имела надежды изменить...)

К Рильке она тоже обращалась с просьбой: «Подари мне греческую (по-немецки) мифологию — без философии: совсем простую и подробную: мифы. Мне кажется, в детстве у меня была книга Штолля. Скоро выйдет мой Тезей (1-я часть: Тезей и Ариадна, драматическая поэма). Сейчас начинаю Федру (все задумано как трилогия: Ариадна — Федра — Елена), и мне нужна мифология. Гнев Афродиты — лейтмотив... Подари мне мифы Штолля, обязательно с надписью, чтобы я

* Так в тексте автографа.

никогда не расставалась с ними. Если хочешь» (письмо от 22 августа 1926 года; цит. по вышеуказанной рукописи книги переписки Рильке, Цветаевой и Пастернака). Эту книгу — «Мифы классической древности» — она получила уже после смерти Рильке от его секретаря Е. Чернозитовой.

Греческая мифология, но не Штолля, а Г. Шваба была куплена Цветаевой еще раньше, в Праге, и имела надпись: «Книга на всю жизнь». Об этой книге: «Gustav Schwab. Die Schönste Sagen des Klassischen Altertums» («Мифы классической древности») Цветаева писала: «Источник всей моей мифики» (т. е. трагедий «Ариадна» и «Федра», а также стихотворений).

* * *

Здесь уже не раз заходила речь о надписях Цветаевой на книгах, которые она приобретала, а также дарила. Последние особенно красноречиво являют ее характер и выражают ее отношение к тому, кому дарилась книга. Какой ярчайший портрет поэта дали бы эти записи, собранные вместе! Вот несколько:

«Графу Алексею Н. Толстому с благодарностью за книгу. Марина Цветаева. Москва, 28-го января 1911 г.

Я ж гляжу на дно ручья,
Я пою, и я ничья».

(Надпись на книге «Вечерний альбом»; хранится в библиотеке Государственного литературного музея.)

«Такому как я — быстроногому! Париж, октябрь 1928 г.» (на книге «После России» — надпись Маяковскому).

Судьба этой книги несколько загадочна. Несмотря на то, что она, несомненно, была подарена автором Маяковскому лично (Цветаева виделась с ним в его приезд в Париж осенью 1928 года, была на его вечере, приветствовала в печати), книгу Маяковский в Москву не привез. Не привез он ее и в следующем году, когда вновь был в Париже и встречался с Цветаевой, о чем свидетельствует ее дочь (Звезда, 1975, № 6, с. 160). Книга «После России» попала в Москву лишь в 1970 году: Л. Ю. Брик привезла ее из Парижа после смерти Эльзы Триоле, в чьем доме она и хранилась все время. Ныне она находится у В. В. Катаяна.

«Вам, чья дружба мне далась дороже любой вражды и чья вражда мне дороже любой дружбы. Эренбургу от Марины Цветаевой. Берлин, 29 мая 1922 г.» (на книге Цветаевой «Разлука»). «Сонечке Голлидэй. Ничто не случайно. Будет

Валентин Владимирович Чириков,
мой брат и Гамбург, и. с. в. единств.
векно вяркам и вткаам — змиу,
как гадает, радостно кину, а
по мки — совети по книгу!
— ой! Всею срдца
Ирина Кудряшова
Прага, 15го Октября 1925.
Валленковелий (срдца) вонрав.

Дарственная надпись В. Е. Чириковой

Вам большая сцена театра, как уже есть сцена Жизни. М. Ц. Москва, 2-го июня 1919, воскресенье — holiday — отсюда». Это — надпись на книге Цветаевой «Волшебный фонарь». Книгу она первоначально намеревалась подарить другому лицу, затем стерла надпись и «перепосвятила» ее человеку, который своей дружбой и преданностью согрел ее в трудную весну 1919 года — актрисе Софье Евгеньевне Голлидэй (1896 — 1935). Ей же она посвятила в 1937 году последнюю свою написанную прозу — «Повесть о Сонечке».

Надпись на книге «Волшебный фонарь» дочери Ариадне 4 июля 1918 года:

Были мы — помни об этом
В будущем — верно лихом! —
Я — твоим первым поэтом,
Ты — моим лучшим стихом.

Надпись на книге «Молодец» — ей же:

«Моему абсолютному читателю. Чехия, Вшеноры, 7-го мая 1925 г.» и — под нею приписка, спустя десять лет: «1925 г. — 1935 г. МЦ».

«Евгению Львовичу Ланну на память о Москве в ноябре 1920 г. Марина Цветаева. Москва, 22-го русск. ноября 1920 г.

Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути!»

(на книге «Волшебный фонарь»)*.

Вот три надписи к близким друзьям — матери и дочери, к которым Марина Ивановна относилась очень сердечно: к матери — Ольге Елисеевне Колбасиной-Черновой — за доброту и мудрость, к дочери — юной Ариадне Черновой — за взрослую проницательность и литературный дар:

«Ариадне Черновой — соименнице моей дочери — голос из хора. Прага, февраль 1924 г.» (на книге «Стихи к Блоку»).

«Ариадне Черновой — полу-дочери и полу-сестре. Прага, Пасха 1924 г., апрель» (на книге «Ремесло»).

«Ольге Елисеевне и Аде Черновым равно, но разное, разное, но равно любимым. Вшеноры, близь Праги, 7-го мая 1925 г.» (на книге «Молодец»).

Надпись на книге «Ремесло», подаренной автором В. Е. Чириковой, молоденькой дочери писателя, с которой Цветаева короткое время была дружна в Чехии:

«Валентине Евгеньевне Чириковой — моей сестре в *беле-вом*, т. е. в единственно верном и вечном — эту, как говорят, радостную книгу, а по мне — совсем не книгу! — от всего сердца. Марина Цветаева. Прага, 15-го октября 1923 г. Вильсоновский („хороший“) вокзал».

Надпись на той же книге К. Б. Родзевичу, впоследствии герою цветаевских «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца»:

«Моему дорогому Радзевичу* — на долгую и веселую дружбу. Марина Цветаева. Чехия — Прага — Мокропсы. Апрель 1923 г.»

«Эмилию Миндлину — поэту и другу. Марина Цветаева. Москва, 6-го с<тарого>р<усского> августа 1921 г., Успение**».

«Стихи — как всякая noblesse — obligent***. МЦ.» (надпись на книге «Волшебный фонарь»).

Одна и та же немецкая надпись 1928 года на экземплярах книги «После России», подаренных П. Г. Антокольскому и В. Н. Буниной:

«Vergangenheit steht noch bevor ...»****.

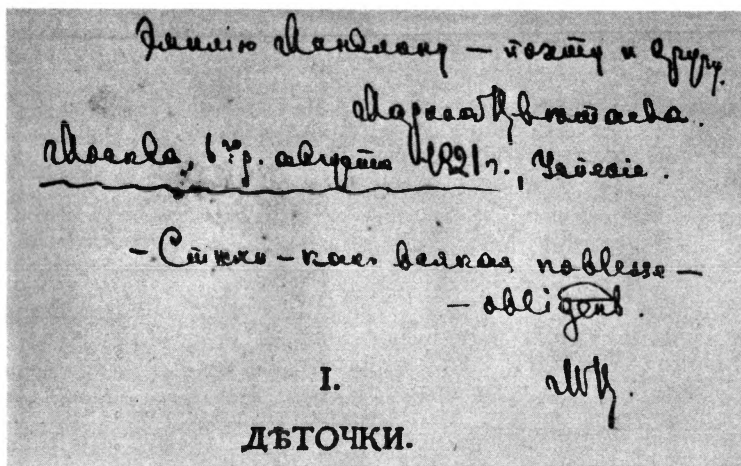
Еще типично цветаевская надпись на книге Стендаля

* Так в тексте автографа.

** Очевидно, Цветаева имела в виду Преображение, которое приходится на 6 августа по старому стилю.

*** Здесь: «Благородство — обязывает».

**** «Впереди — еще прошлое».

Автограф Э. Миндлину

«Красное и черное», подаренной известному советскому архитектору А. К. Бурову 22 ноября 1935 года в Париже (книга, по-видимому, не сохранилась):

«Не люблю, но отдаю, как собаку, в хорошие руки» (Буров А. К. М.: Искусство, 1980, с. 270).

...Потому что книга, повторяем, была для Цветаевой как бы одушевленным предметом, она заключала в себе не только жизнь и личность автора, но и владельца, и просто читателя. (Именно последнее обстоятельство давало Цветаевой чувство неоспоримого права на вторжение в текст, пометы и т. п., о чем шла речь выше.)

* * *

Цветаеву всегда влекло желание узнать живые подробности жизни поэта, личности, ею любимой и чтимой, независимо от того, был ли этот человек ее современником (Пастернак) или его давно нет в живых (Пушкин, Гете), — желание знать о нем возможно больше и всестороннее. В этом было отнюдь не праздное любопытство, а стремление возможно глубже сжиться с любимым поэтом, познать изнутри его всего, целиком. Отсюда понятен и естествен горячий интерес и взволнованность Марины Ивановны, когда она читала книгу П. Е. Щего-

лева «Дуэль и смерть Пушкина» и, по ее словам, «задышалась от негодования» (эта книга — 2-е изд., 1917 год — у нее была), и особенно — четырехтомный труд В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» (неизвестно, было ли это издание — «Недра», 1926—1928 годы — ее собственностью). Вересаевский труд послужил Цветаевой: реалии, взятые оттуда, непосредственно перешли в большой очерк «Наталья Гончарова», в «Стихи к Пушкину».

Интерес Цветаевой к биографическим подробностям был, безусловно, в некотором противоречии со следующим ее утверждением:

«Не знаю, нужны ли вообще бытовые подстрочники к стихам: кто — когда — с кем — где — при каких обстоятельствах и т. д. жил. Стихи быт перемололи и отбросили, и вот из уцелевших осколков, за которыми ползает вроде как на коленках, биограф тщится воссоздать бывшее... Сколько Пушкину пришлось забыть и отбросить, от сколького очистить, а его биограф — опять с дрызгами и грязью. К чему? Приблизить к нам живого Пушкина? Да разве он, биограф, не знает, что поэт — *в стихах живой!*» (из черновика очерка о Мандельштаме «История одного посвящения»).

В этой цветаевской *двоакости*, с которой она подходила к проблеме биографий великих людей, была своя правда; утверждая как одно, так и другое, она одинаково справедлива. Верная этому чувству, она как бы делает примиряющий вывод:

«Но — так или иначе — официальное право у биографа на быль (*протокол*) — есть. И уж наше дело — извлечь из этого протокола соответствующий урок. Нам остаются — выводы» (там же).

Эти выводы она, поэт, и делала, погружаясь в мир своих великих «собратьев».

Мир Гете, перед личностью которого она всю жизнь преклонялась едва ли не больше, чем перед художником, запечатлен был в знаменитой книге секретаря Гете Иоганна Петера Эккермана «Разговоры с Гете». Ее Цветаева приобрела еще в юные годы и читала всю жизнь. Всегда верная желанию дарить любимое — любимым, она хочет, чтобы эта книга была у Пастернака, и не раз, по-видимому, предпринимает шаги для этого. Например, 11 марта 1923 года, в то время когда Пастернак находился в Берлине, а Цветаева не могла туда выехать из Праги, она послала находившемуся в Берлине знакомому деньги с просьбой купить эту книгу «и передать Пастернаку до его отъезда... Думаю, есть много изданий. У меня в Москве было чудесное, Вы сразу узнаете: увесистый том, великолепный шрифт (готический), иллюстрации (Вей-

мар, рисунки Гете и т. д.). Я бы не знаю как просила Вас разыскать именно это».

Труд Эккермана Цветаева ставила в пример тем, кому посчастливилось встретиться в жизни с большими людьми и поэтами. Так, например, после смерти Рильке она писала его секретарю Евгении Черносвитовой:

«Вы пробьли с ним два месяца, а умер он всего две недели назад. Возьмите на себя огромное и героическое дело: восстановите эти два месяца с первой секунды знакомства, с первого впечатления, внешности, голоса и т. д. Когда будете записывать последовательно,—все это встанет на свое место. Ведь это еще почти дневник—с опозданием на два месяца. Начните тотчас же. Нет времени днем—по ночам. Не поддавайтесь священному, божественному чувству ревности, *отрешенность* (от я, мне, мое)—еще божественнее. Вспомните книгу Эккермана, единственную из всех дающую нам живого Гете» (Новый мир, 1969, № 4, с. 199).

С Гете для Цветаевой была связана еще одна личность, ярко явившая себя в книгах. Это—немецкая писательница Беттина фон Арним (урожденная Brentano, 1785—1859), выпустившая книгу своей переписки с Гете под названием «Переписка Гете с ребенком». Книга эта, как и личность самой Беттины, с ее романтикой, бескорыстием и смелостью чувств, восхищала Цветаеву. Беттина (так сокращенно она звала писательницу) ставит «памятник старцу, снизошедшему к ребенку, тому Гете, которого вызвала она, создала она, знала только она.—Психея, играющая у ног не Амура, а Зевеса, Зевес, клонящийся не над Семелой, а над Психеей.—Прославить его по мере собственных (детских—как она думала) сил. Еще и так прославить... Ни мысли о других. Ни мысли о себе. Du. Du. Du. (Ты. Ты. Ты.—нем.). И—о чудо—кому же памятник? Kind'у, а не Гете. Любящей, а не любимому». «Переписку» Цветаева приобрела в ранние годы; она хранится в ЦГАЛИ: «Bettina von Arnim. Goethes Briefwechsel mit einem Kinde, Jena, 1906». На первом листе—надпись Н. А. Нолле-Коган: «Книга подарена мне Мариной Цветаевой с ее пометками». Кроме того, из библиотеки Цветаевой сохранились еще две книги, связанные с Беттиной: том сочинений ее брата, писателя-романтика Клеменса Brentano (1778—1842), один из разделов книги составляет переписка Беттины и Клеменса: Clemens Brentanos, Frühlingskranz in Briefen, ihm geflochten, wie er selbst es schriftlich verlangt; а также переписка Беттины Brentano с Каролиной фон Гюндероде—изд. Jnsel Verlag, Leipzig, 1904. Книга имеет надпись: «Marina Zwetaeff, Goursuff, mai 1911».

Все три книги также с пометами на полях, на русском и немецком. Пометы свидетельствуют об ассоциациях, связанных с читаемым; Цветаевой вспоминаются иные лица, иные встречи... Например, на полях «Переписки Гете с ребенком» читаем: «Эллис, весна 1909 г., бульвар»; на полях книги «Юнггероде»: «Сережа», «С. Э.» (речь идет о муже.— А. С.), «Макс» (Волошин.— А. С.) и т. п. Все три книги одеты так, как в ту пору любила их наряжать Цветаева: переплеты сделаны из роскошной набивной ткани; том Клеменса Брентано имеет кожаный корешок, на котором золотым тиснением выведено имя автора и краткое заглавие, а внизу стоит: «M. Z». Все книги с золотым обрезом, причем края многих цветаевских помет оказались отрезаны отнюдь не по-библиофильски...

Итак, переписка, мемуары, жизнеописание, а также история и мифология — таков диапазон цветаевских пристрастий. Это — пристрастия к монументальной и документальной обрисовке жизней и дел человеческих. Исторические труды, предания, Библия, «Илиада», «Песнь о Нибелунгах» — без этих книг, вобравших в себя культуру веков, она жить не могла...

В этом смысле Цветаева не могла не любить большую историко-эпическую трилогию норвежской писательницы, своей современницы, Сигрид Унсет (1882—1949), которую она читала в немецком переводе. «Лучшее что написано о женской доле. Перед ней — Анна Каренина — эпизод... Когда-нибудь да эту книгу приобрету. После нее долго ничего не хотелось читать», — пишет она своему «чешскому другу» Анне Антоновне Тесковой 17 октября 1930 года. Через два года она вновь вспоминает о трилогии и пишет тому же адресату: «И вот — внезапное озарение: кто же мне подарит эти книги как не вы, которая их — почти что писали и совсем жили?! Не все. Вторую часть: die Frau*... Хочу непременно по-немецки, на французском эта вещь просто не мыслится. Читала я трилогию два года с лишним назад, жила ею. А просила подарить уже два раза — и оба раза безнадежно; первый человек просто не отозвался, второй пообещал — и все». «...О Kristin Laurinstochter** мечтаю третий год, сейчас эта мечта дошла до тоски. Половину бы своих книг (у меня есть очень хорошие!) за нее отдала». А. А. Тескова исполняет просьбу Цветаевой, посылает ей вторую часть трилогии, вышедшую в 1930 году во Франкфурте-на-Майне, с надписью: «Дорогой Марине Ивановне Цветаевой на радость... с любовью. А. А. Tesková. 24.III.32. Прага». Марина Ивановна спешит откликнуться: «Пишу Вам

* Женщина (нем.).

** Кристина, дочь Лавранса (нем.).

наспех, по горячему следу радости и благодарности: только что получила книгу... Die Frau для меня—огромное счастье, сбывшаяся мечта двух, если не трех лет. Смотрю—и не верю (что—*моя*, что не нужно отдавать). Главная же радость—Вы будете, а может быть не будете—смеяться: что почти 600 страниц, что на так долго—радости. Так книгам я радовалась в детстве». Эту книгу Марина Ивановна привезла с собою на родину.

Следы большинства книг, полученных Цветаевой с дарственными надписями и дорогих для нее, утеряны, иногда—безнадежно. Где, например, можно обнаружить «Камень» О. Мандельштама с надписью автора: «Марине Цветаевой—камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург. 10 янв<аря>1916»? От книги остался даже не титульный лист, а шмуцтитул с этой надписью (ЦГАЛИ). Или книга стихов И. Эренбурга «Верность (Испания. Париж)», вышедшая в 1941 году и подаренная автором Цветаевой летом этого же года, перед самым началом войны, «с трогательным посвящением»? О том, что это было, свидетельствует письмо сына Цветаевой Георгия сестре Ариадне от 3 июня 1941 года.

Особое внимание нужно обратить на те книги, которые были привезены Цветаевой в 1939 году в СССР и отсутствуют в ее архиве. Иногда они обнаруживаются и ныне находятся у частных владельцев, как, например, сборник стихов К. Бальмонта «Марево» (Париж, 1922) со следующей дарственной надписью: «Любимой сестре Марине Цветаевой с голосом певучей птицы. К. Бальмонт. 1922, сентябрь, Бретань». Несомненно, что эту книгу Бальмонта Цветаева бережно хранила: дружба ее с поэтом, начавшаяся в трудные московские годы, не остывала всю жизнь...

Привезла Цветаева в 1939 году несколько ящиков книг—русских, французских и немецких. К сожалению, от этой библиотеки мало что осталось в основном архиве поэта: книги Ахматовой, Пастернака, Рильке и еще несколько—наперечет... В 1940 году, не имея возможности хранить их, а также стремясь приобрести книги для сына, который учился в школе, она составляет «Список продаваемых книг» (возможно, не единственный). Там—десять русских, четыре немецких, пятьдесят четыре французских издания. По этому перечню можно судить о широте диапазона и устойчивости пристрастий Марины Ивановны: две книги П. Е. Щеголева о Пушкине, материалы к биографии Пушкина П. В. Анненкова, стихотворения Е. Баратынского, А. Фета, Каролины Павловой, книги А. де Мюссе, А. де Виньи, Беранже, Гюго, Бюффона, «Фауст» Гете, книги о Наполеоне и Жанне д'Арк. Среди них много

книг, изданных сто — и более — лет назад.

Перед самой эвакуацией Цветаева отдала свои книги на сохранение поэту Б. Садовскому. Следы их утеряны; все они, без сомнения, были проданы.

* * *

И наконец, нужно специально сказать об особом отношении Цветаевой к книгам для детей. Наряду со старой детской «классикой» — «Степкой-Растрепкой» или сказками Перро с иллюстрациями Доре, сохранившимися еще от ее матери, — она покупала своей маленькой Але первые советские детские книжки с картинками (сейчас уже, к сожалению, трудно восстановить, какие именно). Эти книжки весной 1922 года поехали с Цветаевой за границу: «...среди них замечательный букварь с картинками, на букву „И“ был стишок: „Ильич железною метлой смывает нечисть с мостовой“, — и нарисован Ленин в дворничком фартуке с огромным помелом в руках, а из-под помела летят в канаву раскоряченные фигурки-инфузории: цари, генералы, капиталисты» (Эфрон А. Страницы былого. — Звезда, 1975, № 6, с. 149). Интересно, что Цветаева, воспитывавшая свою дочь в духе не по летам строгих требований и высоких идей, сызмала прививавшая ей понятия и навыки, могущие показаться непосильными для маленького ребенка, выучившая ее читать к четырем, а писать — к пяти годам, вместе с тем покупала ей сугубо детские, незатейливые книжки. Но в этом не было ничего удивительного, ибо отношение Цветаевой к детскому чтению, к детскому сознанию было вполне последовательно. Простота и красочная наглядность — вот что в первую очередь требовала Цветаева от детской книги. Если же речь шла о более серьезном чтении, то трудность, считала Цветаева, никоим образом не должна была оборачиваться усложненностью; в основе любых понятий пусть лежат какие угодно глубокие, но *простые* вещи. Интересна в этом смысле запись Цветаевой в тетради, сделанная в декабре 1922 года, о том, что детям следует давать такие книги, «где конфликт *не* внутренний, так, образно: Геракла (авгиевы конюшни), а не Тезея (лабиринт, то есть клубок, то есть любовь, то есть Наксос) — никаких лабиринтов, никаких тайников души».

Около пяти лет спустя Цветаева дарит Але, которой идет пятнадцатый год, французскую книгу: «Encyclopedie par l'image. Jeanne d'Arc. Librairie Hachette, 1925» (Энциклопедия в картинках. Жанна д'Арк. Издание библиотеки Ашетт,

1925») — с надписью: «Дорогой Але на Пасху 1927 г. МЦ». Это издание, предназначенное как для детей, так и для взрослых, щедро иллюстрировано фотографиями, гравюрами, снимками с картин и скульптур, посвященных национальной героине Франции. Ариадна Сергеевна хранила эту книгу всю жизнь.

Через несколько лет у Цветаевой начинает подрастать сын Георгий; в 1929-м или 1930 году она получает в подарок для него толстую книжку в цветной картонной обложке со смешными живыми рисунками: Charles Vildrac, «Lile rose». Paris, 1924 (Шарль Вильдрак. «Розовый остров»). Ее присылает автор, известный французский поэт, драматург и прозаик; в это время он редактирует перевод Цветаевой на французский ее поэмы «Молодец». Книга имеет следующую дарственную надпись (приводим ее в переводе дочери Цветаевой, А. С. Эфрон): «Госпоже Марине Цветаевой, с надеждой на то, что эта история покажется ей достойной быть рассказанной ее маленькому Молодцу». Книга находится ныне в архиве Цветаевой.

Сестра Марины Ивановны, Анастасия Ивановна, присылает для маленького Георгия советские детские книжки. Марина Ивановна восторженно относится к ним: ее восхищает в них все — от содержания до оформления; в 1931 году она, к неудовольствию эмигрантского литературного окружения, пишет панегирик «О новой русской детской книге» — «лучшей в мире», по ее мнению. Она сравнивает советские книжки для детей, веселые, остроумные, познавательные, с выразительными красочными рисунками — с уныло-слащавыми изданиями русского зарубежья. Ее приводит в восторг в первую очередь Маршак («Приключения стола и стула», «Детки в клетке»), Е. Шварц («Кто быстрее»). «Темы детских книг, в основе, три, — пишет Цветаева. — Природа (звери, птицы, зéмли — преимущественно России), народность (сказки, предания и обычаи всех народов — преимущественно племен России) и современность, если хотите — техника» (Детская литература, 1966, № 6, с. 24). Цветаева предстает в этой статье истинным знатоком и ценителем не просто отдельных произведений для детей, а именно *книги в целом*; она пишет об отличной бумаге, крупной печати: «...об иллюстрациях нужно было бы отдельную главу... Высокая культура руки и глаза» (там же).

* * *

Однако эта «культура руки и глаза» (а теперь сказали бы: «полиграфическое исполнение») мало трогали Цветаеву, если дело доходило до ее собственных стихотворных сборников.

Когда шла речь об издании в Париже ее книги «После России» — издания, кстати сказать, для автора абсолютно недоходного, причем сто экземпляров книги распространялось по подписке, чтобы покрыть расходы типографии, и печаталось «на роскошной бумаге», Цветаева была даже недовольна этим и писала, что «роскошная бумага» и нумерация печатаемых на ней экземпляров — *не по ней* и что ее нумерация — «сердечная».

Правда, свою раннюю книгу «Волшебный фонарь» она, по молодости лет, выпустила в несколько претенциозном бархатном переплете и картонном футляре (а до того очень хотела, чтобы книгу оформила молодая художница А. А. Тургенева, но это не осуществилось). Потом она уже мало обращала внимания на внешнюю сторону дела. Справедливости ради следует однако сказать, что в последующие годы у Цветаевой и не было возможности мечтать о такой роскоши, как выпуск книги в желаемом «обличии».

Для Марины Цветаевой важно было другое: книги свои она рассматривала как *этапы* — жизни и творчества. Олицетворением этих этапов были ее творческие тетради разных лет. Об этапах речь особая; здесь же нужно сказать, что не все цветаевские тетради стали книгами — и не по вине поэта.

Если говорить о стихотворных сборниках, то из одиннадцати вышедших при жизни автора только четыре, так сказать, полноценны. Это — первые два сборника: «Вечерний альбом» (1910), «Волшебный фонарь», (1912), книги «Ремесло» (1923) и «После России» (1928). Полноценные в том смысле, что выпущены без посторонних вмешательств и, главное, полностью соответствуют определенному *этапу* творчества поэта.

Сборник «Из двух книг» (1913) — избранные стихотворения из первых двух сборников — для Цветаевой типичным считать нельзя, поскольку он — не этап, а *избранное*, впрочем, по ее признанию, — «книжка любимых стихов».

Сборник «Версты» (М., 1922), который составили стихотворения 1916 года, в принципе являет собою этап творчества (ибо стихи 1916 года — целый и очень важный период творчества Цветаевой), однако, составляя его, Цветаева была ограничена объемом, и туда не попало много важных стихотворений.

Следующий этап, обозначаемый 1917—1920 годами (стихи этих лет составили бы большую книгу), явлен лишь в тридцати пяти стихотворениях, составивших крохотную книжечку, тоже под названием «Версты», вышедшую дважды, в 1921-м и 1922 годах в Москве («Костры»). Две другие цветаевские книжки, появившиеся в это же время, «Стихи к Блоку» и «Разлука» (М., Берлин, 1921) ни о каком этапе

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ ▼▼▼▼

Иллюстрации Д. Митрохина к книге «Царь-девица»

творчества не свидетельствуют и выпущены были, чтобы окупить дорогу за границу в 1922 году. И та и другая — нечто вроде увеличенных выпусков, «изготавливаемых» Цветаевой для продажи в Лавке писателей (о чем шла речь выше).

Сборник «Психея» (стихотворения 1916—1921 годов) тоже для поэта не типичен и не насыщен: «Психея —...сборник, т<о>е<сть> составлена мной по примете чистого и даже женского лиризма (романтизма) — из разных книг. Она — не этап, а итог... Просто — Гржебин (издатель. — А. С.) в Москве 1921 г. заказал небольшую книжку. Я и составила Психею, выбрала ее из огромного неизданного материала 1916—1921 гг. Выделила данную, эту, такую себя», — писала Цветаева (Русский литературный архив, Нью-Йорк, 1956, с. 220).

Важными своими творческими вехами (так и было в действительности) Цветаева считала две свои русские большие эпические поэмы-сказки: «Царь-Девница» и «Молодец». «Царь-Девница» была дважды издана в Москве и в Берлине в 1922 году; «Молодец» также вышел отдельной книжкой (Прага, 1924).

И наконец, самой «плачевной» книжкой, вышедшей при жизни автора, нужно считать «Конец Казановы» — третье действие пьесы «Феникс» (М., 1921). Сама Марина Ивановна

по какому-то недоразумению отдала его в издательство (чему есть подтверждение), а впоследствии называла «гнуснейшей книжонкой», «изданной обманом», без авторской корректуры, а также без гонорара.

Уже из всего сказанного видно, что далеко не всегда Цветаева могла издавать свои книги так, как ей хотелось. Мало того: некоторые издания, о которых она мечтала, не осуществились вообще. По вине поэта не состоялась лишь одна книжка: стихи о Марии Башкирцевой; о замысле издать ее осенью 1914 года Цветаева сообщала в том же году в частном письме; видимо, ее перебили другие темы. Издания остальных книг не состоялись по причинам, от автора не зависящим.

Если же все сложилось бы согласно воле поэта, то в свет вышли бы, по крайней мере, следующие цветаевские книги:

1. Стихотворения 1913—1915 годов. Попытку издать сборник «Юношеские стихотворения» Цветаева предприняла в 1919 году. «Готовила книгу—с 1913 по 1915 г.,—писала она в то время друзьям,—старые стихи воскресали и воскрешали, я исправляла и наряжала их, безумно увлекаясь собой 20 лет и всеми, кого я тогда любила...» Стихи не были приняты к изданию из-за отрицательного отзыва В. Брюсова. В печати при жизни Цветаевой ранние стихи появлялись очень мало; в конце 20-х годов она решила напечатать их в эмигрантской периодике, но попытка окончилась неудачей, так как стихи у нее в то время почти не брали.

2. Стихотворения 1917—1920 годов. Это была бы большая книга, куда вошли бы стихи весьма сложного периода цветаевского творчества, свидетельствующего о становлении настоящего, зрелого поэта, о многообразии форм—от народно-песенных до любовной драматической лирики.

3. «Земные приметы». Под таким названием Цветаева хотела издать книгу дневниковых записей 1917—1918 годов и не раз предлагала ее издателям (уже находясь за границей, в 20-е годы). Книга так и не была издана.

4. «Романтика»—цикл пьес, написанных в 1918—1919 годы, во время дружбы Цветаевой со студийцами, учениками Е. Б. Вахтангова. Об этом она не раз упоминает в письмах. Из шести пьес: «Червонный Валет», «Метель», «Фортуна», «Приключение», «Феникс» и «Каменный ангел» четыре («Метель», «Фортуна», «Приключение» и «Феникс») увидели свет в эмигрантской периодике.

5. Две стихотворные трагедии из неосуществившейся трилогии «Гнев Афродиты»: «Ариадна» (1924) и «Федра» (1927). Они были опубликованы, но об отдельном их издании нечего было и мечтать; несомненно, Цветаева выпустила бы их книгой,

ибо они — важный этап творчества.

6. Поэма «Крысолов» (1925) была напечатана в журнале. О том, что Цветаевой хотелось издать ее отдельно, говорят, в частности, иллюстрации к поэме, сделанные ее дочерью Ариадной, учившейся во Франции графике и оформлению книги.

7. Поэма «Перекоп» (1928—1929). О том, что ей предложили издать поэму отдельной книгой, Цветаева сообщает в письме 1931 года к корреспонденту и хлопочет о срочной ее перепечатке. Поэма не увидела света.

Мы упомянули лишь семь «мечтаных» неосуществившихся книг, поскольку сохранились документальные свидетельства того, что Цветаева хотела их издать. За пределами перечисленного остались еще опубликованные и неопубликованные стихотворения и поэмы 1926—1939 годов...

О прозе не приходится и говорить. Несомненно, Цветаева, будь на то ее воля, издала бы отдельной книгой (или книгами) не только дневниковую прозу, но мемуарную и критическую. Но о чем могла идти речь, когда, печатая ту или иную вещь в журнале, поэту приходилось всякий раз вступать в тяжбу с редактором и отстаивать (часто терпя полное поражение) отдельные отрывки? Да уж не раз приводились слова Цветаевой: «Читателя в эмиграции нет».

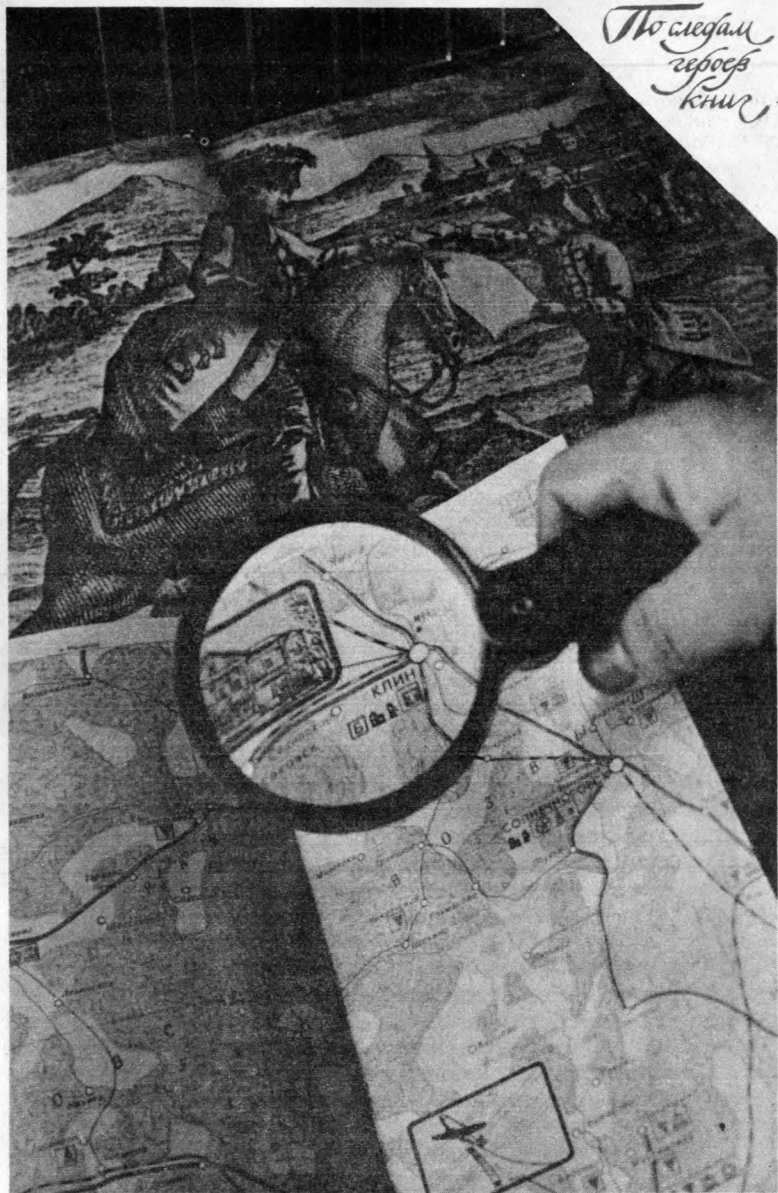
Остается сказать о последнем прижизненном цветаевском неосуществленном сборнике стихотворений, который она готовила в конце 1940 года. Гослитиздат предложил Марине Ивановне издать небольшую книжку. Этот сборник, куда вошло сто сорок два стихотворения 1920—1925 годов, Цветаева подготовила, но к изданию он принят не был, ибо получил отрицательную рецензию К. Л. Зелинского (хранится в ЦГА-ЛИ). О дальнейших хлопотах насчет книги уже не могло быть и речи: наступил 1941 год, лето... Война. Нынешние посмертные книги Цветаевой своим объемом намного превышают прижизненные. Они выходят во многих странах, на многих языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Книга находится в собрании Л. Турчинского (Москва), так же как и упомянутые далее: Марина Цветаева. «Разлука» (с надписью Б. Пастернаку); Марина Цветаева. «Ремесло» (с надписью Б. Пастернаку); В. Брюсов. «Пути и переутья» (с автографами и пометами М. Цветаевой).
- ² Книга хранится у М. Сененко (Москва).
- ³ Книга находится в собрании Л. Мнухина (Москва), равно как и упоминаемые ниже: Гераклит Эфесский. Фрагменты (с автографом и пометами Цветаевой); «Ремесло» (с авторской надписью В. Е. Чириковой); «Мблodeц» (с надписью О. Е. и А. В. Черновым); «Стихи к Блоку» (с надписью

- А. В. Черновой); «Волшебный фонарь» (с надписью Э. Л. Миндлину); Сигрид Унсет. «Женщина»; «Энциклопедия в картинках. Жанна д'Арк» (издание библиотеки Ашетт, 1925).
- ⁴ См. также: Марина Цветаева. Волшебство в стихах Брюсова. Вступление А. Саакянц.— День поэзии. М., 1979, с. 32—34.
- ⁵ В первом письме к Пастернаку (от 29 июня 1922 года) Цветаева писала, что посылает ему свои книги «Стихи к Блоку» и «Разлука». Неизвестно, сделала ли она это; вряд ли, впрочем, она посылала «Разлуку» дважды.
- ⁶ Строка из пастернаковского стихотворения «Нас мало. Нас, может быть, трое...»
- ⁷ Книга находится в собрании Е. Левитина (Москва).
- ⁸ Все дарственные надписи Цветаевой и Рильке цитируются по рукописи книги: «Райнер Мария Рильке, Марина Цветаева, Борис Пастернак. Письма лета 1926 года».
- ⁹ Книга хранится в собрании В. Волосова (Москва).

То следам
героев
книж.

РАССКАЗ О ПЕТРЕ ЗАЛОМОВЕ

Тоненькая книжечка П. А. Заломова оказалась в моем архиве совсем недавно. Ее пожелтевшие страницы всколыхнули в памяти многое из того, что она хранит об этом выдающемся человеке — простом сормовском рабочем.

За прошедшие десятилетия газетная бумага обветшала. На мягкой обложке черным — П. А. Заломов, красным — «Знаменосец». На титульном листе в скобках — «Воспоминания». Книгоиздательство «Курская правда», 1935. Это дата выпуска. На последней странице — авторская дата: «24.X.1934 года».

Что же предшествовало работе Петра Андреевича над книгой? Рассказ об этом необходимо начать с еще более стародавних времен.

Итак: год 1905-й. Июль. Куоккала под Петербургом. Через сосновый лес, под проливным дождем шагает мужчина. Широкие плечи его слегка опущены. Привычная сутулость высокого человека.

Как хорошо в лесу! И хотя этот чистенький лес не сравнишь с сибирской тайгой, по которой он бродил всего четыре месяца назад, тут тоже легко дышится. Он не доехал до станции, а сошел раньше на каком-то полустанке, чтобы не «наследить». Наконец, лесная просека поредела, мелькнули крыши домов. Вот и дача Горького. Именно такой ее рисовало воображение: большой деревянный дом с большой застекленной террасой.

Приезд Заломова обрадовал писателя. Его давно интересовал молодой сормовский рабочий-большевик. Бывал Горький и на заводе Курбатова, в грязных и ядовитых цехах которого загублена не одна тысяча жизней таких рабочих людей, как отец Петра, и куда пятнадцатилетним подростком пришел Заломов. Если сначала, слушая нижегородских друзей, писатель просто заинтересовался талантливым рабочим-

самородком, молодым партийным организатором и пропагандистом, заинтересовался им как личностью, то после сормовской демонстрации 1902 года и судебного процесса над рабочими-революционерами он увидел в Заломове героя своей новой книги.

Тщательно собирал писатель материалы, связанные с жизнью молодого рабочего. Хорошо знал Анну Кирилловну Заломову—мать Петра, познакомился с невестой—Жозефиной Эдуардовной Гашер, знал его товарищей по Сормову. В особой папке хранились несколько номеров ленинской «Искры», в которых рассказывалось о первомайской рабочей политической демонстрации в Сормове и процессе над ее участниками в Нижнем Новгороде. В номере 21-й газеты за 1 июня Горький толстым красным карандашом отчеркнул на полях такие строчки: «Народ сплошной толпой стоял по обе стороны улицы. Вид демонстрации так действовал на нее, что некоторые, слыша стройное пение, не могли удержаться от слез. Были вызваны солдаты. Демонстранты вплотную подошли к ним и затем, повернувшись назад, продолжали свое шествие. Солдаты бросились за ними и начали разгонять толпу прикладами. Безоружные рабочие должны были уступить. Только один товарищ остался до конца, не выпуская из рук знамени. „Я не трус и не побегу!“—крикнул он, высоко поднимая знамя, и все могли прочесть на нем грозные слова: „Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!“». В тот же день Алексей Максимович узнал, что знаменосцем был Петр Заломов.

Ленинская статья в декабрьском номере «Искры»—«Новые события и старые вопросы»—еще острее подняла значение темы, задуманной писателем. Показала, что судебный процесс над рабочими, выступившими с политическими лозунгами против самодержавия,—большое событие в революционной борьбе рабочего класса России.

Первые страницы книги писались Горьким прямо по следам горячих событий. В начале 1904 года в кругу близких он читал первые ее наброски.

Однако в январе 1905 года, когда писателя арестовали и заточили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, жандармы увезли весь его литературный архив, который пропал в недрах охранки.

И вот радость какая! Прямо из сибирской ссылки явился сам герой—живой и невредимый!

Мог ли предполагать Заломов, что великий писатель, сидя с ним рядом долгими летними вечерами, уже представляет себе характеры главных героев—матери и сына, что Горький

вместе с ним мысленно воскрешает события 1902 года в Сормове и Нижнем Новгороде...

Они были несказанно рады такому близкому общению, потому что не знали, когда и где им придется еще свидеться, да и вообще, кто знает — предоставит ли им судьба снова такую возможность?

Как-то Алексей Максимович спросил у Петра:

— Где сейчас твоя жена?

— В Сибири, погрустнел Заломов. — Передавали мне, будто из Маклаковки, где со мной в ссылке была, перебралась с дочкой в Енисейск. А больше пока ничего не знаю.

— Узнаешь, не волнуйся. Она у тебя хоть и маленького роста женщина, зато с большим характером. Я помню, приезжала ко мне твоя жена в Арзамас по сормовским партийным делам, вскоре после вашего ареста. Рассказывала о себе, о тебе. Поразила меня ее судьба...

— Вам ли удивляться, Алексей Максимович?

— Представь себе, еще как удивился! И в который раз подумал: до чего же интересна и богата жизнь. В наших-то российских условиях девушка взяла да и бросила все, оставила обеспеченную жизнь и... ушла. Семья-то какая: отец — француз, мать — немка, а дочь — русская от пяток до макушки. С русским упрямым, несокрушимым характером. Только имя и осталось от прежней жизни — Жозефина... Эх, как хочется мне написать о такой женщине! Русской женщине. Чтобы этот образ человеческий вместил в себя характеры многих. И таких, как твоя жена, и мать, Анна Кирилловна, и как моя Мария Федоровна. Это должен быть характер неслгибаемый...

Быстро промелькнули две летние недели в Куоккала. Наступил день расставания. Заломова ждали товарищи по революционной борьбе — не для тихой жизни бежал он из сибирской ссылки.

Московские события 1905 года снова соединили судьбы рабочего революционера с пролетарским писателем.

Все дни декабрьского вооруженного восстания квартира Горького на Воздвиженке служила местом встреч большевистских организаторов. Сюда поступали сведения о ходе баррикадных боев. Тут обсуждались последние события. В большой столовой постоянно кипел самовар, здесь можно было поесть, передохнуть.

Сюда-то был направлен Заломов от боевой организации Пресни, в одной из дружин которой он сражался. Начальник штаба, большевик Зиновий Литвин-Седой был немногословен:

— Пойдешь к Горькому. Получишь у него на квартире посылку, которую прислал для нас Никитич (Л. Б. Красин. —

Л. С.). Дело спешное. Там запалы для бомб. Ты лично знаком с Алексеем Максимовичем, управишься без специального сопровождающего.

Как и предполагал Заломов, попасть в квартиру Горького было нелегко. В подъезде дома его задержали двое молодых людей в студенческих фуражках. Заверения о том, что он лично знаком с писателем, не возымели никакого действия. Ему вежливо объяснили, что очень многие знают Горького, но не такое сейчас время, чтобы его беспокоить. На просьбы позвать Марию Федоровну также вежливо ответили, что она занята.

Помогла случайность. Из города возвращалась Олимпиада Дмитриевна Черткова — домоправительница Горького. Она заступилась за Петра, сказав студентам: «Свой это человек. Без срочного дела не пришел бы!» И Заломова, наконец, пропустили.

Мария Федоровна встретила Заломова в прихожей и сразу провела в маленькую «птицину комнату», позади рабочего кабинета (Горький, страстный любитель птиц, держал здесь всевозможных щеглов, чижей). Почти следом вошел Алексей Максимович. Он крепко пожал руку Заломову. Мария Федоровна вышла и вернулась с каким-то юношей, который молча поставил на стул завернутый в холстину ящик и удалился. Мария Федоровна обратилась к Горькому: «Алеша, там пришли товарищи из МК». Горький обнял Заломова и быстро вышел.

— Может быть, отдохнете немного. Хотите крепкого чаю?

— Некогда, Мария Федоровна. У нас на Пресне жарко...

Короткое было это свидание.

Через год Горький, посланный Лениным в Америку, писал оттуда в Россию: «В повести, которую я теперь пишу, — „Мать“, — героиня ее — вдова и мать рабочего-революционера — я имел в виду мать Заломова...» 25 мая 1907 года «Нью-Йоркская газета» среди других важных новостей сообщила о выходе в их городе повести «Мать» Максима Горького. «Эта книга полностью заслуживает свое священное заглавие, — писала газета. — Но никто из тех, кто знаком с творчеством Пешкова, не подумает, что его единственная цель — показать душевную глубину материнства. Это повесть не только о матери. Это история того движения в России, которое имеет целью освобождение рабочего класса». Сам Заломов прочитал книгу только в 1917 году, когда роман, заново отредактированный Горьким, был напечатан полностью.

...1905—1934 годы — даты памятных встреч Максима Горького и Петра Заломова. Почти тридцать лет пролегло

между ними, и каких лет! Ссылки, революция, гражданская война...

В 1924 году бывший политкаторжанин Петр Заломов приехал в Москву на лечение. Около пяти месяцев пробыл он в столице. Медицина восстановила то, что подтачивали тюрьма и ссылка. Он очень окреп. Первый же визит после больницы и санатория он нанес Ладыжниковым, жившим в Вишняковском переулке. Здесь он чувствовал себя как дома среди своих близких. Иван Павлович совсем завладел Заломовым и готов был слушать его рассказы о Сибири, Судже с утра до вечера. Он требовал все новых и новых подробностей о селе Маклаковке на берегу Енисея, об укладе жизни крестьянских семей, о том, как жили и чем занимались там политические ссыльные, о пресненских баррикадах, становлении Советской власти в Судже...

Однажды Ладыжников сказал Заломову:

— Вы очень образно рассказываете, Петр Андреевич, вам надо писать воспоминания. Наши дети, внуки должны знать, какой была настоящая ленинская гвардия, та, что совершила революцию.

В эти дни Заломов писал жене в Суджу: «Дорогая Юзочка! Иван Павлович „внушает“ мне, что я должен писать. Он думает, что мой пример, как старого рабочего, может заразить молодых. Иван Павлович убеждал меня, что в моем характере много упорства и настойчивости и что в конце концов я добьюсь своего».

Прошло немало времени, прежде чем Петр Андреевич смог засесть за воспоминания. Вернувшись из Москвы, он с удвоенной силой включился в общественную работу. Много выступал, встречался с молодежью и, когда началась пора коллективизации, с утра до вечера бывал в пригородных крестьянских хозяйствах. Многие годы был членом правления одного из первых, созданных на курской земле коллективных хозяйств близ Суджи — «Красный Октябрь».

И все же мысль о воспоминаниях не оставляла его. Он начал потихоньку работать. Первые главы написанного ушли в Москву. Ладыжников в одном из писем обмолвился, что воспоминаниями заинтересовался Алексей Максимович. «Он торопит, требует продолжения. Написанные главы уже читал, одобряет...» И вот, наконец, Иван Павлович по поручению Горького приглашает Заломова в Москву.

19 июля 1934 года они снова свиделись.

...Через огромное окно столовой льются потоки солнечного света. Усаживая своего земляка за большой стол, Алексей Максимович говорит:

— Тянешь ты с воспоминаниями. То, что я читал, интересно. Книга получится полезная и поучительная. Пройдет десять—двадцать лет, и новому поколению захочется узнать, как жили, боролись и побеждали их деды.

— Моя жизнь мне не кажется такой уж необычной...

Горький нетерпеливо перебил:

— Не боюсь повториться, скажу: каждый человек, по моему мнению, может написать одну интересную книгу, потому что это будет книга о его жизни. А твоя жизнь, жизнь твоей матери и жены необычны и значительны.

Петр Андреевич, не отрываясь, смотрит на Горького, который улыбается, а глаза серьезные, и где-то в самой глубине их затаилось что-то неуловимое, очень знакомое... Горьковское...

— Век у нас торопливый, но, двигаясь вперед, надо иногда оглядываться на пройденное. Посмотришь — и горизонт ближе становится. Мы вот тут хорошее дело начали — издание книг об истории фабрик и заводов. Очень интересно. Даже трудно вообразить, какие могучие люди были в истории российской!

Никто не мешал им беседовать. Расстались дружески. Горький просил передать добрые пожелания Анне Кирилловне и Жозефине Эдуардовне. И как напутствие прозвучали его слова:

— Доброе дело делаешь ты, Петр Андреевич, отвечая на письма молодежи. Получается переключка поколений — это очень хорошо...

По возвращении в Суджу Заломов написал Анне Кирилловне:

«Дорогая мама! Как я и обещал Горькому, свои воспоминания я заканчиваю. Пишу только то, что было, то есть правду. Когда прочитают люди о том, как ты из темной и робкой женщины выросла в революционерку, они еще больше полюбят тебя. Ты, мама, на примере собственной жизни убедила, как мало то, что человек делает лично для себя, и то, что делаем мы для людей, не щадя жизни своей, может быть поставлено нам в заслугу. И чем больше будет нас, настоящих коммунистов, тем на земле будет все просторнее, светлее и радостнее. Будь здорова и спокойна, моя родная. Твой сын П. Заломов».

После встречи с Алексеем Максимовичем Заломову писалось легко и радостно.

Мне не довелось побывать у Петра Андреевича в Судже. Но живые и непосредственные рассказы Жозефины Эдуардовны помогли представить этот жаркий августовский месяц

1934 года. Заломов пишет... пишет. Окна в доме распахнуты в сад. Прекрасный фруктовый сад, посаженный руками Петра Андреевича. Теперь он известный в Судже садовод-опытник.

Рядом с их домом оказался маленький приусадебный участок. Рабочий-металлист, трудовая жизнь которого началась в ядовитых и грязных цехах завода Курбатова, он сначала по необходимости, а потом по увлечению занялся новым делом — стал... земледельцем. Заломов первым на курской земле вывел мичуринские сорта яблоч, груш, слив, винограда. Великий селекционер охотно отвечал на письма суджанского садовода, делился с ним не только опытом, но и семенами. В домик Заломовых зачастили крестьяне, приезжавшие на ярмарки. И никогда не уходили с пустыми руками. Уносили бережно укутанные в рогожу необычные сорта саженцев плодовых деревьев.

В доме тишина. Жена ушла в школу, она историк, занята подготовкой к новому учебному году... Петр Андреевич наедине со своими мыслями... Ровные строчки ложатся на бумагу.

«Специальное собрание нижегородского комитета РСДРП о сормовской первомайской демонстрации было созвано в апреле 1902 года в Канавине, в Бабушкинской больнице, в квартире фельдшерицы Александры Мартемьяновны Кекишевой...»

Ни президиума, ни председателя собрания не выбрали, оно велось в форме общего разговора, и каждый брал себе слово сам.

Против самой первомайской демонстрации никто не возражал. Началось с вопроса о том, кто понесет знамя. Кто-то сказал, что знамя понесет интеллигенция, а Александр Иванович Пискунов стал настаивать, чтобы несли рабочие. Я поддержал Александра Ивановича, и его предложение прошло. Затем перешли к лозунгам на знаменах. Предлагали: „Да здравствует Первое Мая!“, „Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!“ и „Да здравствует 8-часовой рабочий день!“ Я ждал, но других предложений больше не поступало, и тогда я, вместо — „Да здравствует Первое Мая!“ — предложил лозунг: „Долой самодержавие!“

С большой горячностью выступил против моего предложения Александр Иванович Пискунов. Он всячески доказывал, что такого лозунга на знамени писать невозможно, так как лозунг слишком опасен. Мы спорили, Александр Иванович делал упор на опасности лозунга, но я не сдавался. Тогда он предложил вместо — „Долой самодержавие!“ — лозунг „Да здравствует политическая свобода!“ Я упорно стоял на своем, не соглашался на такую замену и указывал, что второй лозунг

совсем не содержит призыва к ниспровержению самодержавия, а потому непригоден. Александр Иванович убеждал меня и доказывал, что оба лозунга равноценны и равнозначны. На это я возразил, что если равнозначные и равноценные, то и нет никакой необходимости заменять один другим. Александр Иванович с сердцем начал разъяснять мне, что второй лозунг вполне заменяет первый, но он менее опасен, а потому его и надо написать на знамени. Я пошел на компромисс, чтобы на знамени было: „Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!“ Александр Иванович стал возражать и против этого и сердился все больше и больше. Тогда я предложил голосование, меня поддержали и проголосовали за объединенный лозунг.

Александр Иванович один голосовал против. Когда вопрос был решен, он сильно рассердился, вскочил и, махая руками, заявил: „Такое знамя делать все равно бесполезно, так как не найдется ни одного человека, который согласился бы его нести!“

Я ожидал, что после такого заявления честь несения спорного знамени будут оспаривать друг у друга, но все молчали. И рад был этому, так как никому не хотел уступать. Для меня было ясно, что Александр Иванович Пискунов знает о грозящей петле, и конкурентов на знамя у меня здесь нет, и так как я решил нести знамя сам, то и заявил, что такие люди у нас имеются...

Первого мая, мы, партийцы, на работу не пошли... Мы шли по направлению к Дарьинской проходной. Пели „Варшавянку“, перед самым столкновением с солдатами запели „Вы жертвою пали...“ Вот офицер громко скомандовал:

— Ружье на руку! Бегом марш!..

Меня охватило нетерпение, мне казалось, что солдаты движутся слишком медленно, я прибавил шаг. И вот уже бледные, испуганные лица... Мне казалось, что солдаты не смогут остановиться и будут бежать с моим трупом на штыках. Но ни один штык меня не коснулся. Рота стала без команды. Щетина штыков поднялась вверх, и я сам наткнулся на передних солдат. Знамя вырвал офицер. Мои руки были схвачены от кистей до самых плеч, растянуты в стороны. В грудь, в спину, в плечи посыпались удары прикладов, чьи-то руки шарили по карманам. В экстазе я не чувствовал боли, но крикнул солдатам:

— За что вы меня бьете? Разве я разбойник или вор?

И разом прекратились удары, опустились приклады. Потом я сказал солдатам:

— Что вы меня держите? Я и так никуда не убегу.

Руки разжались. Но своих рук я уже не мог поднять; они

беспомощно упали и повисли, как плети. Меня взяли в кольцо и повели».

...Петр Андреевич устало откинулся на спинку стула. Мысли обгоняли руку. Хотелось писать, писать, писать... Оказалось, что он, Заломов, все хорошо помнит. И товарищей, которые шли рядом с ним в тот день, и дождь, который зарядил с утра и чуть было не сорвал демонстрацию. Правда, вскоре распогодилось... Петр Андреевич обернулся к жене. Она уже вернулась из школы и сидела за обеденным столом со своими учебниками.

— Ты только подумай, какая странная штука наша память! Сейчас пишу о Сормове и чем больше пишу, тем больше и лучше все припоминается.

— Со мной происходит то же самое. Я, например, прекрасно помню, это отпечаталось в памяти как на фотографии, все, что происходило с нами в 1917 году.

...В конце февраля 1917 года сонная Суджа заволновалась. Слух о том, что царь отрекся от престола, распространился молниеносно. Как-то утром знакомый крестьянин, ехавший на базар, забежал к Заломовым и сообщил новость: «Говорят, что царя-батюшку свергли! Сын приезжал из Курска, рассказывал. Что теперь будет с нами, Петр Андреевич, скажи?» — «Хорошо будет, замечательно будет!»

Сразу исчез околоточный, денно и ночью наблюдавший за жизнью Заломовых. Они сразу почувствовали себя свободнее. На Гончарную к Петру Андреевичу зачастили учителя из гимназии. Власть в городе перешла к временному исполнительному комитету, куда от суджанских ремесленников вошел Заломов.

Новости из столицы и даже из Курска доходили сюда с опозданием, не было газет. О том, что в Петербурге выходит большевистская «Правда», знали только понаслышке. После II съезда Советов, утвердившего первые декреты Советской власти, положение изменилось. В Суджу почти каждый день стали приезжать товарищи из Курска. Появились «Правда», «Известия», «Беднота».

В начале ноября Петр Андреевич Заломов по предложению Курского губернского совета был послан в Петроград на Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов...

Весной 1918 года, когда на Украину вторглись немецкие оккупанты, в Судже начали хозяйничать их ставленники — гайдамаки. Имя Заломова стояло одним из первых в списке людей, над которыми готовилась расправа.

Темной ночью ворота их маленького дворика задрожали от

сильных ударов: «Отворяйте!» Анна Кирилловна бесстрашно вышла во двор, отворила калитку — «белые!» Каратели ворвались в дом. Он писал впоследствии: «Белые, когда захватили Суджу, несколько раз собирались меня вешать, но мне удалось три раза избежать петли. Два раза сидел в тюрьме. Последний раз был арестован деникинцами и меня судили военно-полевым судом. Очень много били, издевались и каждый раз грозили виселицей или расстрелом. Несколько раз провоцировали на побег, но я знал, что это всегда кончается выстрелом в спину „при попытке к бегству“. Наконец, военно-полевой суд под давлением суджанской учительской организации заменил мне расстрел тюремным заключением. Конечно, они бы со мной еще расправились: повезли бы в Харьков, а по дороге ликвидировали. Выручила Красная Армия...»

«Ближние» воспоминания, как говорил Заломов, не отвлекали от основной работы. Легко была закончена первая глава — о Первом мае 1902 года в Сормове.

К этому времени курские книгоиздатели зачастили в Суджу. И вот через три месяца после поездки в Москву к Алексею Максимовичу Горькому Заломов передал им рукопись, о которой рассказывается. Главу из воспоминаний.

Глава начиналась так: «Идея открытого демонстративного выступления против самодержавия становилась все более популярной,— надо было решать вопрос о знаменосце».

В этой начальной фразе — весь Заломов... Все воспоминания написаны собранно, деловито, без отвлечений.

Впоследствии эта глава под названием «Демонстрация» вошла в книгу «Воспоминания».

...Тоненькая, в мягкой, пожелтевшей от времени обложке книжечка с пламенным красным заголовком «Знаменосец». Как мечтал привезти ее в Москву Заломов и лично вручить Алексею Максимовичу. Не успел.

«Воспоминания» Петра Андреевича Заломова вышли в Курске уже после смерти Горького, в 1939 году. Они по праву занимают место в ряду книг, созданных при добром участии великого пролетарского писателя.

Юрий Закревский, Евгений Осетров

«ЗАЙДЕМ К СМИРДИНУ...»

Киноновелла *

По брусчатке мостовой метет поземка.

Сквозь морозную мглу пробивается красное солнце. Освещает покрытого инеем Медного всадника, голые ветви деревьев, глыбы льда на Неве.

...Невесело выглядит набережная речки Мойки зимой — серый лед, грязноватый снег на парапете и перед домами. Сейчас мы приближаемся к одному из них. Над воротами уличный знак: «Набережная Мойки, 12».

Небольшая, покрытая ковровой дорожкой лестница. На лестничной площадке — бюст поэта. Скромная передняя, выходящая окнами во двор. В другой комнате, за камином, портрет хозяина квартиры — А. С. Пушкина. Звучит мелодия русского вальса — сначала клавишин и гитара, потом их подхватывают скрипки. И будто в продолжение музыки вступает голос Рассказчика:

— Недолго он прожил в этой квартире.

Много работал, читал...

На письменном столе чернильница с фигурой мальчика-негра, гусяное перо, рукописи, книги, номера журнала «Современник».

За столом любимое кресло поэта и многие ряды книжных полок. Ими занята почти вся большая комната-кабинет.

— Книги были самой длительной и самой постоянной его привязанностью. Любовь к ним зародилась в раннем детстве, окрепла в юности и уже не покидала до скончания дней.

Не будем спешить — рассмотрим комнату повнимательнее, приблизимся к незамысловатым деревянным полкам, плот-

* Фильм снят студией Центрнаучфильм совместно с пражскими кинематографистами. Режиссер Ю. А. Закревский. 1981 г.

но заселенным книгами. В переплетах богатых и рядом очень скромных, с закладками и еще неразрезанных. Попросим разрешения открыть эти книги—русские и французские, немецкие и английские. Поэзия и биология, история и астрономия, география и экономика...

В правой части комнаты, за лампой и конторкой, кожаный диван. А над ним— снова книги...

— *Вот здесь, окруженный книгами, он и умирал.*

Негромко тикают каминные часы. Медленно приближается лицо А. Пушкина— уставшего, задумчивого.

— *За три-четыре часа пред кончиною врач спросил, не желает ли он видеть кого-либо из друзей? Пушкин поднял глаза к книгам: «Прощайте, друзья!..»*

Быстрый взгляд на книги. От них мы переводим взор на Пушкина, смотрящего вверх (на скульптуре И. Витали).

У дивана, застеленного пледом, стоит небольшой стул. И сейчас мы увидим на портрете человека, сидевшего здесь в памятный январский вечер,— это совсем еще молодой врач Владимир Даль.

— *У постели сидел Даль, Пушкин держал его руку и шептал в забыты: «Ну, поднимай же меня, пойдем, да выше, выше...»*

Медленно приближаются глаза Пушкина на портрете и все громче и прерывистее звучат часы. Луч света пробегает по книжным полкам— взлетают и обрываются на высокой ноте скрипки.

— *Очнулся на мгновение: «Мне пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам». Опять сжал руку Даля и— умер...*

Зажегся свет уличного газового фонаря. Его бледный свет лег на мраморную доску: «В этом доме 29 января 1837 года скончался Александр Сергеевич Пушкин».

Две-три книги на конторке. Книги с закладками под лампой-торшером. Пушкинские заметки на полях: «как мудро!», «вяло», «лишний стих» и т. п.

На некоторых корешках книжная мета: «Из библиотеки для чтения А. Смирдина».

— *Не дописал, не дочитал... На полке осталось несколько книг с наклейкой-ярлыком.*

С одной из книг в руке видим мы сейчас у стеллажей Рассказчика. Он продолжает повествование:

— *Смирдин... На пушкинских изданиях, в его письмах эта фамилия встречается нередко. Отношения между поэтом и издателем-книгопродавцем*

НА III МОСКОВСКОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ-ЯРМАРКЕ

Фото А. И. Пушкина

*Москва. ВДНХ СССР. Сентябрь 1981 г.
Павильон № 1*

Посетители выставки-ярмарки знакомятся с книгами

*Книги, рассказывающие об истории
Коммунистической партии нашей страны*

На стенде — книги, выпущенные издательством «Современник»

Выставка работ победителей
Международного конкурса детского рисунка.
Павильон № 2

Фото Н. Зими́на

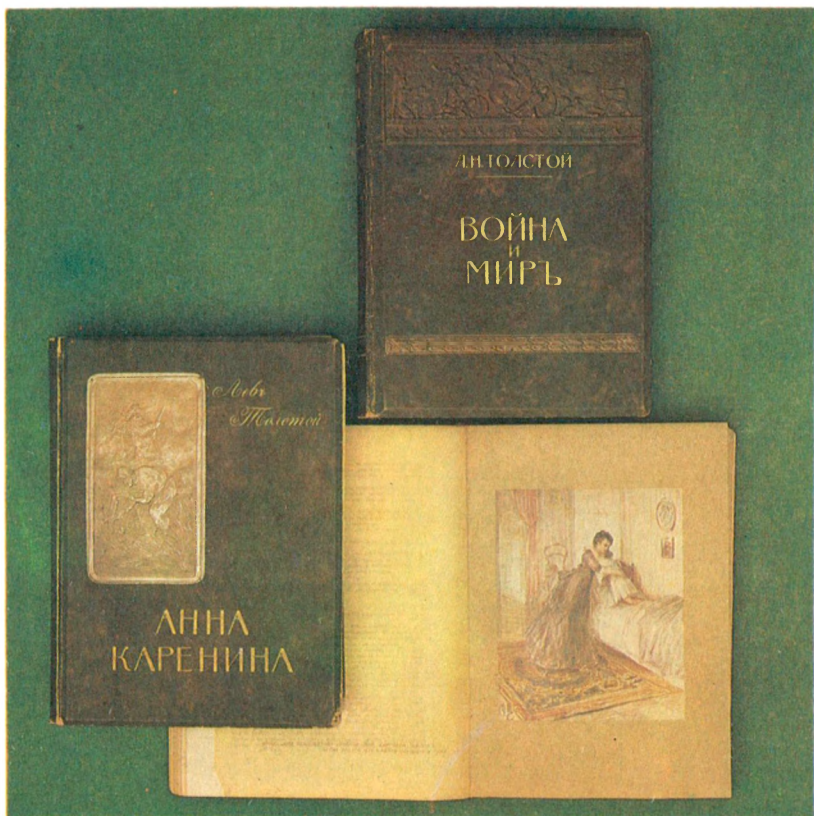

*Книги с дарственными надписями авторов,
адресованными И. Г. Петровскому*

*Старинные издания русских и зарубежных авторов
из коллекции И. Г. Петровского.
Хранятся в мемориальном кабинете ученого*

*Первые издания сочинений Л. Н. Толстого,
хранящиеся в библиотеке И. Г. Петровского*

СОКРОВИЩА БИБЛИОТЕК ГОРОДА ИРКУТСКА

Фото А. И. Пушкина

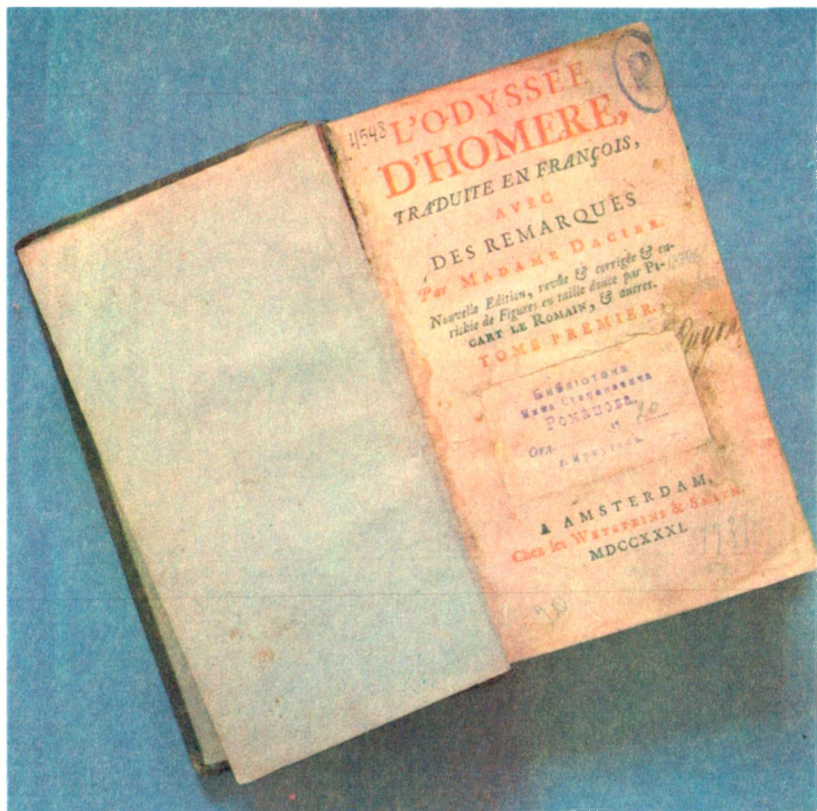
ИЗ БИБЛИОТЕКИ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

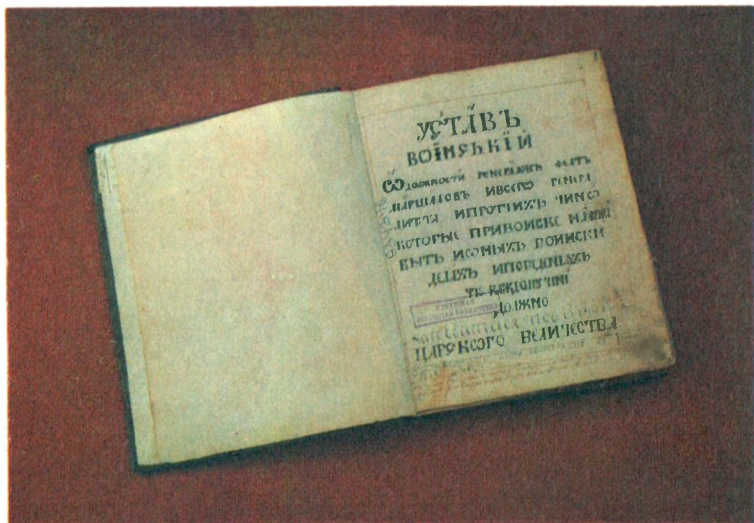
Книги из собрания С. П. Трубецкого

Издания, принадлежавшие декабристу М. С. Лунину

Гомер. «Одиссея». Амстердам, 1731.
Книга из собрания декабриста А. О. Корниловича

*Воинский устав Петра I. Спб., 1716.
Книга с надписью, сделанной рукой
«ротного писаря драгунского полка Сибирского гарнизона»*

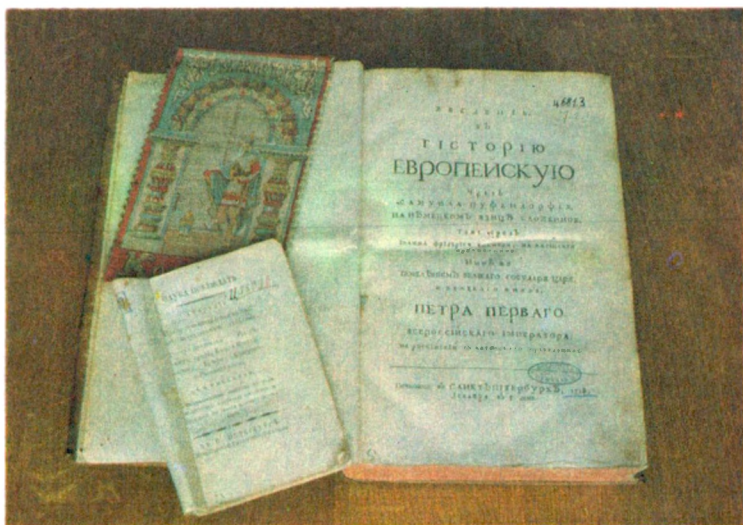
**Издание рукописи Леонардо да Винчи «Кодекс о полете птиц»,
подготовленной иркутянином Федором Сабашниковым
и выпущенной в 1893 году в Париже в количестве 300 экземпляров
с приложением факсимиле рукописи**

Книги, собранные иркутским историком В. И. Вагиным

ИЗ ФОНДОВ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ

Фото А. И. Пушкина

*«Введение в историю Европейскую». Спб., 1718
А. В. Суворов. «Наука побеждает». Спб., 1806*

Редкие издания, хранящиеся в библиотеке

были непростые. Доходило даже до эпиграмм:

*Смирдин меня в беду поверг,
У торгаша семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть «после дождичка в четверг».*

Чем же досадила этот Смирдин поэту? Уплатил ему за стихи чуть позже срока. Велика ли в том беда? Ведь и Пушкин не раз бывал перед ним в долгу. И это не мешало книгопродавцу боготворить поэта...

Но давайте все по порядку. Сначала познакомимся со Смирдиным.

На фоне рисованных книжных полок прочерчивается название фильма: «ЗАЙДЕМ К СМИРДИНУ...»

Издавеза доносится колокольный перезвон. От моста — в легкой дымке взмывшая в голубое небо колокольня Ивана Великого.

Почти пустынная Красная площадь с собором Василия Блаженного вдаль. Примерно такую же панораму видим мы на старинной акварели. Ее сменяют московские пейзажи и жанровые сцены на раскрашенных литографиях Делабарта и акварелях Ф. Алексеева: праздничная публика у стен Кремля над рекой, кареты и коляски на Моховой, простолудины на площади перед Военным госпиталем, розоватое здание старого университета... А вот какав-то рыночная площадь и торговые ряды. Магазины и торговые лавки на Никольской (только на одной этой улице в начале XIX века располагалось более десятка книжных лавок). Голос Рассказчика:

— Был Александр Смирдин немногим старше Пушкина.

И его детство тоже протекало в Москве.

И он был очарован дивным книжным миром.

Чтобы жить к своей юношеской привязанности поближе, стал он служить мальчиком в книжной лавке.

Вот как примерно она выглядела: конторка, полки, прилавок, свечи и лампы для вечерних часов.

На прилавке «История Ваньки Каина», «Повесть о приключениях английского милорда», «Победы графа Суворова», «Песенник солдатский», «Песенник российский», «Езда в остров любви». Впрочем, весьма может быть, что в лавке, где служил мальчиком Саша Смирдин, литература была разнообразная — ведь были тогда опубликованы и Ломоносов, и Тредиаковский, и Кантемир. И «Слово о полку Игореве», и «Деяния Петра Великого».

А посмотрите на периодику тех лет: журнал «Сын Отечества» и сатирическая «Адская почта», «Цветник» и «Трудолюбивая пчела», «Московский Меркурий» и «Детское чтение»...

Были уже опубликованы карамзинские «Письма русского путешественника» и радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Вот их первые издания.

— *Отнюдь не бедны были русские города книгами. Анри Бейль — будущий писатель Стендаль, очутившийся вместе с наполеоновскими войсками в России, был поражен обилием книг.*

Сначала чуть слышно, потом все явственнее и громче звучит песня:

Шумел-горел пожар московский,
Дым расстился по реке...

...Огромные красные столбы дыма взмыли над Москвой. На другой картине в дыму и пламени Большой театр. На третьей — император Наполеон укрывается от искр. ...Бежит пламя по замысловатым буквам большого «Евангелия».

Вспыхивает рукопись списка «Слова о полку Игореве», горят карамзинские издания...

— *А Сашу Смирдина война застала у прилавка. Пришлось ему и его друзьям спасать книги от пожаров.*

Приближаются вывешенные на стене старинного здания «ростопчинские афиши» — злободневные карикатуры на «француза», рисунки партизанских вылазок...

— *Уже тогда в сопротивлении иноземцам участвовали и печатное острое слово, и карикатура.*

И снова интерьер книжной лавки. Горят свечи на конторке, движутся тени по полкам. Но вот интерьер перекрывает полупрозрачный лист бумаги и на нем чья-то рука прорисовывает профиль юноши Смирдина. Рассказчик продолжает:

— *Не принадлежал Смирдин к знатному роду, потому ничья кисть не запечатлела его. О том, как он выглядел в ту пору, мы можем только догадываться.*

Было ему уже семнадцать и решил он вступить в московское ополчение. Но желающих оказалось так много, что не удалось ему добраться и до места набора.

...На другом рисунке мы видим его в приказчиьей поддевке, картузе и с котомкой за спиной. Идет он по проселочной дороге. Первые снежинки падают на чуть примерзшие лужи, на желтую листву...

— *И направился Саша в Петербург.*

Не от войны уходил он осенью 1812 года.

Да к тому времени французы уже бежали из Москвы.

Вот они — кое-как одетые и обутые, сутулящиеся от холодного ветра. На обочине дороги опрокинутые и запорошенные снегом армейские повозки. Группу французских солдат ведут русские партизаны. Уныло смотрит с картины знаменитый император.

Смотрит с рисунка и Александр Смирдин.

— *Немало их встречалось на неблизком пути.*

...Падают снежинки на аллее Марсова поля, на фонари Инженерного моста. Легкой порошей покрыты золотящиеся грифоны и львы. Взмыли в небо крылья статуи Победы над Нарвскими воротами. От моста через Фонтанку мы переводим взгляд на Аничков дворец. И вот уже те же колонны видим на акварели начала XIX века. На площади перед Мариинским дворцом ладные сани с празднично одетой знатью.

— *Попал он в Северную Пальмиру впервые. Хотя знал о ней немало. По книгам знал.*

Сани и кареты перед строящимся Исаакиевским собором. Украшенные стягами парусники на Неве. И разодетая публика на Невском. У книжного развала рядом с приказчиком появляется в рисунке юноша Смирдин. Оживает на раскрашенных литографиях люд Гостиного Двора. Начинают двигаться книгоноши и офени, публика у прилавков.

— *Многое из того, что мы сейчас видим, стрелось уже при его жизни в Петербурге. А жизнь ему предстояло прожить полную событий и встреч с людьми, составившими гордость России.*

Разношерстны и книги: «Бова Королевич», жанровые зарисовки А. Венецианова, рисунки о событиях 1812 года И. Терebeneва. А вот книги, напечатанные в типографии В. А. Плавильщикова. Его портрет мы видим сейчас на литографии, помещенной на фронтисписе.

— *Встреча первая — издатель и книгопродавец Василий Алексеевич Плавильщиков. Приехал он в северную столицу в конце XVIII века, открыл крупную книжную торговлю и вместе с братом-актером арендовал театральную типографию. С ним и познакомил Сашу Смирдина.*

Шкафы красного дерева, корешки книг с золотым тиснением. Перед шкафами уютные кресла, круглый стол. Массивные тома французских историков и энциклопедистов, трагедии Шекспира и комедии Фонвизина. Знакомимся с этими книга-

ми не спеша, вглядываемся в титульные листы, шелестим страницами.

— *О, магазин и библиотека Плавильщикова были совсем не похожи на «Гостиный ряд-торжок».*

Культ книги и забота о читателе сочетались воедино.

...Бывал, наверное, у Плавильщиковых и лицейст Пушкин.

Вот юношеский акварельный его портрет. Он же сидит над прудом, на коленях раскрытая книга.

Звучит грибоедовский вальс — проходят перед взором «Разные сочинения М. Ломоносова», французские издания Вергилия, Тасса и Гомера, Расина и Руссо. А вторым планом — их скульптура и портреты.

*— Друзья мне — мертвецы,
Парнасские жрецы;
Над полкою простою
Под тонкою тафтою
Со мной они живут...
Виргилий, Тасс с Гомером
Все вместе предстоят.
Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин.*

Медленно приближается сидящий в одной из аллей Летнего сада, ставший скульптурным, И. А. Крылов. Его басенные герои (Лиса, Волк, Кот, Журавль и т. п.) у его ног. Чуть опустив голову, смотрит с памятника их автор.

*— Ты здесь, лентяй беспечный,
Мудрец простосердечный,
Ванюша Лафонтен!*

Любопытно, что об этом же «Ванюше» — баснописце, комедиографе и библиотекаре Иване Андреевиче Крылове тот же Пушкин потом писал: «Мы не знаем, что такое Крылов — Крылов, который столь же выше Лафонтена, как Державин выше Руссо».

Смотрит с импровизированного рисунка А. Смирдин. И снова мы видим интерьер прекрасной и очень уютной библиотеки Плавильщикова.

— *Саше Смирдину очень захотелось работать здесь.*

Эта мечта его осуществилась — как знающего книжника пригласил Плавильщиков Сашу к себе.

Детали интерьерера. На столе букет полевых цветов, кем-то забытые очки, рукописи и книги. «Бедная Лиза» с портретом Карамзина, «Уроки дочкам» И. Крылова, «Баллады» В. Жуковского с портретом автора, стихотворения К. Батюшкова и Федора Глинки.

— В издательстве, в магазине и библиотеке бывали едва ли не все литераторы, историки, ученые. Любовь к книге роднила их. Карамзин и Крылов, Жуковский и Батюшков, поэт Федор Глинка и художник Брюллов стали близкими друзьями Смирдина.

На литографии, помещенной в сборнике «Вчера и сегодня», мы видим молодого А. Смирдина в окне книжного магазина. Перед ним покупатели. Стоящий у стеллажей Рассказчик продолжает повествование:

— «С лица был он человек постоянно серьезный, сосредоточенный, чрезвычайно привязанный к своему делу и трудолюбивый до смешного», — так писал о Смирдине один из его современников. Перед смертью Плавильщиков завещал ему торговлю. За сравнительно небольшую сумму передал и библиотеку.

Шел 1823 год...

...На желтоватом листе бумаги прорисовывается профиль А. Пушкина. Рисунки Пушкина на полях рукописей. Казак с пикой, женщина на фоне гор. А вот горы и крымское селение на картине. А. Пушкин, стоящий у колонн Бахчисарайского дворца.

— Над Россией — «от хладных финских вод до пламенной Колхиды» — восходило солнце поэзии Пушкина. Из крымского изгнания поэт прислал новую поэму. Кто-то называл ее «Ключ», кто-то «Фонтан»...

...Сквозь тонкую бумагу отчетливо видна рукопись — список «Бахчисарайского фонтана». Осторожно подняв папиросную бумагу, мы видим и первые строчки поэмы. А рядом — ее первое издание в незамысловатой синей обложке.

— Поэма начала расходиться в списках. А вскоре была напечатана в одной из лучших русских типографий.

Склонившийся над книгой Рассказчик продолжает:

— Получив книжку, Пушкин писал своему другу Вяземскому: «От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродав-

цев и думать, что наше ремесло право не хуже другого».

Вот имена этих книгопродавцев.

На оборотной стороне титульного листа читаем: «Продается в Москве у комиссионера... А. С. Ширяева; в С.-Петербурге в книжном магазине у Синего моста... у А. Ф. Смирдина».

— Ширяев, Смирдин...

«Издание Александра Смирдина», «Издано иждивением А. Ф. Смирдина», «В типографии А. Смирдина» мы видим на Сочинениях Державина, на «Детском драматическом вестнике», на прекрасно иллюстрированных баснях И. Крылова, на «Отечественных записках»...

— Люди знающие поняли, что возник своеобразный «почерк Смирдина» — добротность и хороший вкус изданий.

Рассказчик бережно опускает на стол одну из книг, прочитывает несколько строк из газеты:

— «Сердце утешается при мысли, что, наконец, и русская наша литература из подвалов переселилась в чертоги. Это как-то воодушевляет писателя», — писала одна из газет. Содружество со Смирдиным гарантировало и то, что книга будет быстро распродана, а труд автора хорошо оплачен.

Одна из сотрудниц Института русской литературы достает из заветного шкафа несколько первых изданий поэм и повестей А. Пушкина, показывает их Рассказчику.

— Особенно щедр был книгоиздатель по отношению к Пушкину.

Сотрудница:

— Смирдин прекрасно понимал желание поэта жить только за счет своего труда. Понимал и огромное его значение в духовной жизни России. Потому и оплачивал произведения Пушкина щедро. Нередко и в ущерб себе.

Рассказчик:

— В 1827 году Смирдин покупает у Пушкина право на издание вот этих трех поэм.

На стол опускаются рукописи «Руслана и Людмилы», «Бахчисарайского фонтана», «Кавказского пленника». И тут же мы видим эти поэмы отпечатанными и переплетенными.

— Общая стоимость была определена в 20 тысяч рублей. Независимо от того, как будут распроданы книги, половина этой суммы вручена автору.

...Осторожно открываем обложку «Руслана и Людмилы»,

рассматриваем типографскую виньетку и литографированный портрет автора.

Голос сотрудницы института:

— *Тиражи были небольшие, потому книги стоили недешево. Но изданы по тем временам прекрасно. В «Русlane» впервые помещен портрет любимого поэта. Орест Кипренский нарисовал его.*

А вот иллюстрации С. Галактионова в «Бахчисарайском фонтане»: хан Гирей на троне, женщины у фонтана...

— *А это одно из первых иллюстрированных пушкинских изданий.*

...Вместе с Рассказчиком мы рассматриваем вроде бы и невзрачные, но уже давно ставшие большой редкостью книги; первые издания «Полтавы», «Бориса Годунова», «Повестей Белкина», полного «Евгения Онегина». Рядом с книгами лежат пушкинские рисунки: женские силуэты, иллюстрация к «Гробовщику», к «Онегину».

— *Смирдиным были впервые изданы «Полтава», «Борис Годунов», «Повести Белкина», полный «Евгений Онегин». Установилась прочная деловая дружба талантливого издателя с великим поэтом.*

Впечатляющую картину создал в свое время художник В. Садовников — менее полуметра в ширину и более десяти в длину. Изображены обе стороны Невского проспекта от Дворцовой площади до Аничкова моста.

Сейчас мы будем следовать по левой стороне, обгоняя коляски и прохожих. У Казанского собора пересечем проспект — перейдем на другую сторону, приблизимся к стоящей в глубине лютеранской церкви. На стоящем перед церковью доме вывеска: «Книжный магазин-библиотека».

— *А в начале 1832 года произошло в жизни Смирдина еще одно важное событие. Началось с будничного — его книжная лавка-библиотека переехала на Невский проспект. Вот в этот дом. «Северная пчела» комментировала это событие так: «А. Ф. Смирдин захотел дать приличный приют русскому уму и основал книжный магазин, какого еще не бывало в России».*

...Все явственнее звучит тема мазурки. На гравюре, по картине А. Брюллова, мы видим на фоне книжных полок собравшийся здесь цвет русской литературы. Приближаемся к сидящему за столом И. Крылову.

— *19-го февраля праздновалось новоселье. На председательском месте — великий баснописец и библиотекар «дедушка Крылов».*

По обеим сторонам гости — Жуковский, Пушкин, Хвостов, Гоголь, Н. Греч. Перед ними и виновник торжества — А. Ф. Смирдин.

— *За столом Жуковский, Пушкин, Гоголь, Греч...
А это сам Смирдин.*

«...Веселость, откровенность, остроумие и какое-то безусловное братство одушевили сие торжество».

Рассказчик, рассматривая гравюру, продолжает:

— *Но почему, описывая это торжество, Николай Греч отмечает: «Празднество сие остается незабвенным в нашей словесности»? Не веселие же и остроумие сделали его незабвенным!*

Читаем дальше: «После обеда гости... положили составить общими трудами альманах Новоселие А. Ф. Смирдина». Вот его первые номера.

Над собравшимися за столом гостями возникает виньетка и название «Новоселье». Внизу — 1833 год.

Листаем страницы альманаха: фельетон «Большой выход у сатаны», «Домик в Коломне» с иллюстрацией «Кухарка бреется», стихотворная сказка о Берендее, «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

«Анжело» Пушкина и «Вечера на хуторе» Гоголя — во второй книге. На обложке гравюра, показывающая магазин-библиотеку: за конторкой хозяин, ближе к нам его помощник-приказчик Ф. Цветаев и на первом плане П. Вяземский, беседующий с А. Пушкиным.

— *Печатались не отрывки, как было прежде, а произведения в полном их виде. Прекрасные иллюстрации. Влились в смирдинский альманах и неведомые ранее таланты. А книжная лавка стала своеобразным литературным клубом. Встречи писателей, ученых, общественных деятелей стали здесь повседневными.*

Гравированный портрет уже немолодого Смирдина. Приближается его лицо.

— *«Смирдин, явивший себя достойным посредником между писателями и публикою, займет в истории нашей литературы первое место...»*

...Мелькают заголовки статей: «Взгляд на историю России», «О земледелии в России», «Скандинавские саги». Стихи Пушкина, Жуковского, И. Козлова... И все это в одной книге — толстом журнале «Библиотека для чтения».

— *А через два года он начинает издавать один из первых «толстых» журналов «Библиотека для чте-*

ния». Пестрота его содержания вызывала среди серьезных критиков нарекания. Но многим энциклопедичность пришлось по вкусу—уже через год число подписчиков достигло пяти тысяч! Успех по тому времени колоссальный...

...Плывущий по морю парусник, склоны островерхих гор—это фронтисписы двух книг А. Норова «Путешествие по Сицилии». А это книжка Ф. Слепушкина «Досуги сельского жителя» и роман А. П. Степанова «Постоялый двор»... Двигаются строки перечня книг, издаваемых А. Смирдиным для купечества, разночинцев, крестьян.

— Крупной реформой Смирдина стало снижение цен за счет увеличения тиражей. «Приобретение книг сделалось доступным и тому классу людей, которые наиболее в них нуждаются».

Сидящий перед двумя большими стопками книг Рассказчик перелистывает статью В. Белинского:

— «Он произвел решительный переворот в русской книжной торговле, и, вследствие этого, в русской литературе,— писал Белинский.— Да, милостивые государи, я совсем не шучу и повторяю, что этот период словесности должно назвать смирдинским».

Много десятилетий прошло с тех времен. Но печатное слово достаточно точно и подробно показывает нам, как жили тогда люди, о чем мечтали. Немало еще могут рассказать рисунки и картины. Например, вот эта—огромное полотно, запечатлевшее один из торжественных дней 1831 года на Марсовом поле. Императорский выезд на парад и группы людей различных сословий—военного, сановно-дворянского, разночинного. Художники и актеры, купцы и писатели... Сотрудники музея А. С. Пушкина распознали на картине более семидесяти человек, имена которых не затерялись на извилистых дорогах истории. Вот это А. Смирдин, а чуть в стороне А. Пушкин, И. Крылов, Н. Гнедич.

— Как и прежде, к Смирдину частенько наведывался Пушкин. Не только по издательским делам, а и чтобы просто потолковать с друзьями. Или взять нужные книги.

А сейчас мы видим стеллажи «Русского фонда» в Публичной (бывшей императорской) библиотеке. Подходим к девушке, листающей «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина»... И снова А. С. Пушкин в магазине-библиотеке на Невском.

— В смирдинской библиотеке к тому времени накопилось более 20 тысяч томов, а Пушкин

пользовался особой симпатией хозяина. Был он, видимо, здесь и незадолго до дуэли.

...Сквозь морозную мглу еле пробивается солнце. Метет по мостовой поземка. Поют печальные скрипки — дрожит в чьей-то руке страница «Современника»: «Россия потеряла Пушкина в ту минуту, когда гений его...»

И снова мы видим Рассказчика в квартире на Мойке. Опустил журнал, задумался...

— Потерей человека близкого, любимого стала эта смерть для Александра Филипповича Смирдина. Все, что он делал потом, было связано с его именем, с их общими мечтами.

Удаляясь от портрета А. Ф. Смирдина (таковой находится в фондах Пушкинского музея), мы видим сидящего за столом библиотечного работника. Перед ним три больших прекрасно изданных тома «Сто русских литераторов». Издание книгопродавца А. Смирдина, Санкт-Петербург, 1839.

— Завершено издание трех прекрасно иллюстрированных сборников русских писателей.

За портретом А. Пушкина и иллюстрацией к «Каменному гостю» — портреты и произведения Кукольника, Бестужева, Дениса Давыдова, Полевого, Зотова, Сенковского...

— По поводу сборников спорили: стоило ли включать авторов незначительных?! Время доказало, что прав был издатель — ведь только благодаря вот этим страницам можно видеть теперь и полузабытых авторов.

Главный путь литературы и окольные тропинки...

В «Русском фонде» девушка-библиотекарь проводит инвентаризацию. В ее руках тома полных собраний сочинений русских авторов — И. Богдановича, А. Грибоедова, А. Дельвига, В. Даля, В. Капниста, М. Лермонтова, А. Пушкина...

— Немало сил приложил Смирдин для выпуска полных собраний сочинений тех, кто стал так близок и дорог нам.

Панорама корешков стоящих на полке книг. Листаются страницы реестра смирдинских изданий.

Приближается написанный маслом портрет А. Ф. Смирдина — усталое лицо, задумчивый иронический взгляд...

— Он не был прижимист. Издания требовали больших средств и он вкладывал их. «Смирдину мы обязаны тем, что ныне литературные занятия дают средства к жизни», — писала одна из газет. «Он истинно честный и добрый человек!» «Наши литераторы владеют его карманом как арендою.

Он может разориться...» И он разорился. «Под старость я остался гол, как сокол—это всем ведомо».

...Удаляются и уходят в миражное небытие книжные стеллажи. Уходит за кадр «библиотека чтения» на Невском. И вот уже мы движемся мимо Мойки, Александринки, коней на Аничковом мосту...

— А книги умудрился сохранить... Но после смерти Смирдина и его наследников библиотека постепенно исчезла из поля зрения—50 тысяч редких и редчайших книг!

Рассказчик листает «Роспись»:

— Библиофилы в наши дни долго пытались ее разыскать, но тщетно... Книги, как и люди, имеют свою судьбу.

И пути их бывают порой неисповедимы...

...Из темноты выглядывает скелет, дергает за веревочку. Под ним фигуры старых проповедников со свитком и книгой. Слева огромные циферблаты—один со знаками Зодиака, другой с часовыми стрелками. А наверху появляются и исчезают в окошечках апостолы. Все это действие—скелет, шествие апостолов, петух в нише—сопровождается боем курантов. В их мелодию вплетается славянская тема. По ночному переулку от Староместской площади идет одинокий прохожий. Запоздалые прохожие на Карловом мосту—за фонарями видны силуэты башен и Пражский град вдали.

— Пять с лишним веков отсчитывают время куранты на Староместской ратуше. Петух кричал, апостолы появлялись в окошечках и в ту пору, когда далеко отсюда Пушкин любовался белыми ночами, а Смирдин спешил в свою лавку.

Стелется над Влтавой предутренний туман. И сюда доносится бой курантов. Кружатся у моста чайки. Сквозь легкую голубоватую дымку видны башни, островерхние купола соборов Старого места. Пустынна Злата улочка. Первые прохожие появились на Карловом мосту.

— Сказочная стобашенная Прага. ...И здесь любовь к книге, к мудрому слову вечна, как человеческий мир.

Вместе с прохожими мы идем мимо стоящих на парапете скульптурных групп. «Распятие Иисуса Христа», «Пражский турок и святой олень», солунские братья, святой, освобождающий из заточения славянина...

А это Кирилл и Мефодий—один держит крест, другой книгу.

На Староместской площади стоит величественный в своей простоте и открытости Ян Гус, окруженный народом.

В Вышеградском парке среди желтеющих каштанов славянские князья-воины. Тихо падают листья перед Карпатским костелом, очень похожим на русские деревянные церкви.

— *В трудах и борениях «солунские братья» Кирилл и Мефодий создавали славянскую азбуку. И азбука помогла сплотиться народам.*

*Если славянство встало на страже,
Кто нарушителем мира ни будь,
Как бы он ни был хитер и отважен,—
Грудь разобьет о славянскую грудь.*

Идущий по старинной дворцовой лестнице фонарщик с помощью длинного шеста гасит газовые фонари. Оживают улицы и площади утренней Праги. Золотятся взметнувшие в небо шпили собора на Старом граде.

По освещенному утренним солнцем и окруженному древними стенами двору идут школьники. Приближаются к одному из зданий Страгова монастыря.

— *Чехи, словаки, русские... Сходство их исторической судьбы, родство языка привели и к близости духовной. Ведь большое уважение к культуре соседствующих народов всегда отличало славян.*

Школьники вместе с экскурсоводом идут мимо тяжелых колонн и кирпичных стен Романского зала. Барочные росписи на сводах (евангелисты, аллегории наук и искусств), длинные ряды книжных шкафов в зале Теологическом. Приближаясь, мы видим укрытое стеклянными колпаками древнее «Евангелие».

— *Потому, например, Страгов монастырь стал сокровищницей и национальной, и иных славянских письменностей. Книги века восемнадцатого, шестнадцатого, двенадцатого!*

...А недалеко от Карлового моста расположился целый городок книги. Вместе со звуками пленительной музыки мы попадаем в Моцартов зал. Вычурная, в стиле рококо, лепнина; на потолке картины, изображающие музицирование, чтение. Ангел, несущий стопку книг. А под ним читатели — вполне современные молодые люди.

— *В Климентинуме — монастыре доминиканцев — в начале семнадцатого века были открыты школа и типография. Стали сюда стекаться книги со всего света...*

В зале математическом на инкрустированном полу ряд

старинных глобусов с изображением рельефов гор, растительного и животного мира. За витыми колоннами поднимающиеся высоко к потолку книжные полки. Полки и на втором ярусе.

— Теперь здесь разместились библиотеки — Национальная, Музыкальная, Техническая...

Эти залы совсем не торжественные — деловитость отличает Slovansku Knižovnu — на металлических стеллажах книги старые и новые, в изящных переплетах и без переплетов вовсе. Леонид Леонов и Михаил Шолохов, Федор Абрамов и Валентин Распутин, Владимир Маяковский и Александр Блок. Почти полное собрание журналов с 1917 года!

...Сочинения графа Алексея Толстого, Федора Достоевского, Ивана Козлова, «Конек-Горбунок», «Современник», «Русская мысль», «Северные цветы»... Экслибрисы библиотеки лейб-гвардии уланского полка, Н. Зарецкого, П. Крашенинникова...

— Самое большое в мире собрание книг на славянских языках. И главное в нем — литература русская.

А вот книга из «Библиотеки для чтения» А. Ф. Смирдина. И еще, и еще!

— Но что это — экслибрис Смирдина?!

Тома «Сто русских литераторов» держит в руках директор Славянской knihovni доктор Иржи Вацек. От него мы переводим взгляд на уплотненные книгами полки; такие же полки и в первом ярусе.

От книг тесно, потому сотруднице библиотеки приходится работать меж них почти что на коленях...

— Так вот она — пропавшая библиотека!..

— Да нет, это только часть ее, — улыбаясь, отвечает Иржи Вацек. — Судя по смирдинской «Росписи» здесь около половины книг, находившихся на Невском.

— Так расскажите, пожалуйста, как они к вам попали?

— Не совсем случайно. Вы же видите — русский отдел у нас самый большой. Есть рукописные и печатные памятники древней словесности. Даже издания Ивана Федорова. А с 1917 года, по обоюдной договоренности, посылают нам почти все ваши литературные журналы и альманахи...

От журналов современных мы снова переходим к журналам и книгам начала прошлого века. Доктор И. Вацек продолжает рассказ:

— Книги же из библиотеки Смирдина попали к нам в двадцатые годы. Мы купили их в Риге у наследников Киммеля.

— Того Киммеля, который был перекупщиком книг?..

— Да. Но когда книги были привезены в Прагу, обнаружилось, что многого не хватает. Тогда, пользуясь росписями и реестрами Смирдина и его наследника Крашенинникова, мы стали собирать недостающее по всей Европе... Теперь у нас образован особый «Смирдинский фонд».

...Сейчас мы видим девушку-библиотекаря, работающую у каталога. На карточках фамилии Некрасова, Державина, Пушкина. Первые издания «Руслана» и «Полтавы» перед студентами-филологами. Но вот рядом ложатся вторые экземпляры этих же изданий.

— Получилось так, что у некоторых изданий есть и вторые экземпляры. Их передают в недавно созданный Музей русской культуры в словацком селении Бродзяны.

Кроме многого прочего славна Чехословакия своими красавцами-замками. Замок же в Бродзянах не выглядит красивым и до сих пор был мало известен. Всезнайки-кинематографисты, например, на наш вопрос о Бродзянах недоуменно пожимали плечами, другие — уверенно отвечали, что такого места в Чехословакии нет.

...Прага — Брно — Партизанское... И вот мы на тихой осенней улице Бродзян. За высокими деревьями свежепобеленный, покрытый черепицей замок-дом. Поднявшись на второй этаж, мы попадаем в жилую его часть. Небольшой шкаф с фарфором, туалетный столик с зеркалом, пейзажи и натюрморты на стенах.

В столовой фамильные портреты. Хозяин дома австрийский посланник Густав Фризенгоф и его жена Александрина Гончарова. В гостиной на столе, рядом с семейными альбомами, небольшой акварельный портрет Натальи Гончаровой-Пушкиной.

Ноты романсов на раскрытом рояле. Звучит тема — глинковское «Чудное мгновенье».

— Когда-то здесь жила сестра жены Пушкина — Александрина Гончарова. Гостили его дети, внуки...

...Смотрит с портрета А. С. Пушкин. Чуть ниже на музейном стенде его друзья, его соратники. П. Вяземский, В. Жуковский, В. Даль. Ребята-школьники обступили стенд. Другие

рассматривают книги в шкафах гостиной. Смотрит на них А. Ф. Смирдин.

— *Пушкин, русская словесность... Их доброй славе немало послужили книгоиздатели и книгопродавцы. Служат и теперь.*

Книги из смирдинской библиотеки. Словацким ребятам повезло — несколько книг им дали полистать. «Отечественные записки», «Современник», «Сто русских литераторов», прекрасно иллюстрированные басни И. Крылова.

Девочка-подросток листает альбом рисунков, сделанных А. Гончаровой и кем-то из ее знакомых. Смотрят с листов дети девятнадцатого века.

— *Не пропала и Смирдинская библиотека.*

Через полтора столетия передает она мысли и чувства своих современников поколению нашему. Принесут, наверно, радость эти книги и тем, кто будет жить после нас.

От замка по мосткам осеннего парка идут мальчишки и девочки. Чуть слышно шумят над ними кроны вековых вязов и кленов. И уже к ним обращается наш современник:

*Над головой твоей, далекий правнук мой,
Я в небе пролечу, как медленная птица,
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой.*

За колышущимися ветвями открывается Влтава, мосты в голубоватой дымке. По древней дворцовой лестнице идут от Пражского града мамы с колясками. Над черепичными крышами и куполами соборов вьются дымки. Сидящие на парапете парень и девушка читают стихи...

— *О, я недаром в этом мире жил!
И сладко мне стремиться из потемок,
Чтоб, взяв меня в ладонь, ты, дальний мой потомок,
Доделал то, что я не довершил.*

Симфонией звучит русская тема.

...Уже подернулась льдом Москва-река. В морозной дымке Нева и шпиль Петропавловки. Утро. Но на Невском, как всегда, многолюдно. Чуть поднявшись над мостовой, мы видим уже знакомый уголок — дом, в котором располагались смирдинское издательство, магазин-библиотека.

Москва — Ленинград — Прага

«ДРЕВНОСТИ» Ф. Г. СОЛНЦЕВА

«Размышляя о несовершенстве Отечественной нашей истории и разыскивая истинные тому причины, находим мы, что источники, из которых она почерпнута, весьма недостаточны. Хотя сведения о нравах, обычаях и просвещении предков наших хранятся во многих рукописях и в памятниках древнего нашего искусства, но все это находилось доселе, так сказать, под спудом, и в печати, а особенно в гравировке, мало что еще в свете показалось»,— так гласил первый проект издания «Древностей Российского Государства», разработанный в 1841 году президентом Академии художеств и одновременно директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным (1763—1843). Он был известен как крупнейший археолог и археограф своего времени, да и художник тоже: еще в 1820 году вышло первое издание «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина с рисунками Оленина. Поэтому издание «Древностей» замышлялось им, как своеобразный свод, который смог бы вывести из-под спуда, показать в гравированных рисунках старинные памятники культуры и быта. «Цель сего сочинения,— значилось в проекте,— состоит в том, чтоб старинные наши русские нравы, обычаи, обряды, одежды духовные, военные, светские и простонародные, а также жилища и здания, степень познаний и просвещения, промышленности, искусства, ремесла и разные предметы в общежитии сделались известными — посредством ваияния или рисования — во всей их точности и с сохранением их характера или вида, как бы он ни был странен и неисправно изображен».

Программа, как видим, довольно широкая. Оленин предполагал объединить в этом издании сведения об археологических и этнографических памятниках, о произведениях искусства, архитектуры, предметах народного быта, ремеслах и дать изображения народных костюмов с максимально возможной точностью.

Осуществление этого замысла было делом вполне реальным. Рисунки для него уже существовали — более пятисот изображений различных памятников древности. Принадлежали они воспитаннику Оленина по Академии художеств, бывшему крепостному, ставшему в тридцать два года академиком живописи, Федору Григорьевичу Солнцеву (1801—1892), который к тому времени уже более десяти лет «срисовывал» памятники древности в Москве и Новгороде, Рязани и Пскове, Ярославле и Костроме, Владимире и Суздале, Торжке и Твери, Киеве и Орле, Белозерске и Ладоге...

А началось все с «рязанских древностей» — золотых и серебряных украшений, случайно найденных в 1822 году двумя крестьянами близ Старой Рязани и вставших в один ряд с другими сенсационными открытиями первой четверти XIX столетия — «Словом о полку Игореве», «Сборником Кириши Данилова», Троицкой летописью, «Изборником Святослава», Тмутараканским камнем, черниговской гривной... Все эти находки явились результатом деятельности двух знаменитых кружков — Румянцевского и Оленинского.

Но если члены Румянцевского кружка (а в него входили почти все крупнейшие историки и филологи того времени: К. Ф. Калайдович, Е. А. Болховитинов, А. Х. Востоков, И. М. Снегирев, П. М. Строев) занимались в основном собиранием и изданием памятников письменной культуры, то Оленинский кружок проявлял больший интерес к древнерусской археологии и археографии. Конечно, значение и размах его работы несоизмеримы с деятельностью Румянцевского кружка. Бывший канцлер и председатель Государственного совета Н. П. Румянцев (1754—1826) по самым приблизительным подсчетам затратил более двух миллионов рублей на приобретение древних рукописей, на экспедиции и осуществление таких монументальных изданий, как «Собрание государственных грамот и договоров», «Ипатьевская летопись», и ряда других памятников письменности. Возможности же Оленина и Публичной библиотеки, хотя она и носила громкий титул императорской, были ограничены.

Среди ближайших сотрудников Оленина можно назвать лишь одно громкое имя — хранителя отдела рукописей Публичной библиотеки А. И. Ермолаева (1779—1828). Все научные изыскания и открытия Оленина так или иначе связаны с ним.

Они вместе разработали научные принципы издания русских летописей, во многом сохраняющиеся и поныне, вместе расшифровали надпись на знаменитом Тмутараканском камне, что положило начало русской научной эпиграфи-

ке, вместе путешествовали по России «для срисовывания и описания древних памятников искусства».

В их многолетнем и плодотворном сотрудничестве есть еще одна отличительная черта, определившая и характер, и направление совместных исследований. Оба они были художниками. И не просто художниками, а первыми в России художниками-археографами, которые «срисовывали» и сопоставляли палеографические, исторические и этнографические памятники с произведениями искусства. Правда, сам Оленин рисовал довольно любительски, определенной долей дилетантизма отличаются все его научные и художественные труды. Зато его помощник Ермолаев был профессионалом самого высокого класса как в науке, так и в искусстве. Закончив Академию художеств в 1800 году, он с 1812 года стал хранителем «депо манускриптов» Публичной библиотеки и как знаток рукописей пользовался большим авторитетом среди современников.

В 1828 году Ермолаева не стало. «Судьбе угодно было,—с горечью писал Оленин,—прекратить его жизнь почти в то самое время, когда я намеревался после многих моих изысканий приступить к решительному исполнению порученного мне дела». А поручено ему было исследование «рязанских древностей», где, как и в случае с Тмутараканским камнем, помогли бы знания и копии-рисунки Ермолаева. Теперь Оленину предстояло найти другого помощника. «Испытав на сей предмет» немало молодых художников, своих воспитанников по Академии художеств (а выбор у него был большой), он остановился, по его собственным словам, «на весьма способном к сему роду занятий» Федоре Солнцева.

Оленину необходим был не просто хороший рисовальщик, а человек, способный понять значение подобного копирования памятников древностей. «Художник,—пояснял Оленин,—должен приучить свой глаз отыскивать в вещах сего рода настоящую их характеристику, без которой самой превосходной работы рисунок не может выполнить той главной цели, которая в сем роде искусства требуется, а именно: чтоб точным изображением предмета, не прибавляя к нему ни прибавок, ни прикрас и не выпуская никаких его недостатков или неисправностей, представить верный способ наблюдателю нравов и обычаев времен прошедших, соображать и узнавать век или употребление изображенной вещи, какому народу, а иногда и лицу могла она принадлежать? Таким образом, художник, посвящающий себя сей части подражательных искусств, должен быть не что иное, как самый строгий портретист, не смотря на случайную безобразность предметов.

Вот условие, по которому не всякого художника можно прямо на это дело употребить».

Первые рисунки «рязанских древностей», сделанные Федором Солнцевым, отвечали этим требованиям президента Академии художеств. И вскоре последовали другие заказы.

В мае 1830 года Оленин отправляет молодого художника уже в специальную художественно-археологическую экспедицию по древнейшим русским городам «для срисовывания старинных наших обычаев, одеяний, оружия, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и прочих предметов, принадлежащих истории, археологическим и этнографическим сведениям».

Затем последовала Москва—ее кремлевские соборы и сокровища Оружейной палаты, на «срисовывание» которых Солнцев получает с помощью Оленина «высочайшее соизволение». Каждую свою новую работу он незамедлительно пересылает президенту Академии художеств. И получает в ответ письма, по которым видно, какое большое значение придавал Оленин деятельности молодого художника. «Рассмотрев с крайним удовольствием сей новый опыт вашего прилежания,—пишет он 24 июля 1830 года,—и особенного искусства в верном и приятном при том изображении столь сухих, в существе своем, предметов, но столь замечательных и столь полезных для историка, археолога и—главнейшее—для художников, остается мне только повторить вам искренние с моей стороны похвалы, которые вы уже неоднократно заслужили за исправное и отличное исполнение порученного вам дела».

Столь высокая оценка вселяла силы, тем более, что к тому времени Солнцев уже прекрасно сознавал, что стоит за такими сухими предметами, как шапка Мономаха, короны астраханских и казанских царей... Он спешит срисовывать их, но получает новое письмо.

«Я обязан вам сказать в осторожность,—обращается к нему Оленин, явно подбирая слова, чтобы не задеть самолюбия молодого художника,—что вы должны худо верить наименованиям, данным в Оружейной палате разным предметам старинного нашего оружия, утвари, одеяния и скарба». И продолжает: «Мнимые детские латы Дмитрия Донского прошу не срисовывать. Я их очень знаю и могу вас уверить, что они никогда ему не принадлежали; ибо в том веке, в котором он жил... не токмо в России, но нигде в Азии и Европе такого рода лат не употребляли».

Это был горький, но необходимый и, главное, своевременный урок. Отныне Солнцев будет самым тщательным образом

изучать и обследовать каждый предмет и откроет немало подлинных шедевров среди выброшенного хлама, а также найдет немало мнимых среди бережно хранимых как реликвии.

Художник работает не только в Оружейной палате, но и постоянно выезжает во Владимир, Юрьев-Польский. Оленин по-прежнему дает ему в письмах подробные инструкции и объяснения, что и как срисовывать. Эти рекомендации помогли постепенно набирать опыт историка, этнографа и археолога.

«Во Владимире следует,—советовал Оленин,—срисовывать вид собора, и вырисовать подробности наружного его вида... То же самое должно вам делать и в Юрьеве-Польском. Мне сказывали, что на камнях, из которых сии храмы построены, много находится ваятельной работы, в роде барельефов... Вы сами это рассмотрите и воспользуйтесь тем, что может быть выгодно для художников».

Обратим при этом внимание, насколько точны рекомендации Оленина, ведь в них речь идет о барельефах Дмитровского собора во Владимире и Борисоглебского в Юрьеве-Польском, которые станут предметом внимания и исследования специалистов значительно позже.

За Владимиром, Юрьевом-Польским, за Троице-Сергиевой лаврой последовал Новгород—более 100 рисунков Софийского собора и Юрьева монастыря. Затем—не менее уникальные памятники древнего Торжка, где и застало его еще одно письмо президента Академии художеств. На сей раз в нем уже не было обычных советов и предписания. Наоборот, Оленин писал: «Я не буду вам вновь предписывать правил для лучшего исполнения предписанного вам дела, припоминая старинную русскую поговорку: „Ученого учить, только портить“».

Так начиналась деятельность Федора Солнцева по срисовыванию русских древностей. Вот как выглядели маршруты его экспедиций:

Лето 1830 года: Москва, Владимир, Юрьев-Польский.

Лето 1833 года: Новгород, Ярославль.

Лето 1834 года: Новгород, Торжок, Троице-Сергиевая лавра, Смоленск.

Лето 1835 года: Москва.

Лето 1836 года: Псков, Печора, Рязань.

Лето 1838 года: Александров, Суздаль, Владимир, Троице-Сергиевая лавра, Новый Иерусалим, Звенигород.

Лето 1839 года: Казань.

Ездил он и в последующие годы—в Киев, Белозерск,

Изборск, Ладогу, Ревель, Коломну, Осташков, Могилев, Чернигов, Витебск, Орел... И в каждом городе Солнцев выявлял и рисовал памятники искусства. Не случайно уже в конце прошлого века о нем писали: «Только благодаря ему сохранились многие важные исторические предметы, если не в подлинниках, теперь уже утраченных, то по крайней мере в верных копиях». В наше время ценность этих рисунков для науки еще более возросла.

Во всех своих многочисленных поездках по России он успешно выполняет еще один совет Оленина: рисует «костюмы баб и девок», в результате чего его рисунки стали своеобразной художественной галереей народных костюмов и украшений.

С 1836 года начинается его «новое занятие». Федор Солнцев приступает к реставрационным работам в Московском Кремле, восстанавливает Царские палаты, Рождественскую и Крестовоздвиженскую церкви, принимает участие в строительстве и внутренней отделке Большого Кремлевского дворца. Ему принадлежат рисунки паркетных полов во дворце, деревянных дверей в Георгиевском и других залах, ковров для комнат, выполненные с использованием декоративных элементов древнерусского искусства (Солнцев — один из основоположников этого декоративного стиля как в прикладном искусстве, так и в архитектуре).

Своеобразным итогом многолетней деятельности художника в Москве стало издание «Памятники Московской Древности» И. М. Снегирева (М., 1842—1845), на титуле которого значится: «С тремя планами Москвы, двадцатью тремя картинками, по рисункам академика Солнцева, отпечатанным красками, и осьмнадцатью гравированными и литографическими рисунками». Эти двадцать три картинки, отпечатанные красками, как и самое издание, тоже принадлежат к числу уникальных. Одновременно Солнцев готовил рисунки для другого грандиозного издания, задуманного все тем же Олениным, — «Древности Российского Государства».

Уже в 1831 году, получая из Москвы все новые и новые рисунки Солнцева, Оленин отмечал: «Сей важный труд, ныне предпринятый по одному городу Москве, если продолжем будет и по другим нашим старинным городам, то, конечно, с пользою послужит к составлению со временем полного курса Русской Археологии, для объяснения старинных обычаев, обрядов, деяний или костюма художникам нашим и даже иностранным».

Как видим, поначалу президент Академии художеств мыслил составить из рисунков Федора Солнцева нечто вроде учебного пособия по русской археологии для художников. И

через десять лет этот замысел в общих чертах сохраняется. Оленин и Солнцев приступают к изданию «Путеводителя в изображениях деяний прошедших веков», на титульном листе которого значилось: «Древности Российского Государства. Рисованы с подлинников академиком императорской Академии художеств Солнцевым, с краткими пояснениями президента сей Академии. Для художников. Приведено к исполнению 11 декабря 1841 г.»

Но своду древностей, к сожалению, не суждено было увидеть свет. В апреле 1843 года скончался Оленин. Художнику пришлось искать новую поддержку, покровительство и необходимые средства на издание. И это ему удалось. По «высочайшему повелению» был учрежден специальный Комитет по изданию «Древностей Российского Государства». Его председателем стал граф С. Г. Строганов, а членами — И. М. Снегирев, М. Н. Загоскин и А. Ф. Вельтман. Люди далеко не случайные. Сергей Строганов — председатель Московского общества истории и древностей российских — археолог, историк, меценат (по его заказу Солнцев сделал проект надгробия летописца Нестора в Киево-Печерских пещерах). Иван Снегирев — историк и собиратель древностей. Михаил Загоскин — историк, романист. Александр Вельтман — писатель, с 1842 года — помощник директора, а с 1852-го — директор Оружейной палаты.

Комитет разработал новый проект издания, во многом отличающийся от предыдущего. Если в оленинском проекте археологический и этнографический материал должен был предстать во всем разнообразии: от кремлевских соборов до народных костюмов, то здесь в основу издания были положены зарисовки Солнцева сокровищ Оружейной палаты и других московских древностей.

Комитет взял на себя подготовку научного и справочного аппарата, составившего шесть отдельных томов. Солнцев готовил главное — рисунки для гравирования и, как оговорено в предисловии, для «многотрудных опытов издания этих рисунков посредством раскрашивания». Опытов, нужно признать, весьма удачных: цветные репродукции в «Древностях» выполнены на высоком полиграфическом уровне.

На первом томе «Древностей Российского Государства» стоит дата — 1849 год, на последнем, шестом — 1853 год. Таким образом, вместе с томами пояснительных текстов, все издание составило двенадцать томов, вышедших тиражом в 600 экземпляров. «Теперь это издание, т. е. полные его экземпляры, составляют большую редкость», — писал сам художник через тридцать лет после выхода первого тома. В наше

время «Древности» Ф. Г. Солнцева — одно из самых редких и ценных художественных изданий.

Открываются «Древности» предисловием, подписанным председателем и членами Комитета — С. Строгановым, М. Загоскиным, И. Снегиревым и А. Вельтманом. «Первое отделение Древностей Российского Государства, — читаем мы в нем, — включает в себя священные памятники: а) Образы и кресты, замечательные как по историческому значению в отношении отечественных событий, так и в художественном отношении разных родов и школ священной живописи. б) Утварь храмовую разных времен, избранную по древности, красоте форм, драгоценности или сродству с священными преданиями. в) Облачение сана духовного — одежды древних всероссийских митрополитов, патриархов и святых отцов — сакосы, фелони, митры и проч.».

Далее таким же образом раскрывалось содержание каждого тома. Если в первом, как мы видели, были представлены в основном копии Солнцева с произведений древнерусской живописи, зарисовки церковной утвари и одежды, то во втором, как значилось в предисловии, собраны предметы «древнего царского чина», рисунки наиболее значимых образов этого чина — от шапки Мономаха, корон и держав до царских становых кафтанов и тронов. Третий том полностью посвящен оружию: от древних шлемов и шишаков до самострелов и пищалей. В четвертом томе собраны образцы русской одежды, как великокняжеской, боярской, так и местной народной. В пятом томе в изобилии представлена древняя столовая утварь: «блюда, братины, кубки, чаши, ковши, кружки, рога, чарки, стопы, сулеи, воронки, крошни, рукомойники и лоханки, серебряные бочки и ведра, росольники, стоянцы и проч.». О последнем, шестом томе сказано: «Шестое отделение состоит из памятников древнего русского зодчества». Это, безусловно, самый ценный том, сюда вошли великолепные акварельные рисунки Солнцева памятников Москвы, Новгорода, Владимира и других городов.

Всего в шести томах представлено пятьсот рисунков Солнцева (из трех тысяч «срисованных» им древностей). Но на этом издание не закончилось. В 1871 году вышло еще четыре тома «Древностей Российского Государства», посвященные Софийскому собору в Киеве и его фрескам.

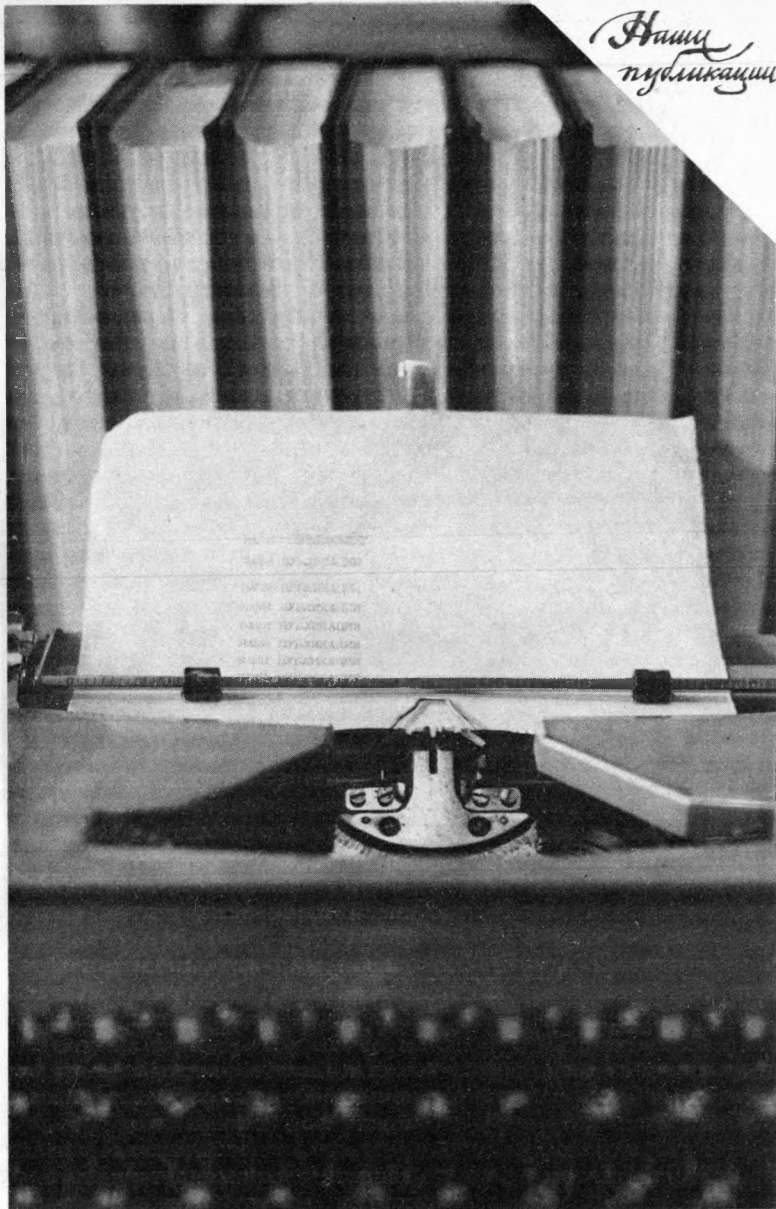
В течение десяти лет (1843—1853) он тщательно обследует и реставрирует Софийские фрески, а затем снимает с них копии, которые позднее и были включены в четыре дополнительных тома «Древностей».

Достоверность и подлинность — вот принципы, которые с

самого начала положил художник в основу своего особого искусства. «До Солнцева,—отмечал в 1883 году его первый биограф Н. П. Собко,—об археологической верности в передаче исторических памятников у нас почти не имели никакого понятия». Художнику удалось добиться «безукоризненной верности рисунка в общем, точности во всех мельчайших подробностях». В этом отношении его рисунки и акварели не имеют себе равных. С 1862 года начали выходить «Христианские древности» В. А. Прохорова, впервые применившего усовершенствованный способ художественной фотолиграфии, а в 1915 году вышли пятнадцать выпусков «Русских древностей по снимкам И. Ф. Борщаговского». Но ни эти, ни другие издания не вытеснили, не обесценили рисунков Солнцева.

О значении «Древностей» Ф. Г. Солнцева лучше всех сказал В. В. Стасов в статье, посвященной памяти художника: «Для художественного познания Древней Руси рисунки Солнцева, появившиеся в „Древностях Российского Государства“, имеют такое же громадное значение, как для научного— „История Государства Российского“ Карамзина. Оба издания явились у нас настоящим откровением».

*Наша
публикация*

Г. Е. БЛАГОСВЕТЛОВ

Среди историко-литературных трудов выдающегося русского советского историка и литературоведа Б. П. Козьмина можно выделить серию статей, посвященных анализу идейных позиций сотрудников подцензурных демократических журналов «Русское слово» и «Дело» — «Раскол в нигилистах» (1928), «Д. И. Писарев и социализм» (1929), «П. Н. Ткачев» (1932), «Н. В. Соколов. Его жизнь и литературная деятельность» (1933), «Н. В. Шелгунов» (1941) и другие. Сюда же можно отнести и публикуемую на страницах «Альманаха библиофила» неизвестную статью Б. П. Козьмина. Она была написана в качестве предисловия к сборнику «Г. Е. Благодетель. Письма и статьи». Подготовку текста и примечаний сборника осуществил Г. В. Прохоров. Б. П. Козьмин редактировал сборник, написал вступительную статью и комментарий к письмам Г. Е. Благодетель к В. О. Португалову. Машинописный оригинал сборника найден в архиве технической редакции издательства «Художественная литература», хранящемся в ЦГАЛИ. Рукопись согласно штампу, стоящему на титульном листе сборника, была разрешена к набору 29 января 1938 года. Однако сборник не был опубликован. Вероятно, его издание предполагалось в последующие годы и выходу в свет помешала война.

Сборник «Г. Е. Благодетель. Письма и статьи» представляет большой научный интерес. Здесь собраны 387 писем Г. Е. Благодетель к 52 адресатам, среди которых — Н. В. Шелгунов, П. Л. Лавров, Д. Л. Мордовцев, С. А. Венгеров, Я. П. Полонский, Ф. М. Решетников, В. Р. Зотов, М. И. Семевский, А. К. Михайлов-Шеллер, Г. П. Данилевский, П. Н. Ткачев, Н. В. Гербель, Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, М. А. Марко-Вовчок, И. С. Никитин, В. И. Немирович-Данченко, Д. И. Писарев, Г. Н. Потанин и другие.

Эпистолярное наследие Г. Е. Благодетель содержит бесценные, ничем не восполнимые сведения по истории подцензурных демократических журналов «Русское слово» (за 1859—1866 годы) и «Дело» (за 1866—1880 годы): подготовки к выходу в свет, предполагавшегося содержания, цензорских изъятий, а также сведения о редакторской деятельности самого Г. Е. Благодетель, его жизни и творчестве. Исключительно важное значение имеют письма Г. Е. Благодетель для установления авторства многих анонимно и под псевдонимами опубликованных в «Русском слове» и «Деле» статей, рецензий, библиографических заметок, внутренних обзоров.

В сборник включены также 15 литературно-критических и 8 полемических статей Г. Е. Благодетель, анонимно и под псевдонимами помещенных им на страницах периодической печати в 1856—1880 годы и ни разу не переиздававшихся. Введение в научный оборот этих источников позволит уточнить характер эволюции мировоззрения их автора. По этому вопросу в исследовательской литературе бытуют различные мнения. Одни исследователи

относят Г. Е. Благосветлова к сторонникам левого, революционно-демократического направления, другие — к представителям умеренного, эволюционизировавшего к либерализму, крыла русской разночинной демократии 60—70-х годов XIX века. По существу, за вопросом о характере демократизма воззрений Г. Е. Благосветлова стоит сложная, неоднократно поднимавшаяся в научной периодической печати особенность эволюции народнического (в широком смысле этого слова) демократизма.

В этом отношении несомненный интерес представляет публикуемая статья — предисловие Б. П. Козьмина, в которой дается анализ социально-политических и эстетических воззрений Г. Е. Благосветлова. Статья дополняет и развивает точку зрения Б. П. Козьмина, впервые высказанную им в статье «Г. Е. Благосветлов и „Русское слово“» («Современник», 1922, № 1). На основе изучения писем и статей Г. Е. Благосветлова, помещенных в сборнике и вошедших в собрание сочинений публициста.

Статья воспроизводится по машинописной визированной рукописи*.

Григорий Евлампиевич Благосветлов — одна из наиболее ярких и колоритных фигур в истории русской журналистики XIX столетия. Вся его жизнь неразрывно связана с журналистикой, которые он издавал и редактировал («Русское слово» и «Дело»). Работе журналиста он отдал более двадцати лет своей жизни.

О Благосветлове писали немало как при его жизни, так и после смерти. При этом редко кто из писавших помянул его добрым словом. Почти все упоминавшие о Благосветлове отзывались о нем как о дельце, создавшем себе весьма значительное состояние на журнальном деле. Сотрудники его журналов рассказывали, как туг был Благосветлов на выплату им гонорара, как грубо обращался он с ними и как бесцеремонно относился он к их рукописям, без ведома авторов вычеркивая в них то, что ему не нравилось, и вставляя в них такие выражения, фразы и абзацы, которые были совершенно неприемлемы для авторов. В печати неоднократно передавались рассказы о том, как однажды Благосветлов послал П. И. Вейнбергу, просившему о выплате причитавшегося ему гонорара, рваный рубль с надписью: «На бедность», или о том, как он позволил себе рукоприкладство по отношению к рабочим своей типографии. Сомневаться в достоверности этих и других аналогичных рассказов не приходится. Грубость Благосветлова, его жадность и эксплуатация им своих сотрудников подтверждается неоспоримыми документами.

Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть письма Н. В. Шелгунова, одного из ближайших сотрудников благосветловских журналов, человека, которым Благосветлов очень дорожил и который в свою очередь был привязан к Благосветлову и умел мягко и снисходительно относиться к его недостат-

* ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, д. 5660—5663.

кам, цена в нем полезного журнального работника. В письмах к своей жене Шелгунов неоднократно жаловался на то, что Благовестлов задерживает выплату гонорара, не считая даже нужным отвечать на письма с повторными просьбами о высылке денег. Жалобы на Благовестлова прорывались в письмах Шелгунова не только к жене, но и к посторонним людям. «Есть еще одно огорчающее обстоятельство чисто денежного свойства,— писал Шелгунов в 1876 году М. К. Цериковой,— хозяин обижает в расчете. Тяжело было мне сказать это!.. Душа вся выворачивается, так обидно»¹. Не меньше, чем Шелгунова, эксплуатировал Благовестлов и такого исключительно ценного для него сотрудника, которого он имел в лице Д. И. Писарева. Вынужденный во время своего заключения в Петропавловской крепости поддерживать своим литературным трудом мать и сестер, Писарев однажды писал Благовестлову: «Бесстыжие твои глаза, ты меня огрел при расчете на 77 р. 50 к. сер[ебром], которых тебе не подарю ни за какие коврижки»². Жадность Благовестлова и эксплуатация им своих сотрудников послужили одной из причин разрыва между ним и его ближайшими сотрудниками по «Русскому слову» — Д. И. Писаревым, В. А. Зайцевым и Н. В. Соколовым. В конце 1865 года эти писатели, своими трудами создавшие «Русскому слову» ту популярность, которой в то время пользовался этот журнал, были вынуждены порвать свои отношения с «Русским словом» и его руководителем.

Когда мы вспоминаем о Благовестлове, то невольно напрашивается сопоставление его со знаменитым эксплуататором писательского труда — с А. А. Краевским. Как и Благовестлов, Краевский сумел нажить весьма значительный капитал на литературном предпринимательстве. Однако сходство между этими двумя журнальными деятелями исключительно внешнее. Наряду с делячеством другой основной чертой, характеризующей Краевского, была его возведенная в принцип беспринципность. Краевский умел держать нос по ветру и обладал способностью своевременно угадывать приближающуюся перемену направления ветра. Вспомним подлую статью, которой реагировал Краевский на революцию 1848 года на Западе на страницах своего журнала «Отечественные записки», с которых еще недавно раздавалась пламенная проповедь Белинского. Вспомним о том, как с течением времени эволюционировало направление газеты «Голос», основанной Краевским на субсидию, получаемую от правительства, а позднее, по мере того как входил в моду либерализм, превратившуюся в орган умеренного либерализма. Хорошо известно также и то, что Краевский находил возможным в 70-х годах

выступать одновременно издателем и умеренно либерального «Голоса», и народнических «Отечественных записок». Все это было возможно лишь потому, что Краевский подходил к литературе исключительно как к источнику наживы.

Совершенно иным человеком был Благосветлов. В отличие от Краевского он обладал сложившимся мировоззрением и смотрел на свои журналы как на средство популяризации своих идей и проведения их в жизнь. Несмотря на жестокие преследования, которым подвергались редактируемые им журналы со стороны цензуры, и на неприятности, которыми иногда грозила лично Благосветлову его журнальная деятельность, он в основном оставался верен тому направлению, которое было избрано им. Многими недостатками обладал Благосветлов, но в политической нечестности его не могли обвинять даже враги. Эта верность Благосветлова своему знамени была хорошо известна и правительству. Недаром, когда Благосветлов принялся за издание журнала «Дело», цензура и III отделение заранее предвидели, что этот журнал по направлению будет верным продолжателем «Русского слова». Правда, «Дело» не отличалось той яркостью и тем боевым темпераментом, какие были присущи «Русскому слову». Однако этого обстоятельства поставить в вину руководителю «Дела» нельзя; причиной этого были главным образом цензурные условия, в которых находился журнал. До конца дней своих «Дело», несмотря на неоднократные хлопоты Благосветлова, не могло освободиться от предварительной цензуры. Мало того, петербургский цензурный комитет установил особый порядок рассмотрения материалов, предназначенных для напечатания в этом журнале. В целях усиления надзора за благосветловским журналом все статьи, представляемые редакцией «Дела», не только рассматривались цензором, прикрепленным к этому журналу, но и обсуждались на заседаниях цензурного комитета. Бывали номера, в которых цензура вычеркивала десятки печатных листов, и Благосветлову приходилось всячески изощряться, чтобы заткнуть чем-нибудь образовавшиеся дыры. Немудрено при таких условиях, что порой номера «Дела» отличались, как отмечала критика того времени, тусклостью и бесцветностью. Цензурные преследования доводили Благосветлова до бешенства, но не могли сломить ни его энергии, ни решимости не изменять принятого направления и не делать уступок врагам. Правда, бывали минуты, когда он ослабевал в неравной борьбе. Сотрудники «Русского слова», порвавшие, как мы уже упоминали выше, с этим журналом в 1865 году, упрекали Благосветлова, между прочим, в слабости и уступчивости, проявленных им по отношению к цензуре. Трудно

определить, насколько справедливы и заслужены были эти их упреки. Если в данном случае Благовестлов и допустил чрезмерную осмотрительность, то весьма вероятно, что она вызывалась вполне реальной опасностью, грозившей его журналу, и носила временный характер. Вспомним, что как раз те номера «Русского слова», которые вышли после этого разрыва, вызвали сперва предостережения со стороны цензурного ведомства, затем временную приостановку «Русского слова» и, наконец, после неудачного покушения Каракозова на царя, совершенное закрытие этого журнала и запрещение Благовестлову заниматься редакторской деятельностью. Чтобы возобновить прерванную таким образом журнальную деятельность, Благовестлову пришлось прибегнуть к услугам подставных редакторов. Сборники «Луч», которые Благовестлов пытался издавать в 1866 году вместо закрытого журнала «Русское слово», выходили под редакцией П. Н. Ткачева, а журнал «Дело» имел своим официальным редактором бесцветного Н. И. Шульгина. Но и это не спасло положения, так как цензурное ведомство было прекрасно осведомлено о том, кто скрывается за спинами Ткачева и Шульгина.

Общественно-политические взгляды Благовестлова сложились не сразу. Они развивались вместе с развитием общественной жизни в России его времени и под непосредственным влиянием ее. Начало литературной деятельности Благовестлова совпало с тем оживлением, которое после мрачных лет царствования Николая I появилось в русском обществе в непосредственной связи с неудачами, понесенными русскими войсками в Крымскую войну и раскрывшими полное бессилие и разложение векового крепостнического уклада жизни. В 1856 и 1857 годах в «Отечественных записках», «Общезанимательном вестнике» и «Сыне отечества» появляются первые статьи Благовестлова. Эти статьи, а также письма его, относящиеся к тому же периоду, дают нам возможность ознакомиться с тогдашними мыслями и убеждениями будущего редактора «Русского слова»³.

Можно уже тогда отметить две особенно характерные черты в мировоззрении Благовестлова: во-первых, ненависть к барству и, во-вторых, глубокую симпатию к Западу и резко отрицательное отношение к славянофильству. И то, и другое проявилось у Благовестлова уже в его ранние годы и сохранилось на всю жизнь. Плебей по происхождению, Благовестлов глубоко ненавидел и презирал господствовавший класс. Эта ненависть особенно выросла в нем, когда он сам сделался жертвой интриги со стороны одного из аристократов и в результате ее лишился тех преподавательских мест, которые

он занимал. В течение долгого времени Благосветлов приходил в бешенство при воспоминании об этой вопиющей несправедливости и раздражался негодующими тирадами против «мерзавцев, достойных костров, темниц, цепей и рабства», против «пресмыкающихся тварей и подлых лакеев придворного крыльца», угрожая им приближением гибели их власти и могущества⁴...

Несмотря на свою ненависть к аристократии, Благосветлов в 1856—1857 годах далеко еще не был тем последовательным демократом и радикалом, каким стал впоследствии. В это время он еще разделял либеральные иллюзии и надежды на прогрессивную роль правительства, столь распространенные в русском обществе тех лет. Как видно из его письма к Семевскому от 17 июня 1856 года, Благосветлов верил в «великодушие» царя и в благодетельность «планов доброго монарха». Для политических настроений Благосветлова этих лет характерно сочувственное отношение его к деятельности Каткова. Рекомендуя переехавшему в Москву Семевскому сблизиться с издателем «Русского вестника», Благосветлов писал: «Катков очень умный человек, и его общество состоит из людей, отлично развитых и любящих отечество и науку так, как ее надобно любить» (письмо от 24 декабря 1855 года). Политическое и литературное значение выступления Н. Г. Чернышевского не было в то время понято и оценено Благосветловым. В январе 1856 года он поместил в «Отечественных записках» Краевского статью «Взгляд на русскую критику», являющуюся прямым выпадом против «Современника». Прослеживая критическую деятельность «Современника» за все время его существования, Благосветлов приходил к неверному выводу, что художественная критика этого журнала лишена «положительных начал», отличается совершенной произвольностью и случайностью и «противоречит себе на каждом шагу». К этому Благосветлов прибавлял, что в ряде случаев «Современник», по его мнению, «хвалил или унижал писателей под влиянием личных побуждений и оскорбительно пристрастия». Указание Благосветлова на наличие противоречивых оценок на страницах «Современника» не было лишено основания, но причина этой противоречивости будет вполне понятна нам, если мы вспомним историю этого журнала, редакция которого за время его существования неоднократно менялась, в связи с чем изменялось и его направление. При этом замечания Благосветлова не отличались оригинальностью: в своей статье он лишь повторял критические выпады, которые неоднократно делались «Отечественными записками», постоянно враждовавшими с «Современником», начиная с того

времени, как порвавший с Краевским Белинский перешел в журнал Некрасова и Панаева.

Уничтожающий ответ на эти выпады «Отечественных записок» был дан еще в 1854 году Чернышевским в статье «Об искренности в критике»⁵.

Значение статьи Благовестлова ослаблялось и тем, что, нападая на «беспринципность» некрасовского журнала, Благовестлов оказался не в состоянии установить те «положительные начала», которыми, по его мнению, должна руководиться литературная критика. Благовестлов нападает на эстетическую критику, указывая, что ее руководящий принцип — «идея изящного» — не поддается точному определению. По мнению Благовестлова, литературная критика только тогда приобретает значение, когда она из набора случайных и произвольных суждений и оценок превратится в науку, руководящуюся строго определенными принципами. Каковы должны быть эти принципы, Благовестлов не определяет. Он ограничивается указанием на то, что при изучении литературных явлений, уже утративших «современное значение», необходимо прибегать к «критике исторической», то есть изучать деятельность писателя в связи с его эпохой, ибо «литератор, до каких бы колоссальных размеров ни простирался его гений, в известной степени всегда зависит от своего века». Но как же быть критику, если ему приходится иметь дело с произведением, еще не утратившим «современного значения»? Какими принципами должен руководствоваться он в оценке их? Ответа на этот естественно возникающий у читателя вопрос Благовестлов не давал, обходя его полным молчанием. Возможно, в то время у него самого не было еще вполне сложившегося мнения на этот счет.

В 1857 году Благовестлов уехал за границу, где провел более трех лет. Он посетил Францию, Англию и Швейцарию. Некоторое время прожил у Герцена. Внимательно присматриваясь к западноевропейской общественной жизни, он все эти годы продолжал сотрудничать в русских журналах, а с 1859 года сделался постоянным сотрудником «Русского слова». В 1860 году он возвратился в Петербург для того, чтобы по просьбе издателя этого журнала гр. Г. А. Кушелева-Безбородко принять на себя его редактирование.

Годы пребывания за границей оказали громадное влияние на развитие мировоззрения Благовестлова, закрепив в нем глубокое преклонение перед «демократическими» началами политической жизни западноевропейских стран.

Однако он далеко не сразу расстался со своими прежними

надеждами на либерализм русского правительства, возглавляемого «благожелательным» царем. «С именем нашего доброго государя,— писал Благосветлов в 1857 году своему другу В. Попову,— Европа соединяет великолепные надежды, но уже начинают в умах резких возникать сомнения, и не дай бог, если повернется общий голос назад». Эти либеральные иллюзии сохранились у Благосветлова до крестьянской реформы 1861 года. Накануне объявления манифеста о «воле», 4 марта 1861 года, он писал Д. Л. Мордовцеву: «Завтра объявляют крестьянскую волю: падаю на колени и молюсь,— молюсь в первый раз в жизни,—или проклинаю все, что живет и дышит... Минута страстного ожидания. Тайны еще никто не знает. Да выручит же нас судьба — хоть один раз». Как видим, Благосветлов в это время еще не понимал, что вырабатываемая правительством реформа не может не быть «мерзостью», как говорил Чернышевский. Однако дальнейшая политика правительства, явно вступившего на реакционный путь, открыла глаза Благосветлову. Уже в марте 1862 года он писал тому же Мордовцеву: «Иллюзии на какие-то высшие благодеяния наших администраторов начинают отрезвляться; общественное мнение требует действительного дела, а не обещаний».

Вывавшись из России, Благосветлов жадно присматривается ко всему, что развертывалось у него перед глазами. В то же время он усердно изучает историю, политические, юридические и экономические науки.

...Под непосредственным влиянием Запада сложился политический идеал Благосветлова, который Шелгунов формулирует словами: «Свободный человек в свободном государстве». Только в «свободном» государстве человеческая личность может получить возможность всестороннего развития, признание необходимости которого являлось центральной идеей в системе политических взглядов Благосветлова. Для Благосветлова «самая общественность есть плод индивидуального развития личности»⁶.

С признанием такого исключительного значения личности тесно связано признание умственной деятельности главным фактором развития общественной жизни.

Благосветлов был глубоко убежден, что знание — сила и что человеческий разум может при наличии благоприятных условий изменить весь социально-политический строй и избавить общество от тех страданий, которым оно подвержено в настоящее время. По мнению Благосветлова, имеются две главные силы, управляющие ходом событий в человеческом обществе: сила материальная и сила идеи. Прогресс сводится к

возрастанию значения второй из них и постепенному уменьшению влияния первой. «...Мы начинаем чувствовать,— писал Благовестлов,— что степень умственного развития в народе определяет степень его материального счастья, социального прогресса, успеха его реформ и более или менее быстрого движения к своей цели. Поэтому образование масс становится одним из первостепенных вопросов нашего времени»⁷. Благовестлов был горячим сторонником демократизации науки и широкого распространения ее в народных массах. Если образование доступно только одной части народа и закрыто для другой, то общество представляет собою подобие трупа с горячей головою и холодными ногами. Такое одностороннее образование приносит больше вреда, чем пользы. Бедняку наука нужна не менее, а даже более, чем богатому. «Капиталист, обеспеченный в своих нуждах, часто не знающий ни труда, ни желания трудиться, спокойно может остаться в положении недоросля, но ремесленник, достающий себе (насущенный) кусок хлеба поденной работой, должен подумать и о своем образовании, потому что оно облегчает его физический труд, сокращает время труда и ставит его выше той машины, у которой он нередко проводит целую жизнь»⁸. Итак, «знание, как воздух, должно быть достоянием всех и каждого»⁹.

Исходя из этих соображений, Благовестлов резко отрицательно относился к официальной науке, жрецы которой стремятся спрятаться в своих кабинетах от треволнений общественной жизни. Еще в одной из ранних своих статей («Современное направление русской литературы», в № 1 «Общезанимательного вестника» за 1857 год) Благовестлов указывал, что наука должна служить «святым интересам народного блага». А через несколько лет после этого в письме к Мордовцеву (от 4 марта 1861 года) он писал: «Когда я вижу кругом себя 60 миллионов грязных тулупов и лаптей и беру книгу г. Буслаева, она отталкивает меня от себя, как труп, как могила, без симпатичного звука и слова. Черт ли в том, что эти добрые люди корпят в своем святейшем кабинете по несколько лет и потом напишут два или три тома. Для меня одна строчка Г[ерцена] дороже всей публичной библиотеки,— дороже потому, что идет в самую жизнь и зовет к новой жизни... Творцы нашей науки впереди; но нам нужны деятели живые, с сочувствием общественным интересам, с искренней любовью к народному делу».

Благовестлов ценил знание как средство развития личности. Крайний индивидуалист, он был готов сущность всего общественного процесса свести к вопросу о развитии индивидуальности. Прогресс, по его мнению, заключался в «полном

гармоническом развитии всех данных человеку сил как физических, так и нравственных». «Эта гармония есть неперемненное условие правильной деятельности человека, как свободного разумного существа. Всякое отклонение от нее в ту или другую сторону составляет уродливый факт, как следствие насилия над природой или нарушения ее естественных законов»¹⁰.

Высоко ценя распространение образования в народных массах, Благосветлов в то же время находил, что оно может оказать народу действительную помощь только «в соединении с благоприятными общественными условиями». Прежде чем распространять знания, необходимо создать в народе потребность в них. А эта потребность является у человека лишь после того, как он будет «сыт, одет и свободен»¹¹.

В письме к М. Селенкиной, автору напечатанного в «Деле» рассказа «Сашенька Кропачева», героиня которого жертвует своим обеспеченным материальным положением из желания служить народу и идет в сельские учительницы, Благосветлов писал: «Пока не сложатся другие социальные условия, образование массы будет одним желанием без результата и плода. К образованию возбуждает хорошим материальной обстановкой, от которой наш народ еще очень далек». Вот почему, по его мнению, Сашенька Кропачева «делает не то, что нужно делать».

В своих статьях и письмах Благосветлов неоднократно указывал, что социальный вопрос является наиболее важной проблемой современности и что на разрешение его должны быть направлены все усилия «мыслящих людей». «Более пятидесяти лет социальный вопрос тревожит Европу,— писал он в 1859 году в статье „О том, что может содействовать развитию ремесленного класса во Франции“,—лучшие умы работают над его решением; лучшие результаты нашей эпохи принадлежат ему; он овладел современными интересами и воплотился во всевозможные формы: политика, литература и философия дышат его жизнью, как в средние века они дышали религиозным принципом». Перед задачей облегчения участи миллионов трудящихся людей, указывал Благосветлов в другой статье, «все другие вопросы, занимающие наше поколение, невольно меркнут, все наши стремления и надежды кажутся далекими мечтами». Если развитие индивидуума в конечном счете заключается в достижении гармонии всех его сил, то прогресс общества выражается в стремлении к гармоническому развитию всех сил общества. Исходя из этого, Благосветлов приветствовал все яснее проявляющиеся тенденции «уравнения состояний»¹². Характерно, что Благосветлов ставит в вину Боклю недостаточное внимание к социальным

условиям жизни человечества, проявляемое этим столь популярным среди русской интеллигенции 60-х годов мыслителем. «Человек страдает гораздо больше от подобного же ему человека, чем от природы,—этими несколькими словами,—говорит Благодетелов,—определяется глубокий смысл падших и возникающих цивилизаций»¹³.

Преклоняясь перед политическим устройством Англии и перед той громадной силой, которой обладает в этой стране общественное мнение, Благодетелов не закрывал глаз на темные стороны английской жизни. «Мы вынесли из своего трехлетнего путешествия по Европе,—писал он,—самые лучшие воспоминания об англичанах... Народ мы любим и уважаем; знаем, что никто не внес столько сокровищ в общечеловеческое развитие, как англичане, но ни одно правительство не совершило на пути своей истории столько злодеяний, как английское». И главное из этих злодеяний—равнодушие к социальному вопросу. К сожалению, в этом отношении мертво и общественное мнение Англии. Экономический строй этой страны зиждется на борьбе и конкуренции, создающей рабство труда и власть капитала. В общественной жизни Англии необходимо различать политическое начало и социальное. «Прогресс первого пропорционален отсталости второго»¹⁴.

«Новое общество должно устроиться посредством труда и для труда» — к такой формуле Благодетелов сводил разрешение социальной проблемы. Это общество будет полной противоположностью современного, основанного на ложных экономических началах, ведущих к напрасной потере человеческих сил в общественной экономике и понижению производительности труда. «Есть отрасли занятий, не имеющие никакого экономического смысла, есть целые сословия, обреченные в силу самого status quo на бездействие; они не только не производят, но разрушают производительность других. Эти категории людей обременяют общество по самому положению своему»,—писал Благодетелов в статье «О том, что может содействовать развитию ремесленного класса во Франции».

Признавая несовершенство современного социального строя, необходимость реформировать его, Благодетелов не мечтал о полном его уничтожении. Социалистом он не был. Свое отношение к различным системам утопического социализма того времени он выразил всего яснее в рецензии на «Курс политической экономии» Молинари. Он упрекал социалистов в нереальности их планов и проектов, в желании «по магическому жезлу воздвигнуть новое здание, не расчистив для него места, не приготовив ни плана, ни строителя».

Теории утопистов казались Благосветлову противоречащими принципу свободы человеческой личности.

Благосветлов был готов примириться с основами современного социально-экономического строя и удовольствоваться системой различных мероприятий, могущих, по его мнению, поднять благосостояние трудящихся. При этом он предпочитал мирный путь преобразования общества революционному. «Дайте народу,— говорил он,— в свое время и сполна все, чего требует известный период его жизни, и он не выйдет из границ мирного течения...» К сожалению, чрезмерная централизация вовсе к этому не способна. Благосветлов не терял надежды на то, что представители господствующего класса поймут, насколько выгодно для них самих неотложное удовлетворение насущных потребностей трудящегося и обездоленного люда. «Человек практический, мало-мальски неглупый,— писал он в статье „Новые вариации на старую тему“,— всегда хорошо понимал, что накормить рабочего сытным обедом, вылечить его во время болезни, выучить грамоте его сына — значит оказать благодеяние не столько ему, сколько самому себе. Рабочий сытый работает больше и лучше, следовательно... выгоднее пользоваться трудом здорового батрака. Этой простой истины не понимали только самые тупые из стяжателей».

Социальным реформизмом Благосветлова определялись и его политические воззрения. Та или иная форма государственного устройства являлась для него не самоцелью, а лишь более или менее пригодным и подходящим средством для достижения благосостояния народа.

Исходя из этих соображений, Благосветлов придавал исключительное значение общественному мнению в политической жизни. Создание могущественного общественного мнения, противостоящего царскому правительству, контролирующего его деятельность и обуздывающего его в тех случаях, когда это необходимо, представлялось Благосветлову наиболее важной задачей. Он не понимал, что в классовом обществе «общественное мнение» неизбежно имеет классовый характер и мечтал о том, чтобы оно выражало интересы не одних только господствующих классов, но всего народа.

Громадное значение придавал Благосветлов в этом отношении журналистике. Она не только является выразителем общественного мнения, но и создает его и руководит им. Взгляд Благосветлова на роль и значение журналистики делает понятным, почему он с такой готовностью откликнулся на предложение Кушелева-Безбородко взять на себя редактирование «Русского слова» и почему, вступив на путь журнали-

ста, он до самой смерти своей не сходил с него. На журнальную деятельность он смотрел как на общественное служение.

В России, по мнению Благовестлова, журналистика имеет особенно важное значение. Если и на Западе общественное мнение далеко еще не играет той роли, которая должна принадлежать ему, если и там оно до сих пор отражает мнение только господствующих классов, а не всей нации, то в России дело обстоит еще хуже. При неразвитости общественной жизни страны и при ее азиатских политических порядках общественное мнение лишено какого бы то ни было значения. Правительство не находит нужным считаться с ним. И это естественно, ибо вследствие своей несознательности и косности русское общество не понимает необходимости бороться за свои интересы. Русское общество, по его выражению, находится в состоянии *perpetuum immobile* и характеризуется бессилием ума и воли («Литературный палач о пропаже российской философии». — «Русское слово», 1861). «Мы, русские,— писал Благовестлов в другой статье,— [например,] если каждого из нас рассматривать индивидуально, оказываемся народом добрым, сердечным, способным воспринимать все порядочное; но как общественная личность мы являемся недорослем, которому нужна посторонняя помощь даже в том случае, когда нужно положить каши в рот»¹⁵.

«Для того чтобы поднять материальный и культурный уровень нашего народа,— писал Благовестлов в 1864 году,— необходима продолжительная работа. Но где найти сил для нее? Что бы ни говорили славянофилы, в нас самих этих сил нет. Опыт убедил нас, что пока мы жили для самих себя и все творили из самих себя, творчество наше не пошло дальше „Домостроя“. Надо бросить все разговоры о саморазвитии, „почве“, самобытности ума и т. д., пора убедиться, что эти разговоры ни к чему хорошему нас не привели... Открытый за нами нет никаких; участия в общем труде мы пока не предъявляли, великих идей не изобретали,— так к чему же послужили нам восемь веков нашей самобытности? И что такое за сокровище, которое надо хранить за тридевять земель от растленного Запада? Да и кому нужно покушаться отнять у нас самобытность, из которой сами не бог знает что сумели сделать? С другой стороны, лучшие представители нашей мысли и вся образованная часть общества понимали, что умственному развитию России всегда помогала Европа: только мы не всегда умеем пользоваться ее готовой работой и претворять ее в свое добро. Противодествовать этому направлению — значит не только тащить общество назад, но и отнимать у него возможность идти куда бы то ни было.

Суровый наш труд пока в том и состоит, чтобы перенести из Западной Европы как можно больше материалов для своего развития и, при удобном случае, ввести их как активную силу в действенную жизнь»¹⁶.

В этих словах Благосветлова сформулированы в сжатом виде основные пункты программы его журнала. Издатель и редактор «Русского слова» и «Дела» ставил главной задачей издаваемых им органов прессы распространение в России и популяризацию новейших достижений западноевропейской научной и общественной мысли в лице ее лучших и наиболее передовых представителей.

Враги Благосветлова из реакционного лагеря с пренебрежением (в значительной мере только показным) относились к его журналам, отзываясь о них как об органах прессы, издающихся для «мальчишек», «зеленых гимназистов» и т. п. Но то, что враги высмеивали как недостатки, в глазах самого Благосветлова было большим достоинством его журналов. Он сознательно стремился придать им максимально популярный характер. В этом отношении чрезвычайно интересны письма Благосветлова к П. Л. Лаврову.

Получив от последнего в 1877 году научную хронику для напечатания в «Деле», Благосветлов нашел, что она «слишком серьезна и недоступна бедным мозгам наших читателей», «Вы, вероятно, забыли этого пошлого болвана, растянувшегося от одного полюса до другого, во всю ширь земного шара,— писал Благосветлов Лаврову.— Ведь он, как и прежде, не разрезывает в журналах серьезных статей, если они не посыпаны солью и перцем. В этом отношении роль русского журналиста самая трудная и неблагодарная; он имеет дело не с образованной и любознательной публикой, а с отупевшим Митрофаном, которого надо развлекать, чтобы учить, будить, чтобы заставить читать».

В следующем письме к Лаврову Благосветлов вновь возвращается к этому же вопросу и пишет: «Главная моя просьба к вам, Петр Лаврович, дать возможно более популярную форму, говорить с нами, как с 8-летними детьми. Иначе не станут читать и не будут понимать».

Если образованная часть русского общества представлялась Благосветлову невежественным Митрофаном, то с еще большим недоверием относился он к крестьянству, расходясь в этом отношении с современными ему народниками, которые верили в то, что в русском народе заложены особые силы и возможности. Не верил он и в возможность крестьянской революции в России, по крайней мере в ближайшие годы. Ученик Благосветлова и сотрудник «Русского слова»

Н. Н. Фирсов рассказывает в своих воспоминаниях, что Благосветлов весьма скептически относился к крестьянству, говоря, что у русского мужика «мозги в бане безнадежно распарены» и т. п.¹⁷ Естественно, что при таком взгляде на крестьянство Благосветлов не мог не отнестись отрицательно к тем своим современникам, которые «пошли в народ» в расчете вызвать его на революцию. Благосветлов сочувствовал благим намерениям этих людей, но считал все их усилия бесплодными. В одном из писем к Лаврову он писал о тех, кто «шел в народ»: «Зачем, для чего, с чем — все это не уяснено, не передумано и спутано. Этих бойцов жалко, потому что это даром погибшие силы».

Придавая второстепенное значение формам государственного устройства, видя ряд недостатков в парламентском устройстве западноевропейских государств, Благосветлов в то же время был убежденным противником русского самодержавия. Английская конституция «при всех ее несообразностях, — писал он, — неизмеримо лучше японской автократии»¹⁸. Откровенная правительством конституция также не прельщала его. В 1877 году, когда в обществе распространились слухи, что русское правительство подготавливает конституцию, он писал Лаврову: «Какая горькая ирония над русским обществом: и конституцию-то ему нужно дать по высочайшему повелению. До чего может обесмыслить человека долговременное рабство! А дать ее надо, потому что правительство уперлось лбом в стену и не может идти ни взад, ни вперед. Экономическая неурядица до того безвыходна, что другого спасения нет, как броситься в объятия назревающей русской буржуазии».

Русское правительство хорошо знало, что в лице Благосветлова оно имеет врага и внимательно следило за каждым его шагом. Почти всю свою жизнь Благосветлов находился под «тайным», но весьма докучным для него надзором полиции. Нужна была исключительная твердость и преданность убеждениям для того, чтобы, несмотря на преследования правительства, вести «Русское слово» и «Дело» в избранном Благосветловым направлении.

Необходимо еще остановиться на литературно-критических взглядах Благосветлова. Благосветлов не был литературным критиком. Эта роль в его журналах принадлежала первоначально Д. И. Писареву и В. А. Зайцеву, а позднее П. Н. Ткачеву и отчасти Н. В. Шелгунову. Однако за время своей литературной деятельности Благосветлов опубликовал ряд критических статей, и эти статьи показывают, что по эстетическим своим воззрениям, так же как и по политическим, Благосветлов во многих отношениях был типичным

представителем радикальной «разночинной» интеллигенции своего времени. Мы говорили уже, что в одной из первых своих статей Благодетель выступил против эстетической критики с ее теорией «искусства для искусства». Уже в этой статье Благодетель указывал на необходимость трезвой связи между искусством и общественной жизнью. Такому взгляду он остался верен и в последующих своих статьях.

«Поэт нашего времени,— писал он в 1868 году поэту Д. Н. Садовникову,— не может быть поэтом, если он не соединяет в себе мыслящего человека с выразителем мирового горя. Петь для песни — это уже отжившая и давно мертвая теория». Художник и мыслитель, по мнению Благодетеля, занимают одним и тем же делом: оба они изучают жизнь в ее разнообразных проявлениях и стремятся объяснить мир. Главное различие между ними — «в процессе выражения». Художник облекает идею в образы и картины, ученый — в логически обоснованные выводы и гипотезы. Есть между ними и другое различие, которое, однако, со временем, по мере распространения просвещения в массах, исчезнет: художник обращается «к большинству публики», ученый — к самому ограниченному кругу читателей.

«Истинный художник настоящей эпохи,— писал Благодетель в статье „Виктор Гюго и его последний роман“,— должен стоять по развитию гораздо выше философа или публициста уже потому, что сфера его наблюдений гораздо шире, чем у последних, и что он... разъясняет и передает нам в осязательной форме то, что думают и чувствуют бессознательно миллионы окружающих его людей. Ему не должны быть чужды ни житейские волнения, ни преобладающие страсти общества, ни обыденные нужды, ни будущие стремления, ни корысть, ни битвы, ни горе, ни радость современного ему поколения».

Еще более резко вопрос об отношении художника к действительности был поставлен Благодетелем в статье «Старые романисты и новые Чичиковы», где он высказал свое мнение о дворянских беллетристах, «людях 40-х годов» и, в частности, о Тургеневе.

«С того момента,— писал Благодетель,— как писатель разошелся с лучшими стремлениями своей эпохи, перестал понимать общественные потребности ее, он умер для нас безвозвратно... В таком именно положении находятся наши беллетристы 40-х годов, воспитанные критикой Белинского и отодвинутые на задний план критикой реальной... Ожидать чего-нибудь — не говорю, освежающего, а мало-мальски осмысленного и сносного от гг. Писемского и Григоровича — это

значило бы сеять на голом камне и надеяться на обильную жатву». Этих писателей, по мнению Благовестлова, пора «сдать в архив исторических редкостей». Их судьбу должен разделить и Тургенев: «Никто из них не отслужил своей службы чистому искусству так верно и с таким блестящим успехом, как он, этот любимец провинциальной барышни... Те сильные страсти, те роковые катастрофы, которые разыгрываются среди обыкновенной и вовсе не изящной толпы, мучимой не эфемерными страданиями салонной развратницы, а действительным человеческим горем,—Тургеневу неизвестны».

Благовестлов требовал от художника не только связи его произведений с жизнью, но и идейности их. На этом основании он резко отвергал натурализм во вкусе Эмиля Золя, называя его «реализмом в самом пошлом значении этого слова». От истинного реалиста, по мнению Благовестлова, мы вправе требовать не только соответствия изображаемых им характеров и событий с действительностью, но и «освещения мыслью». «Если бы только в точности наблюдения и в правде судебно-медицинского протокола состояла задача реальной школы,—писал Благовестлов в статье „Критик без критической мерки“,—то великих художников надо было бы искать не в литературе и не в искусстве, а в препаровочных и в полицейских участках». Право писателя на внимание критики и потомства обуславливается, по выражению Благовестлова, «интеллектуальным содержанием» его произведений, его убеждениями и направлением.

Из этих общих соображений вытекало и отношение Благовестлова к вопросу о тенденциозности художественных произведений. «Тенденция, если только писатель под нее не подделывается,—писал Благовестлов в той же статье,—не пускает ее в оборот, как фальшивую монету, есть результат нашего умственного развития, неотразимая потребность всего нашего нравственного существа». «Только определенное направление мысли и сосредоточенное чувство,—заклучал Благовестлов,—дают писателю отличный характер, ясно выраженный нравственный тип. Далее идет уже безличная, бесцветная и постоянно шатающаяся богема».

Таким образом Благовестлов отстаивал искусство идейное, боевое, направленное к переустройству жизни на более совершенных началах. Лозунгу «искусство для искусства» он противопоставлял лозунг «искусство для человека» и отводил искусству, как и науке, подсобную, служебную роль в общественной жизни.

Применяя эту точку зрения к современной ему русской литературе, Благовестлов приходил к весьма печальным для

нее выводам. В статье «Современное направление русской литературы» Благосветлов указывал как на главный недостаток «русской словесности» отсутствие в ней «живого и трезвого направления». «В ней много встречается отдельных прекрасных явлений, много было замечательных деятелей, но нет того зиджительного духа, который соединяет разрозненные факты в одну общую и стройную картину».

При таких условиях русская литература, конечно, не может иметь того значения в общественной жизни, которое, по мнению Благосветлова, должно было бы принадлежать ей.

В литературно-критических высказываниях Благосветлова было мало оригинального. Те мысли о роли искусства, о задачах художника, об идейности и тенденциозности, которые развивал Благосветлов в своих статьях, являлись общепринятыми в рядах современной ему мелкобуржуазной интеллигенции. Благосветлов как мыслитель не отличался ни глубиной, ни блеском. Тем не менее в рядах борцов против дворянской эстетики, против теории «искусства для искусства» ему должно быть отведено свое место. В статье «Взгляд на русскую критику», появившейся в январском номере «Отечественных записок» за 1856 год, Благосветлов провозгласил, что «эстетическая критика» отжила свой век.

Еще современниками (Н. П. Огаревым, Н. К. Михайловским и др.) было отмечено, что одной из наиболее характерных черт той эпохи, которую принято называть «эпохой 60-х годов», было появление новой интеллигенции, вышедшей в отличие от старой, дворянской интеллигенции из «низших» классов общества и вступившей в решительную борьбу с порядками жизни и культурой дворянской крепостнической России. На историческую сцену в ту эпоху выступило новое действующее лицо в лице так называемой «разночинной» интеллигенции. Зарождение ее стояло в связи с экономическим развитием тогдашней России.

Как указал В. И. Ленин, в 60-е годы Россия сделала шаг по пути превращения в буржуазное государство. Ее хозяйство начинало перестраиваться на капиталистический лад. «Власть денег» с каждым днем давала чувствовать себя все больше и больше. Под напором капитала начали разлагаться патриархальные устои деревенской жизни. Старый, крепостнический уклад отживал свой век и нуждался в перестройке. Господствующий класс под напором нарастающего недовольства крестьянских масс был вынужден в целях сохранения власти пойти на уступки. В этом ключ к правильному пониманию прославленной либерально-буржуазными историками «эпохи великих реформ». В. И. Ленин подчеркивал, что эти буржуазные ре-

формы, однако, вырабатывались и проводились в жизнь крепостниками. Вынужденное идти на уступки, дворянство прилагало все усилия, чтобы как можно сильнее урезать их. Отсюда компромиссный характер и незаконченность этих реформ. И после их осуществления в экономике и общественно-политической жизни России осталось немало пережитков крепостнической эпохи; сохранились и главные из них — помещичье землевладение и царское самодержавие. Поэтому эпоха 60-х годов и осталась *только первым шагом* на пути превращения феодального государства в буржуазное.

В условиях разложения крепостнической системы и зарождения капитализма перед русской интеллигенцией эпохи 60-х годов с небывалой до того времени остротой вставал вопрос о будущем России, о путях, которыми предстоит развиваться ее социальному и экономическому строю. В рядах новой, антидворянской интеллигенции не было единодушия по этому вопросу. Часть ее, представлявшая интересы многомиллионной крестьянской массы, верила в близость крестьянской революции и мечтала о том, что эта революция откроет перед Россией возможности некапиталистического развития. По мнению этой части интеллигенции, поземельная община, сохранившаяся у русских крестьян, при благоприятных условиях послужит основой для социалистического общества. Расчеты эти были совершенно утопичны, ибо если бы даже крестьянская революция действительно осуществилась, то это не предотвратило бы капиталистического развития страны, а только изменило бы формы этого развития («американский путь развития капитализма»). Наряду с этим среди разночинной интеллигенции существовало и иное направление, которое не мечтало ни о чем ином, как только о переходе России на капиталистические рельсы и о европеизации ее политического строя. Представители этого направления в близость крестьянской революции не верили. Удельный вес и значение этой части разночинной интеллигенции особенно усилились после 1863 года — того года, с которым в преддверии тогдашней интеллигенции преимущественно связывались надежды на повсеместное восстание крестьян, недовольных результатами реформы 19 февраля 1861 года. Утопизм этой части интеллигенции заключался в том, что ее представители мечтали о возможности «культурного капитализма», то есть такого экономического строя, который сочетал бы неприкосновенность основ буржуазного порядка с широкими социальными реформами, осуществляемыми в интересах трудящихся. Капиталист будущего представлялся сторонникам такого направления не эксплуататором труда, а просвещенным организатором народного хозяй-

ства, действующим не в интересах своего кармана, а на пользу всего общества. По мере того как развитие капитализма расширяло спрос на интеллигентный труд и создавало благоприятные условия для упрочения материального благосостояния его представителей, идеология этой второй части разночинной интеллигенции все откровеннее приобретала буржуазный характер, все сильнее «интересы общества» стушевывались перед ее стремлением к завоеванию своего собственного «мещанского счастья».

Каковы бы ни были идейные расхождения между двумя только что охарактеризованными направлениями, в рядах разночинной интеллигенции существовало немало общего, объединявшего их. В частности, таким общим была ненависть к крепостничеству, самодержавию и барству. Дворянскую культуру представители обоих направлений отрицали с решимостью и резкостью.

Ознакомление с социально-политическими взглядами Благосветлова не оставляет никаких сомнений относительно того, к какому из двух направлений разночинной интеллигенции принадлежал он. Мы говорили уже об его отношении к народу и видели, что в его политических расчетах надежды на крестьянскую революцию не играли роли. Благосветлов был ревностным сторонником европеизации русской жизни, то есть переустройства ее на буржуазных началах; он верил, что по мере развития капитализма, под влиянием распространения в обществе «здоровых идей», дурные стороны этого строя, которые настолько давали себя знать на Западе, что игнорировать их не было возможности, начнут сглаживаться и начала справедливости, в конечном счете выгодной, по мнению Благосветлова, для всех классов современного общества, восторжествуют. Мы видели уже, какое громадное значение придавал Благосветлов распространению образования в массах и демократизации науки. Он верил в безграничную силу человеческого разума и считал идеи главным двигателем прогресса. В этом отношении он был типичным буржуазным просветителем.

По своему литературному таланту Благосветлов уступал не только таким блестящим представителям русской публицистики и критики, какими были Чернышевский, Добролюбов и Писарев, но и второстепенным литературным деятелям той эпохи, вроде Шелгунова или Зайцева. Тем не менее его литературное наследство представляет значительный интерес. Знакомство с социально-политическими взглядами Благосветлова и с его литературно-критическими высказываниями дает в достаточной степени яркое представление об идеологии той

части разночинной интеллигенции, которая принимала буржуазный строй и приравнивалась к нему. Благоветлов был типичным представителем ее...

*Вступительная заметка
и подготовка текста
М. Мохначевой*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письма Шелгунова к жене приведены в ее книге «Из далекого прошлого» (Спб., 1901); письмо его к Цебриковой цитирует Н. К. Михайловский, см. его «Литературные воспоминания и современная смута» (Спб., 1900, т. 1, с. 103). Здесь и далее примечания автора.
- ² Русское обозрение, 1893, № 6, с. 818.
- ³ Биографические данные о Благоветлове см. в моей статье: Г. Е. Благоветлов и «Русское слово».—Современник, 1922, № 1.
- ⁴ См. письмо Благоветлова М. И. Семевскому от 9 июня 1856 г.
- ⁵ Современник, 1854, № 7; Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений, 1906, т. 1, с. 140—158
- ⁶ Благоветлов Г. Е. Сочинения. Спб., 1882, с. 53.
- ⁷ Там же, с. 37.
- ⁸ Там же, с. 54.
- ⁹ Там же, с. 149.
- ¹⁰ Обзор современных событий.—Русское слово, 1861, № 5, с. 6—7.
- ¹¹ Благоветлов Г. Е. Сочинения, с. 149.
- ¹² Русское слово, 1861, № 5, с. 1—7.
- ¹³ Благоветлов Г. Е. Сочинения, с. 190.
- ¹⁴ Несколько слов по поводу «Отечественных записок» и «Русской речи».—Русское слово, 1861, № 2, с. 24; Страна живых контрастов.—Благоветлов Г. Е. Сочинения, с. 142.
- ¹⁵ Благоветлов Г. Е. Сочинения, с. 131—132.
- ¹⁶ Библиографический листок.—Русское слово, 1864, № 8, с. 46—52
- ¹⁷ Фирсов Н. В редакции журнала «Русское слово».—Исторический вестник, 1914, № 6 с. 896.
- ¹⁸ Благоветлов Г. Е. Сочинения, с. 157.

Н. А. Рубакин

КНИГОНОША

Отрывок

Николай Александрович Рубакин (1862—1946), русский книговед и писатель, посвятил свою повесть человеку, выдвинутому русской действительностью начала нынешнего века. Это, по словам автора,—тип «идейного распространителя всякого рода хороших книг». Книга в его глазах—дверь в лучшее будущее, которое понимается им очень широко: это будущее «всех человеческих отношений, всевозможных сторон жизни,—и личной, и общественной, и материальной, и духовной».

Публикация А. В. Блюма

...С моим приятелем и однокурсником по университету, Иваном Петровичем Гарусиным, я не видался лет двенадцать—с самого окончания университетского курса. С того счастливого времени у меня сохранились о Гарусине самые теплые воспоминания. Это был хороший товарищ, добрый малый, который, казалось, не способен обидеть и комара. Каково же было мое удивление, когда в один прекрасный день я узнал, что Гарусин—земский начальник такого-то участка С-кого уезда в одной из среднерусских промышленных губерний и довольно ретиво печется о «благе вверенных ему» душ, о их телах и имуществе. Мне было интересно взглянуть на старого приятеля и лишний раз посмотреть на те удивительные эволюции, которые проявляет иногда российский интеллигент. В одну из летних моих экскурсий, проезжая по С-кому уезду, я дал Гарусину телеграмму, и он самолично явился на станцию, чтобы встретить меня. Он приехал на паре собственных лошадей, веселый, жизнерадостный. На нем был холщовый балахон—необходимая принадлежность для езды по невероятно пыльным дорогам—и фуражка с кокардой. За двенадцать лет Гарусин уже успел нажать себе небольшое брюшко, а лицо его заметно обрюзгло и покрылось густой растительностью, которая, вместе с золотыми очками на горбачом носу, придавала Гарусину довольно солидный и внушительный вид.

Наши лошади несли нас по песчаной, довольно ухабистой дороге, оставляя позади себя громадные столбы пыли. День был несносно жаркий. Направо и налево от дороги тянулись редкие, выжженные солнцем хлеба — наглядное доказательство великой беды, нависшей над С-ким уездом.

— Что, брат, доволен ты своею должностью? — спросил я Гарусина.

— Как сказать, — загадочно улыбнулся он. — Простор для благожелательных действий открыт мне, по закону, изрядный, вроде как для сельского батюшки. По мере сил пользуюсь...

Нам то и дело попадались мужики и бабы, кто пешком, кто на лошадях, возвращавшиеся с базара.

В селе Касятине, куда нам предстояло ехать, был базарный день. В этот же день пришелся местный храмовый праздник, и стечение народа в селе было необычайное. Проезжая через базарную площадь, загроможденную возами, ларями и палатками, около которых текла, толкаясь и галдя, пестрая толпа деревенского люда, мы наткнулись на следующую сценку. Посреди небольшой кучки народа стоял урядник и внимательно рассматривал какую-то толстую книгу в красной обложке. Перед ним стоял высокий человек в картузе и тоже держал в руках книги. Книги были разложены и на земле, под небольшим полотняным навесом; тут были копейные листовки, раскрашенные лубочные издания, книжки «толстые» и «тоненькие», с картинками и без картинок. Вокруг урядника и человека в картузе постепенно собиралась и нарастала толпа.

— Стой! — закричал кучеру Гарусин. — Надо посмотреть, что здесь такое?

Лошади наши остановились. Мы соскочили с пролетки и вошли незаметно в толпу.

— Покажи вон эту! — командовал урядник, тыкая властным перстом на какую-то книгу, лежащую на земле.

Человек в картузе, не торопясь, нагибался, поднимал книгу и, небрежно подавая ее уряднику, говорил:

— Что ж, посмотри и эту...

Урядник принимался за просмотр книги и с глубокомысленно-подозрительным видом перелистывал ее и прочитывал кое-где по одной, по две строчки. Далее он просматривал обложку, титул и обратную сторону титула, где обыкновенно печатается казенная надпись: «дозволено цензурою». Сделав осмотр одной книги, урядник брал другую и ее осматривал таким же способом, затем брал третью и т. д. Некоторые книги он оставлял у себя на руках. Человек в картузе пробовал было взять назад от него эти книги, но урядник как-то курьезно раздувал щеки, топорщил усы и сильным голосом говорил:

— Погоди! Не налезай!

— Ты отдай мои книги!—горячился человек в картузе.

— Погоди, не налезай! Успеешь...

Толпа с большим недоумением и, как мне показалось, совершенно безучастно смотрела на эту сцену. Человек в картузе, по-видимому, горячился все больше и больше. Но ни малейшего смущения не было заметно на его лице. Я, насколько возможно, старался рассмотреть этого человека сквозь обступившую его толпу. Это был парень, по-видимому, лет 30—32, высокий, коренастый, крепко сшитый. На нем был надет серый коломянковый пиджак поверх белой русской рубахи с вышивкой и высокие сапоги. Лицо его было все в поту. Мне прежде всего бросились в глаза в этом лице черные, сросшиеся брови и глубоко сидящие, черные, выразительные глаза. Кроме этих бровей и глаз на лице не было ничего особенного. Некрасивый российский круглый нос, выдавшиеся скулы, широкий рот, небольшая черная бородка—все это самые обыкновенные черты лица, по которым невозможно отличить одного обладателя их от сотен тысяч других таких же. Но глаза человека в картузе были замечательны. Он то и дело прищуривал их и смотрел на урядника с таким выражением, словно он смотрит откуда-то издалека, словно из каких-то верхних областей, и в это время про себя какую-то думу думает. Но это был не вялый, «слепой» взгляд ушедшего в себя человека; в глазах то и дело пробегала какая-то искорка, и между бровями обозначалась резкая складочка. Человек в картузе совсем не был похож на заурядного офеню, володимирского добра молодца, одного из тех торгашей, которых народ окрестил за их не совсем чистые дела «дуроломами».

— Ну, довольно с тебя?—не без злобы в голосе спросил урядника человек в картузе.—Утолил свою душеньку?

В толпе раздался смех. Урядник как-то сердито фыркнул и закричал:

— Эй, вы, там,—потише! А ты, молодец,—обратился он к человеку в картузе,—собирай-ка свой товар, пойдем в волость.

Человек в картузе покраснел. Глаза его одну минуту беспокойно забегали по сторонам, но затем сразу усталились на урядника.

— По какому такому праву в волость?—спросил он.

Меня поразила при этом манера говорить, стиснув зубы.

— А по такому праву, что и разговаривать тебе нечего.

— Я тебе все свои бумаги показывал. Они все в порядке.

— Уж там разберем!

— Нечего разбирать-то! Ты закон соблюдай. Мне сам

губернатор разрешение дал. Мой паспорт тоже в порядке. Мне в волость идти нечего—торговать надо, не то с голоду помрешь.

Урядник, который, очевидно, не замечал присутствия ни Гарусина, ни моего, вдруг как-то надулся, оттопырил щеки и закричал:

— Собирай товар, чертов сын! А не то вот попробуешь этого!

— За это и ты попробуешь! Закон спуску не даст и тебе!—смело возразил человек в картузе.—Меня, брат, не испугаешь. Знаю, что делаю. Бить теперь не полагается.

Урядник бросил на землю те книги, которые он держал до сего времени в руках.

— Ты мой товар не порти, меня кулаками не застрашаешь!—продолжал человек в картузе, по-прежнему в упор смотря на урядника.—Я с тобой и без кулака справлюсь. Видал это?

И человек протянул к уряднику свою правую руку. Только теперь я заметил, что на этой руке было всего два пальца: мизинец и безымянный. Толпа захохотала. Она была совсем не так безучастна к происходившему, как это мне показалось вначале. Сочувствие ее, очевидно, было на стороне человека в картузе.

— Вот так кулак! С таким кулаком не навоюешь!—раздались голоса из толпы.

Гарусин хотел было вмешаться. Я с трудом остановил его. Мне интересно было посмотреть, что будет дальше.

— Нешто я кулаками стану драться?—продолжал человек в картузе.—У меня кулаки особенные. Один мой кулак—закон, а другой мой кулак—правда. Видал и я виды—знаю, что надо делать...

Урядник, очевидно, не ожидал такого отпора. Он схватил обеими руками свою шашку и хотел было ударить человека в картузе ножами по ногам, но тот ловко увернулся. Урядник стал сбрасывать ногой книги, лежавшие на земле, в одну кучу и дал свисток. Дело принимало нешуточный оборот. Гарусин вмешался.

Он важно выступил вперед, подошел к уряднику и спросил каким-то особенным, курьезно-властным голосом:

— Что у вас тут за шум? Что случилось?

Урядник несколько смутился от неожиданного вмешательства земского начальника, немного вытянулся и произнес:

— Да вот, ваше благородие, этот проходимец недозволенными книгами торгует.

— Я тебе не проходимец,—с достоинством произнес чело-

век в картузе.— Я русский гражданин— и служу своему отечеству побольше твоего.

— Какими недозволенными книгами?— спросил Гарусин.

— Никаких недозволенных книг у меня нет. Все как есть по закону,— по-прежнему сказал сквозь зубы человек в картузе.

Неожиданное появление Гарусина нисколько не смутило его, и он, казалось, и не думал лебезить перед начальством. Неторопливо засунув руку в свой боковой карман, он тотчас же вынул оттуда несколько бумаг, засаленных и сложенных вчетверо:

— Вот, пожалуйста.

Это был паспорт, выданный на имя крестьянина Петра Алексеева Морозова из какого-то волостного правления Тверской губернии и разрешение В-ского губернатора на торговлю книгами и картинами вразнос. Бумаги были в полном порядке.

— Ну где же недозволенные книги, покажи!— сказал Гарусин уряднику.

— А вот, пожалуйста!— отвечал тот, подавая Гарусину книги.— Нешто я не знаю, какими книгами нельзя торговать? Много видал таких-то! У меня в инструкции прописано... И циркуляры особые есть.

Книга оказалась ничем иным, как романом К. Францоа «Борьба за право», изданным в Петербурге без предварительной цензуры. Фамилия издателя и адрес склада были прописаны на обложке книги.

— Какая же это запрещенная книга?— спросил Гарусин.— Ее продавать и покупать может кто угодно.

Урядник вытаращил глаза на Гарусина. Он, очевидно, в глубине души был недоволен вмешательством земского.

— На дозволенных книгах, ваше благородие, так и напечатано, что они дозволены цензурою,— нерешительно сказал он.— А где же тут разрешение? Мы знаем, что делаем.

— Ты ничего не знаешь и превышаешь свою власть!— вспылил Гарусин, которого обозлили слова урядника.

Урядник опешил. Он немного как будто сконфузился.

— А это что?— не без некоторого злорадства протянул он и подал Гарусину еще одну книгу. Это была «История французской революции» Гейссера.

— Эта книга, ваше благородие, даже министерством народного просвещения разрешена, а он от меня отнимать ее думает,— сказал Морозов.

— Он, ваше благородие, много дерзостей наговорил,— сказал урядник.— Этого никак оставить невозможно... Оскор-

бление властей... по закону... Я должен становому донести и задержать этого человека...

— Ничего он тебе обидного не сказал,—раздался чей-то голос из толпы,—говорил седой крестьянин с длинной окладистой бородой.

— Почто клеплешь на человека зря, Назарыч? Чай, все слышали...

— Ваше благородие, он мне неприличие двумя перстами сделал и под смех меня поставил,—продолжал урядник.

— Я бы тебе все пять перстов показал с радостью,—возразил спокойно Морозов,—да три-то перста у меня на пользу родной промышленности ушли—под машиной остались,—что, брат, поделаешь.

Гарусин отвел урядника в сторону и что-то тихо сказал ему. Тот стал было возражать, но потом махнул рукой и с недовольным видом зашагал по базару.

— Ты у меня поговори,—воскликнул он на прощание, обращаясь к Морозову.—Я тебя научу, как книжками торговать!..

Морозов сердито посмотрел ему вслед.

— Съел сига—проваливай!—усмехнулся он и, обращаясь к толпе, заговорил скороговоркой и довольно громко.—Эй, православные, подходите. Книжки различные... Отлич-ч-ные! Чего душа просит, то книжка и приносит,—несчастливого утешает, голодного насыщает, скуку прогоняет, добру научает... Старым и малым наука! Ну-ка, православные, ну-ка!..

Я не мог не улыбнуться, слыша такую стихотворную похвалу книге, очевидно, похвалу домашнего изделия.

Морозов несколько не стеснялся нашим присутствием.—Может, найдется и для вас что-нибудь.

Мы с Гарусиным поближе подошли к книгам и стали рассматривать их внимательнее. Тут были листовки, изданные Сытиным и «Посредником», издания О. Поповой, Водовозовой, «Издателя», Спб. комитета грамотности, Прянишникова, было несколько экземпляров евангелия на русском языке, несколько толстых романов в переплетах, вроде, например, «Спартак», «Под маской благочестия»; были книги старинные и новые, разных издателей. Были и дешевые издания законов. Ни сонников, ни оракулов, ни другой дребедени, неизменно попадающейся у офеней и книгоношей, я не заметил. Меня особенно поразило то обстоятельство, что среди книжного товара немало было книг научно-популярных—по сельскому хозяйству, по естествознанию, по истории. Они лежали на самом видном месте, как бы по отделам. У каждого отдела лежало по полулисту бумаги, где печатными буквами было

крупно написано: «В этих книгах говорится, как небо устроено»; «В этих книгах говорится, как крестьянское хозяйство правильно вести»; «В этих книгах говорится о добре и правде божией» и т. д. Такие своеобразные рекомендации книжного товара были иной раз написаны очень вычурно, например: «Закон правды всему судья», «Пути к царству божию». К сожалению, мне не удалось рассмотреть, у какого сорта книг лежали эти последние ярлыки. После нашествия урядника все книги, еще так недавно разложенные в образцовом порядке, были перебиты и разбросаны по земле.

— А товар ничего себе,—сказал я Гарусину. Морозов самодовольно улыбнулся, услышав эти мои слова, и доброжелательно посмотрел в мою сторону.

— Ваше благородие,—обратился он вдруг к Гарусину.— Жития нет от «темноты»! Вот так на каждом базаре—только что разложу книжки, а «темнота» уж около меня и спрашивает: кто, мол, ты такой будешь? А ответишь не по вкусу— «темнота» в волость тащит и книжный товар отбирает. От иной «темноты» откупишься, а иная возьмет и отколотит. Совсем извели. Спасибо вашему благородию, на сей раз вызволили.

— Ничего, голубчик,—сказал мягко Гарусин.— Торгуй себе по закону, тебя никто не тронет...

— Да что, ваше благородие, я и то все на закон указываю «темноте». Я ей говорю: «закон, закон», а она мне кулак в бок. «Вот тебе, говорит, закон»! Только умственность одна и защищает.

— Какая умственность?—спросил Гарусин.

— Да моя собственная. Вот и изворачиваюсь,—сказал Морозов и при этом улыбался с полным сознанием своего достоинства. По лицу было видно, что он очень высокого мнения о своей умственности. Впрочем, доказывать таковую ему даже и не приходилось. Она была написана не только на лице Морозова, но была видна и на хорошем подборе книг, которыми он торговал.

— Где вы товар покупаете?—спросил я Морозова.— Кто выбирает для вас книги?

Меня очень удивил подбор книжного товара, которым торговал Морозов. Обыкновенно книгоноши разносят по градам и весям изрядную-таки дребедень, которую разного рода книжные фабриканты печатают, не обращая внимания на ее качество. Между тем в книжном товаре Морозова содержание и качество книги играло, несомненно, одну из первых ролей, словно подбором книг заведовала какая-то опытная рука, хорошо знакомая с книжным товаром и делом.

От моих слов Морозова передернуло. Мне показалось, что по его лицу пробежала насмешливая улыбка.

— Как кто выбирает книги?— удивленно спросил Морозов.— Я сам выбираю! Я и сам могу выбирать... Подходите, православные! Книжки различные... отличные!

Мужики, бабы, подростки толпились у палатки Морозова и рассматривали книги.

Деревенский покупатель книг, как известно,— покупатель особенный. Деревенская копейка — копейка дорогая. Она нужна прежде всего для хозяйства и после всего — на покупку книг. Покупая книжку, мужик сначала тщательно обследует, такая ли самая книжка ему нужна; он ее перелистает, просмотрит, он прочитает немножко с самого начала, потом что-нибудь из серединки, посмотрит и в конец. Если ему не по вкусу одна книжка, он возьмет другую и с нею проделает то же. Бывает и так, что он смотрит, смотрит, выбирает, выбирает, да тем и покончит. Нередко приходится видеть — рядом с полотняным навесом книгоноши сидят два-три таких покупателя, которых, в сущности, трудно отличить от читателей — читателей на даровщинку... Книжный товар Морозова, очевидно, привлекал большое внимание крестьянского люда. Мы с Гарусиным тоже рассматривали книги и делали вид, что совершенно углубились в это занятие и не обращаем никакого внимания на его торговые приемы.

В это время к Морозову подошли два деревенских парня и принялись рассматривать книжки. Подошедшие парни брали толстые книжки (4—5-ти листовки) с раскрашенными обложками и внимательно просматривали их.

— Что, голубчики,— обратился к ним Морозов.— Какие вам книжки надобны? Чего душа ваша просит?

Парни молча рассматривали книги. Один насупился и упорно молчал. Другой как будто стыдился чего-то и тихо сказал:

— Да так, посмотреть вот!

— Смотрите, голубчики, смотрите! У меня книжки различные, отлич-ч-ные. Есть книжки о крестьянской жизни, есть книжки о судьбе-злодейке, есть о страданиях за правду Божию. А есть еще вот какие: о том, как люди устраивают царство Божие на земле.

Парни переглянулись. Голос Морозова звучал как-то особенно добродушно и «проникновенно». Он любовно смотрел на парней и даже забыл о нашем присутствии. Меня чрезвычайно заинтересовал этот удивительный книгоноша, столь необычайно показывающий свой товар и щеголяющий не его внешностью, а его содержанием.

— Ну чего ты? — пробурчал один парень. — Царство божие не на земле, а на небе!..

— Царство божие на небе — это одна статья, голубчик, — улыбаясь, сказал Морозов, — а царство божие на земле — другая статья. Кто устроит земное такое царство, попадет и в небесное. Так в книгах, голубчик, написано!..

Парни молчали, быть может, стеснялись нашим присутствием. Между тем Морозов нисколько не стеснялся нами. Он говорил совершенно свободно, громко, отчетливо, как будто бы даже желая, чтобы его слова услышало побольше народу. Он говорил с полной уверенностью, что сделает именно то, что нужно.

— Ну дай такую книжку, — неуверенно сказал один парень, и ему как будто самому стало неловко.

— Дам, дам, голубчики. Книжка занятная... А ты как, — грамоту-то хорошо разумеешь, читаешь-то бойко?

— Не горазд, — пробурчал сконфуженно парень.

— Читай больше — и будешь горазд! — душевно улыбаясь, сказал Морозов и при этом любовно посмотрел на говорившего. — А ты какие книжки-то любишь больше читать?

— Бо-о-жественные...

— Ну вот тебе книга — всем книгам книга. Тут, брат, по всем статьям написано, как надо устраивать царство божие на земле.

Я с любопытством ожидал, какую такую книгу порекомендует Морозов такому покупателю. Морозов наклонился к своему товару и поднял с земли небольшую книжечку в синем коленкоровом переплете.

Эта всем книгам книга — было евангелие на русском языке.

— Читал эту книгу? — спросил Морозов, уставившись в парня своими умными глазами.

— Ни! Только в церкви слушал...

— А вот ты почитай да пораздумай. Царство божие на земле господь Христос вот как велел устраивать: чтобы войн не было, чтобы слез не было, чтобы труждающимся и обремененным стало жить хорошо, чтобы везде были любовь да согласие... Тут, брат, обо всем об этом прописано! Читай, да пораздумай.

Парень задумался, но все еще как будто не сдавался. Он был в нерешительности — покупать или не покупать эту книгу. Он раскрыл ее и перелистывал.

— Без войны никак обойтись нельзя! — сказал другой парень, посмотрел на Гарусина и вдруг почему-то во весь рот улыбнулся и тряхнул кудрявой головой...

— А вот и можно! — сказал весело Морозов. — Потому в

писании написано: «Не убий». Вот, брат, у меня книга есть отличная. Там про войну говорится... занятное дело. Посмотри-ка, какая.

Морозов достал еще одну книжку. Это был известный роман Берты Зутнер «Долой оружие».

Парни принялись рассматривать книгу сообща.

Мне очень хотелось посмотреть, чем окончится эта сцена, но Гарусин уже торопился домой. Быть может, он попросту проголодался — а быть может, и вправду его ожидали какие-нибудь дела.

В моих странствиях по русской земле (пришлось-таки и мне постранствовать, и к тому же постранствовать со специальной целью наблюдать жизнь в ее целом, наблюдать настроение жизни) за последние пять-шесть лет я имел случай несколько раз встречаться с удивительно своеобразными типами, выдвинутыми русской действительностью, очевидно, из самых сокровенных ее недр — из деревенской и фабричной среды. Нельзя сказать, чтобы эти типы были совершенно новые, доселе невиданные. Вероятно, существуют-то они давно, но до последнего времени они были раритетами, своего рода монстрами, счастливой случайностью, а за последние годы эти самые типы стали попадаться заметно чаще и потому перестают казаться чем-то необыкновенным.

Правда, не все люди такие, как Морозов, но, если вы встретите совершенно сходные между собою в основных чертах типы, например, в губерниях Саратовской и Псковской, Киевской и Московской, Екатеринославской и Ярославской, у вас в голове невольно возникнет вопрос: неужели все они создания «случая»? Неужели нет общих причин, их породивших? Чтобы создавались более или менее однородные типы, необходимы более или менее однородные условия; необходимо, кроме того, чтобы разнообразие местных условий не только разрушало, но даже выдвигало, подчеркивало остальные черты, характеризующие данный тип, а когда он налицо, невольно верится, что уже создалась и имеется тоже в наличности какая-то твердая почва, которая нужна для его существования.

Морозов — действительно, тип своеобразный, хотя и не исключительный. Это тип идейного распространителя всякого рода хороших книг. Это не торговец книгами, желающий «зашибить деньгу», не наемник-книгоноша, отбывающий такую-то повинность «от хозяина», не офеня-маклак, работающий исполу; это человек, которому дороги не деньги, а книги, и даже не книги, а идеи, какие находятся, так сказать, на

складе в разных научных сочинениях; идеи, которые стремятся «сами собой перейти в жизнь», которые волнуют, жгут человеческую душу и из созерцателей и мыслителей делают работников и борцов. Вот этими-то идеями и осмысливаются в глазах этих книжных распространителей их товар — книги, их работа, наконец, вся их жизнь. Книжное содержание — своего рода святая святых; книга, в их глазах, — своего рода дверь в лучшее будущее, причем это последнее понимается обыкновенно очень широко: лучшее будущее — это будущее всех человеческих отношений, всевозможных сторон жизни — и личной, и общественной, и материальной, и духовной.

Все это у Морозова резюмировалось в слове «улучшение».

...Вновь нарождающийся тип, о котором идет речь на этих страницах, смотрит на книгу как на свое главное орудие. Люди этого типа страдают отчасти даже преувеличенной верою в книгу. В их глазах книга является какою-то панацеей от всяких бед и зол. «Нешто без книги теперь что-нибудь делают? — говорил мне один из таких верующих. — Без нее дом не строится, без нее обедни не служат, без нее одежды не сошьешь, потому что теперь все ткани машинные, а машины по книжкам делаются. Без книги ты ни на шаг: сделал то-то и то-то и гляди в книгу, имеешь ли ты еще право делать это и есть ли где такой для тебя закон. Все твои права — в книге, вся твоя душа — в книге, потому что книга помогает думать и чувствовать! Послушайте, например, как люди говорят: что они говорят по-книжному и что от себя — как их там разберешь? Я так думаю, что половина наших разговоров и мыслей из книг выходит: вычитал, услышал и — своими словами высказал». Один такой книговер говорил однажды мне: «Сижу я на вокзале. Поезда мимо меня и паровозы так и шмыгают; гудки гудят, электрические фонари глаза режут; толпа людей туда-сюда мечется, вдали блестят окна фабрик, из их труб пылает зарево; фабрики тоже свистят и гудят. Смотрел я, смотрел — и просто оторопь взяла меня. Ну что было бы — подумал я, если б книг не было? Ничего бы ровно ведь без них не вышло. Паровоз — это книга, вокзал — это книга, фонари — книга; вся жизнь переделалась потому, что книга появилась на свет. Мне показалось, что книга в воздухе носится, в уличном шуме слышится: без нее никакой жизни нет и быть не может». Мне особенно врезались в память эти слова: «Ныне книга в воздухе носится». Чтобы высказать эту, в сущности, очень простую мысль в такой форме, нужно очень много передумать и перечувствовать. Есть книга у человека — он уже что-нибудь в своей и окружающей жизни непременно переделает на новый лад; а нет книги — поневоле будет жить по-старому,

по-обычному, потому что своим умом до всего не дойдешь. И чем сложнее представляется жизнь человека, тем больше чувствуется потребность в чужой помощи, а наиболее доступная, по нынешним временам, помощь исходит именно из книги. Кто смотрит на жизнь просто, тот еще не чувствует потребности в книге; но кто уже дорос до мысли, что сложность современной жизни не миф,— тот не может не верить в книгу как в какое-то могущественное орудие, которое сильнее всех прочих орудий: ведь эти прочие орудия сами созданы книгой. Книга же создает критически мыслящую личность человека; личность является альфой и омегой общественной жизни; книга ведет к группировке личностей около определенных циклов идей; эта группировка личностей обуславливает целый ряд явлений в общественной жизни; огромная роль книги в этой последней подтверждается целым рядом самых разнообразных фактов, можно сказать, каждый день, каждый час.

...Я несколько дней не видал Морозова. Встретиться с ним мне пришлось при обстоятельствах довольно необычных. Это было вечером, после какого-то большого деревенского праздника... Я подошел к первой попавшейся избе и опустился на скамейку у какого-то полуразвалившегося забора, под яблоней... Было и душно, и темно, и пустынно, и одиноко.

Вдруг до меня донеслись как будто человеческие голоса. Я явственно услышал чьи-то шаги. Звуки неслись из-за забора, около которого я сидел:

— Вот здесь, ребятки, под яблоней. Здесь лучше будет,— говорил чей-то голос, который мне показался знакомым.— Здесь хорошо! Лучше, чем в сарае... Ну, садитесь!

— Ну, рассказывай, дядя,— послышался тонкий голос мальчугана или подростка.

— Расскажу я вам, что в старинных книгах написано,— заговорил кто-то ровным, спокойным голосом.

Я узнал, чей это голос, узнал по манере говорить со стиснутыми зубами, отчеканивая некоторые слова и делая ударения на других. Это говорил Морозов. Он, как начал говорить, так и не умолкал. Изредка лишь его перебивали своими восклицаниями и вопросами его слушатели. Кажется, их было человек семь или восемь. Я слышал, как они грызли семечки и выплевывали скорлупу на землю. Мне, быть может, нужно было бы уйти и не подслушивать речей Морозова. Но с первых слов я заинтересовался тем, что он говорил, да так и не мог уйти. Морозов рассказывал своим слушателям какое-то старинное предание. Откуда он его вычитал, где он его

услышал—этого я не знаю. Такого мне не попадалось ни в новых, ни в старинных книгах. Морозов говорил:

— Есть, братцы мои, где-то на земле глубокий-глубокий подвал, вроде как подземелье. Есть у того подвала четыре хода, четыре выхода.

Ходы эти—сырые, темные и извилистые. По ним очень страшно ходить и легко можно заблудиться. Охраняют этот подвал четыре солдата, таких больших-больших, и сильных, и безжалостных.

А в руках у них ружья, которые могут стрелять полтора раза в минуту, а у пояса пистолеты да ножи и кинжалы. Один солдат белый, другой солдат—желтый, третий солдат—черный, четвертый солдат—красный. Значит, кожа у них такая...

— Ишь ты! кожа такая!—послышались голоса.

— Белый солдат сильнее и страшнее всех. Он над другими командует,—продолжал Морозов.—Кого хочет—впустит, кого хочет—выпустит. Кого хочет—на смерть сразит, кого хочет—в подвал запрет. А он—ничего не хочет. Стоит, вроде как статуя-машина. Что ему велят, то и делает. А ничего не велят—ничего не делает. Знай стоит да посматривает, белками ворочает, чтобы все было тихо да исправно. А почувет что—и пырнет...

— Пы-ы-рнет!—раздались голоса...—Вона!

— И есть в том подвале комната, а в комнате той горят день и ночь золотые светильники.

Стоит там большой каменный стол, а на столе лежит книга в золотом переплете и с четырьмя бриллиантовыми застежками. Застежки эти с золотыми замками, а у замков—изумрудные ключи, точеные, да узорчатые, да хитрые.

И хранятся, слышь, эти ключи у четырех хозяев того места.

Один хозяин—старый-престарый монах, такой чернявый и горбатый, да высохший, а глаза у того монаха, словно уголья, светятся и все бегают, все бегают. Ходит тот монах и провозглашает мертвым голосом: «Анафема». И своей палицей стучит по полу, а в той палице сорок пуд...

А другой хозяин того места Млыцарь Железная рука. Он с ног до головы в сталь-железы закован; он не снимает их ни днем, ни ночью.

А третий ключ у судьи-законника, по прозванию Лисья голова, судьи лстивого и неправильного, изворотливого.

А четвертый ключ у купца толстого-претолстого—он, говорят, весь век торговал, деньгу наживал—и нажил, говорят, золотую мощну в сорок тысяч пудов.

— Сорок тысяч пудов!—послышались голоса...

— И никак нельзя отпереть той книги,— продолжал Морозов,— потому надо отпирать ее всеми ключами сразу, а все четыре хозяина, вишь ты, и не столкнутся.

Один хочет отпирать, а другие-то не хотят, трое хотят, а один не хочет. Так и лежит книга на все замки заперта, всеми печатями припечатана.

— А в этой книге что?— раздался робкие голоса.

— В книге— что?— В книге сила запечатана.

Так ее и называют эту книгу— книга Глубины. Она, говорят, с неба упала, и на земле ее подхватили и спрятали. В книге, братцы, все прописано! Все, что ни на есть! И что было, и что есть, и что будет, и о жизни человеческой, и о народах разных, о зверях, о травах, о светилах небесных, о красном солнышке, о луне, о правде настоящей, неподдельной. Кто прочитает эту книгу, тому так все и станет ясно, и станет он, вроде того, как бы всемогуц.

— Мертвого воскресить может?— спросил чей-то голос.

— Может, может!

— С того света воротить?— послышался другой голос.— Тятюку с того света вернуть?

— Все может. И горы сдвинуть, и моря осушить, и леса насадить, и на солнце слетать, и всех людей на земле сделать такими счастливыми да довольными... И все переделает, как следует.

— И погоду хорошую сделать?

— И погоду.

— И чтобы в волости никого не пороли?.. И тетку Федору угомонить? И на луну слетать?

— И мы тогда разбогатеем?

— И разбогатеете, и поумнеете, и всем будет жить хорошо-хорошо...

— А где ж это такая книга лежит?

— Этого никто не знает и не ведает. В старинных книгах написано, что есть такая книга Глубины. А где она сокрыта— неизвестно.

— Ну вот!— раздался тот же бодрый голос.— Соберется народ—и продерется. Нешто хозяева против него устоят? Пусть-ка сунутся, так от них ничего не останется...

— Не на таковских напали! Как увидят они, что толпа на них идет, возьмут да сожгут книгу.

— Да они бы и давно ее сожгли, только вот она и в огне не горит, и в воде не тонет...

— А они раскроют книгу, прочитают, да и пустят ее силу против своих врагов!

— Та книга не для того написана, чтобы зло по ней

делать,—сказал Морозов.—Хозяева это знают, потому держат ее под замком.

— А пошто держать?—спросил шепотом голосок прежде говорившего ретивого парня.

— А вот слушай дальше,—продолжал Морозов.—Книга Глубины—вот, брат, какая книга. Дошло до людей из этой книги только одно единственное слово. Кто-то из хозяев, значит, прочитал его там, да и проговорился о нем одному человеку. И от одного этого слова тот человек сразу поумнел, и появилась в нем великая, великая силища, и стало ему вдруг все понятно, и узнал он, что было, что есть и что будет, и как бедным помочь, всех голодных накормить, и слепых приютить, и всякое добро как сделать людям...

— От одного единственного слова?

— Да! Ты вот слушай. Запомнил этот человек это самое слово, да и думает: надо его для всех людей сохранить. Пусть оно всем людям служит: и тебе, и мне, и всякому, и всем, всем. И решил этот человек прежде всего записать это слово. Пошел в пустое место, и написал там книгу, и в той книге записал это самое слово.

— И оно до сих пор в какой-то книге написано?

— И написано, и переписано, и во многих книгах перепечатано. Кто его заметит да запомнит—и делается сильным-сильным.

— А как его узнаешь? Как от других слов отличить?

— Сказывают, эту самую силищу тогда сам в себе почувствуешь... Читаешь, читаешь книгу—и вдруг на тебя словно найдет, и закипит кровь, и весь ты как бы вострепещешь, и захочется тебе вдруг послужить всему миру, вроде, как Христу захотелось...

— Как же это слово найти?—спросил тот же неугомонный вопрошатель.

— Надо книжек больше читать, только и всего. Читаешь, читаешь,—где-нибудь авось и найдешь это слово...

Наступило на секунду молчание.—Надо читать...—Вестимо...

— Так-то вот, братцы,—заговорил Морозов.—А ведь и спать пора. Завтра мне на базар надо...

Позади меня раздался шорох. Я слышал, как Морозов, кряхтя, поднимался с земли.

— Дяденька! ты погоди!—сказал неугомонный голосок ретивого паренька.—Расскажи вот им про того, кто из-за своей книги страдал ... Гал... Гал... Галилея.

— Я уж рассказывал...

— Да вот они не слышали... Занятно больно...

— Нет, парень, теперь уж поздно.

Послышались шаги. Калитка скрипнула, и мимо меня прошло несколько деревенских парней. Это были подростки лет по 14—16. Они прошли мимо, не заметив моего присутствия.

Сзади меня опять послышались голоса. Говорил Морозов и тот шустрый паренек, голос которого я отметил раньше.

Паренек нерешительным голосом спрашивал Морозова:

— Дяденька, рази это правда, что такая книга Глубины есть на свете? Али то как только говорится, вроде как в сказке?..

Морозов засмеялся хорошим душевным смехом:

— А ты вот подумай да и рассуди. Чай есть голова-то?..

— А в книжках-то и взаправду слово это самое где-нибудь пропечатано?.. И силищу от него можно заполучить?

— И об этом хорошенько подумай! Читай больше хороших книг...

— Да где книжек-то брать? Здесь их и достать неоткуда...

— Э, неоткуда! Ищи и найдешь. В школе есть, у учительницы бери.

— Да те все уж перечитал давно...

— Ну у земского попроси...

— Ну его, не пойду к нему. Важный больно.

— Ищите и обряцете, сказано в Писании. Я тебе на прочтение дам, коли денег нет на покупку. Э, брат, какие книги на свете есть — настоящие, неподдельные, так тебя и захватят, и разъяснят тебе и расскажут, вот как по ниточке все разберут... Словно другой человек будешь, посветлеет вокруг словно. Приходи, дам книжек!..

...Прошло недели полторы. Однажды вечером, как всегда в это время, я сидел на балконе гарусинского дома... В это время вошел на балкон сам Гарусин. Он был весь в пыли и поту. Вид его был самый усталый и измученный.

— Просто черт знает что! — воскликнул Гарусин, бросая шапку на стул. — Измучился, как собака. С утра ничего не ел и не пил.

— Откуда приехал? — спросил я.

— Из села Спасского. Там целая история.

— Что такое? — с любопытством спросила Гарусина.

— Да вот этот твой Морозов дел там наделал. Такую кашу заварил.

Он вынул из кармана носовой платок, отер пот с лица, немного отдышался и, в ожидании ужина, начал рассказывать «историю».

— С тамошним священником Морозов повздорил: подарил

ему какую-то книжку, кажется, об анабаптистах что-то, Михайлова-Шеллера, а книжка попу пришлась не по душе. Тот в амбицию: «Как ты смеешь мне такие книжки дарить? Ты это ради смеха делаешь». Морозов туда-сюда, залебезил. Говорит попу: «Коли эта плоха, берите другую». Поп сначала смилостивился, а потом говорит: «А ну-ка покажи свой товар». Стал рыться в товаре и пошел придираться, и пошел. «А отчего у тебя поучений Родиона Путятина нет?» — «Их не спрашивают», — отвечает Морозов. «Как не спрашивают, — говорит батюшка, — да вот я, например, спрашиваю! А отчего у тебя житий святых мало?» — «Сколько нужно, столько и держу». — «Врешь, — говорит батюшка, — ты мне в глаза-то очки не втирай — жития самый ходовой товар... А почему акафистов нет? А почему о мощах да о монастырях ничего не держишь?» — «Держу, — говорит Морозов, — вот «Соловки» Немировича-Данченко». — «А о мощах книжки где?» — «Все вышли», — говорит Морозов. Батюшка на дыбы: «Ты чего театры разыгрываешь? А отчего у тебя этого, а отчего у тебя того нет?» Морозова тоже словно прорвало. Он подошел к батюшке и говорит: «Почто, батюшка, меня обижаете? Вы смотрите, что я держу у себя худого, а вы норовите разглядеть, чего я не держу хорошего. Обвиняйте меня в том, что у меня есть, а не в том, чего у меня нет». Послал за урядником. Урядник говорит, что у Морозова все по закону. А поп говорит: «У меня циркуляр есть такой от епархиального начальства, чтобы вот за всеми такими как следует смотреть и, в случае чего, свидетельства от них отбирать». Такой циркуляр был действительно. Пришлось везти и Морозова и его товар к становому. Становой с попом в дружбе и побаиваются немного батюшку. Осмотрел весь товар, — говорит, что все книги знакомые, но подбор их нехороший и покарать за него следует... Взял становой да и отобрал свидетельство от Морозова. «Тебе, говорит, больше нельзя этим товаром торговать». Морозова точно обухом по голове. Он и так и эдак. «У меня, говорит, все по закону». — «А подбор книг, — кричит становой, — тоже по закону? Где такой закон, чтобы такие книги подбирать?» — «Да какой же у меня подбор? — оправдывается Морозов, — я только те книги и держу, которые лучше идут. Не моя вина, что лучше идут эти, а не другие». — «Ну так я тебе тогда и отдам твое свидетельство, когда другие книги будут ходчее идти, а не эти...»

— Боже мой, боже мой! — всплеснула руками жена Гарусина.

— Вот тебе и «боже мой!»... Тут и вся недолга! — сказал Гарусин. — Уж про это и я скажу, через край хватили!

— Бывает,—сказал я.

— Даже в последнее время и очень часто бывает...

Меня нисколько не удивила эта история. Кто следит за провинциальными газетами, тот наверно знает, что такие истории случаются теперь на каждом шагу. И циркуляры для этого написаны соответственные, и права кому следует даны, и сотни книгонош имели уже случай испытать на себе их действия; сотни людей были разорены, выбиты из своей колен сбиты с панталыку, как говорят; иные съезжились, иные озлобились, иные замолчали, иные стали искать правды в губернаторских канцеляриях, иные даже нашли там нужную для них правду... Все это явления теперь обычные. И жизнь идет своим чередом. Но что же будет теперь с Морозовым? Ведь потерять свое дело для него то же, что потерять добрую половину своей души, если не всю душу? Какой теперь будет смысл его жизни? Ведь то, что отобрано, уже не вернется, во всяком случае, очень мало шансов на то, что свидетельство на право торговли книгами вразнос удастся добыть в каком-нибудь другом месте. Что же теперь будет делать Морозов? Если всякие, даже ничтожные события поднимают целую бурю в чуткой душе Морозова, то какую же бурю подымет в ней этот скандал? Какой же новый смысл жизни найдет для себя Морозов? Какой работой, какой деятельностью успокоит он свое внутреннее кипение? Какими глазами он будет смотреть с этого дня на тех самых людей, к которым еще недавно подходил «по-хорошему», с книгой в руках, и кому раздаривал книги направо и налево? Чем больше я думал о Морозове, тем меньше уяснял себе то, что предпримет этот горячий, стремительный человек, отрезанный от своей мирной просветительной работы.

— Хоть бы ты ему чем-нибудь помог,—сказала Гарусина.— Съездил бы к губернатору, похлопотал бы там в канцелярии.

— Следовало бы сделать все, что возможно,—сказал и я. Гарусин только руками всплеснул.

— Други почтенные! Да вы откуда сюда явились?—воскликнул он.— С луны? С солнца? Что я могу сделать теперь для этого человека?

— У тебя есть знакомства, связи с канцелярией. Поговори с батюшкой.

— С ним-то я уже говорил. Поп упорный, и с амбицией. Его не сдвинешь. «Меня, говорит, учить никому не подобает. Я сам учен, и знаю, какие на пастыре духовном обязанности лежат,—стадо свое я оберегать должен». Хотелось мне его

спросить, как он его оберегает, как пастырь или как овчарка, да не спросил,—ну его к богу.

— Не поддался?

— Нисколечко.

* * *

А что же Морозов?

Морозов куда-то исчез. Я целую неделю ничего не мог узнать о Морозове и его в глаза не видел. Я несколько раз бывал в селе Касятине и в Спасском. Спрашивал там у мужиков, не видал ли кто Морозова: «Он уехал куда-то» — говорили мне мужики.

Прошло еще две недели. Наступило время моего отъезда. Я дружественно распрощался с хозяйкой. Мы с Гарусиным сели в пролетку и понеслись по той же пыльной дороге, через село Касятино, где проезжали и два месяца тому назад. Теперь, как и тогда, базарная площадь в Касятине была полна народа. Было 15 августа. В этот день в селе Касятине с незапамятных времен бывает Успенская ярмарка. На нее стекаются тысячи народа из дальних и близких деревень и съезжаются торговцы, маклаки, скупщики и всякий торговый люд, делающий иной раз многотысячные обороты за счет нуждающейся деревни. Когда мы выехали на базарную площадь, там, по-видимому, что-то происходило. В одном из углов площади народу собралось особенно много. По направлению к этому углу бежали люди со всех мест. Во всю прыть неслись мальчишки, потряхивая белобрысыми головами, и шли бабы, в непомерно ярких одеждах, размахивая руками. Одна баба остановилась, обернулась назад и принялась энергично манить отставшего от нее мужика. «Да иди же ты, иди! Не то без тебя кончат...» Эти слова долетели до наших ушей сквозь гул и шум голосов.

— Что-то опять случилось,—сказал Гарусин.

Тут же на площади гарцевал на рыжем светлогривом коне знакомый уже нам урядник. Он как будто не обращал никакого внимания на то, что делается в другом углу площади и, как ни в чем не бывало, покрикивал на ребят, которым доставляло невообразимое удовольствие пролезать под брюхом его рыжей лошади. А народ все бежал и бежал мимо. Наши лошади шли шагом, с трудом пробираясь сквозь толпу. Гарусин велел кучеру остановиться. Мы выскочили из пролетки и направились к тому месту, где толпился народ. Чем ближе мы подходили туда, тем становилось теснее. Люди лезли друг на друга, мужики напирали на баб, дети шмыгали чуть ли не под ногами. Все толкали и давили друг друга. Бабы кричали,

бранились: «Тише ты, черт! Успеешь! Ну-ну! Ой, батюшки-светы, ой!»

— Что тут такое? Что случилось?—спросил Гарусин у первого попавшегося старика, только что выбравшегося из толкотни.

— Здесь-то?—отвечал старик.—Книжки вот раздают—народ и бесится.

Старик, не торопясь, отошел в сторону.

И правда, у многих ребят, выскакивающих из толчеи, в руках были книжки. Они были и у мужиков, и у баб. Были книжки-листовки, были с разноцветными обложками, были, наконец, книги толстые. Люди с книжками, выбравшись из толчеи, тут же где-нибудь присаживались на земле и принимались рассматривать их.

Гарусин вошел в толпу и без церемонии стал расталкивать ее направо и налево. Фуражка с кокардой расчищала ему дорогу. Я не отступал от Гарусина ни на шаг. Нас тоже толкали и пинали, и справа, и слева, и спереди, и сзади, нас относил вместе с толпой то в одну, то в другую сторону. Толпа, собравшаяся в этом месте, наверное, состояла не меньше как из шестисот или семисот человек. Скоро до нас стали долетать чрез толпу чьи-то громкие выкрикивания:

— Подходи! Бери! Получай! Вот тебе! Бери! Принимай! Получай! Вот тебе!—Голос кричавшего показался мне как будто знакомым. Неужели же это голос Морозова? В нем звучали какие-то особенные, странные нотки. Это был голос не только взволнованного, но и задыхавшегося человека. Иногда Морозов даже не кричал—он хрипел. Мы с великим трудом пробрались сквозь толпу и увидели такое зрелище. Посреди толпы стояла телега, запряженная жалкой деревенской лошадкой. Лошадка стояла, понуря голову, флегматично пошевеливала ушами, словно желая показать, что все происшедшее вокруг никакого касательства к ее судьбе и благополучию не имеет. На телеге лежали два больших короба, ящик с книгами, чемодан и какой-то узел с вещами. Около ящика стоял на телеге Морозов. Он то и дело наклонялся, брал из короба книги, выпрямлялся во весь рост, протягивал руки и кричал: «Подходи! Принимай! Получай!» К нему тянулись со всех сторон мужицкие, бабьи руки. По этим рукам расходилась пачка за пачкой. «Принимай! Бери! Читай, ребяташки!—кричал Морозов.—Читайте, берегите книги-то! Книги различные, отличные! Принимай! Бери! За них денег не спрашиваю!».

— Морозов, что вы делаете?—воскликнул Гарусин.

На одно мгновение Морозов остановился, взглянул на

Гарусина, скользнул глазами по моей фигуре, отер пот с лица, снял картуз, поклонился, тряхнул головой, ухмыльнулся и сказал:

— Здравствуйте, ваше благородие! Что я делаю? Извольте видеть. Подарки добрым людям делаю — только и всего.

Толпа несколько отступила. Многие присутствующие были как-то смущены внезапным вмешательством земского начальника. Морозов, нисколько не смущаясь нашим присутствием, стал было продолжать свою работу.

— Подходи, добрые люди! Принимай, бери! Кому что требуется.

— Морозов, опомнитесь! — воскликнул Гарусин.

— Чего изволите, ваше благородие? — огрызнулся на него Морозов. — Или что-нибудь противозаконное усмотрели? Позвольте же вам сказать, что незаконного ничего не делаю. Ничего! Подходи, православные, подходи!

Морозов был бледен, губы его дрожали. Глаза зло и насмешливо уставились на Гарусина. Он немного приостановил свою работу, снял шапку и сказал:

— Я, ваше благородие, конец своей работы праздную. Торговать книжками мне, значит, не велено... По благословению отца Михаила, священника Спасского... Архиерея я просил, губернатора просил... Говорят: «Ничего поделать не можем, ищи для себя другой работы». Я говорю: «Тот тем живет, кто к чему привычен». А мне говорят: «Ко всему привыкать надо». — «А что же мне с товаром прикажете делать? У меня его на несколько сот рублей — деньги трудовые!» — «А это до нас не касается, хоть продай гуртом, хоть дари кому хочешь». — «Значит, нельзя?» — «Нельзя». (Морозов говорил скороговоркой.) Ну, так ладно же вам! Нельзя торговать, буду раздавать! Сказано, дарить можно!.. Назад за тысячу верст уже не повезу и сам есть не буду!.. Подходи, православные, подходи!

Морозов словно хотел наверстать время, потерянное на разговор с земским начальником. Он опять принялся за раздачу книг.

В коробе, наверно, было не меньше нескольких сот экземпляров. Тут было много книг толстых, но больше всего листовок и других дешевых изданий. Снова потянулись к Морозову руки, и снова книги стали расходиться по этим рукам. Куча книг в коробе быстро таяла, а толпа около телеги Морозова все росла и росла... Мы с Гарусиным стояли около телеги и молча смотрели на эту сцену. Гарусин как будто колебался, не следует ли прекратить ее? Но ведь ничего незаконного Морозов и вправду не делал: все книги были самые

обыкновенные, а дарить книги никаким русским законом не запрещается... На минуту Морозов остановился, достал из ящичка довольно толстую книжку, и зло улыбаясь, протянул ее Гарусину. Эта книга была не что иное, как «Записки земского начальника» А. И. Новикова.

— Ваше благородие! Извольте принять на память! Книжка занятная и для вас будет,— сказал Морозов.— В ней вся польза от земских начальников прописана. Не откажите, примите!

Я не мог удержаться от улыбки. Гарусин взял книгу и, кивнув Морозову головой в знак благодарности, хотел было отдать за книгу деньги.

— Не велено! Продавать не велено. Можно раздавать только даром. Одна только осталась такая. Все научные толстые книги учительше Марье Ивановне отнес—просил раздать своим подругам-учительницам, кому она там знает...

— Зачем же вы раздаете свои книги? Ведь вы могли бы кому-нибудь продать гуртом,—сказал Гарусин.

— Продать, говорите?—воскликнул Морозов и опять зло рассмеялся.—Ведь продавать по мелочам не велено. А в одни руки—чего мне продавать хороший товар за четверть цены? Кулаков кормить, что ли? Я этого никогда еще не делывал и не сделаю! В разные руки продавать не позволено, а за тысячу верст везти—себе дороже будет стоить... И чего книги-то отсюда увозить? Уж коли они в глушь сюда приехали, так пусть здесь в глуши и остаются. Пусть вместо меня мое дело делают! Небось сделают! Будьте спокойны. После себя я их оставляю—и уеду сам с чистой совестью. Буду знать, что тут то же самое дело делается и без меня, и даже еще лучше, чем со мной. Покупают-то ведь книги все те, кто побогаче, а я вот хочу, чтобы они попали что ни на есть к бедноте, самой настоящей бедноте. Пусть читает! Пусть чувствует! Пусть думает! Одна книжка в руки придет, а за нею другие сами потянутся. Я им тут свое наследство оставляю! Я им в самый воздух книг-то хороших напущу! Я таким способом всю треклятую силищу в корень подорву! Небось восчувствует, когда время придет!

Морозов говорил скороговоркой. Он был страшно взволнован. Пот градом катился с его лица. Не переставая говорить, он не переставал и раздавать книги. А руки тянулись за книгами и справа, и слева, и со всех сторон. Уходили одни, приходили другие. Кто-то спорил с кем-то, что в одни руки нельзя брать помногу книг. Кто-то убеждал кого-то обменять одну книжку на другую. Но никто от книг не отказывался. Их, наверно, брали и неграмотные. А товар таял все больше и больше. Один короб был уже пуст. Какой-то мужик подхватил

этот короб и сбросил его вниз. Скоро за этим коробом последовал и другой. В ящике тоже оставалось уже немного книг.

— Пора на поезд,— сказал я Гарусину.— Боюсь, как бы мы не опоздали.

— Это правда,— сказал Гарусин.

— Едем.

Ему самому, наверное, очень хотелось выйти из неловкого положения, в какое он попал. Но я не мог удержаться и, подойдя к Морозову, дернул его за рукав.

— Прощайте, Морозов,— сказал я.

Морозов на минуту приостановился.

— На прощанье я хотел бы сказать вам, что не все ваши взгляды на книгу справедливы. Книжки-то ваши, особенно самые хорошие, самые честные, на иных-то людей ведь и не действуют!

Морозов пристально с удивлением посмотрел на меня, потом как-то сразу вспыхнул, отряхнулся и на мгновение словно замер. Потом он вдруг захохотал раскатистым смехом.

— Не действую-уют!?!—воскликнул он, смеясь.— Не действуют?.. Шутите, господин, шутите! Книжки на всех людей действуют. Они никакого влияния не оказывают только на зверей. Так ведь со зверями и разговаривать нужно по-звериному! Ей, православные, подходи, бери! Принимай остатки, принимай! Книжки различные, отличные!..

Гарусин потащил меня из толпы, к Морозову снова потянулись со всех сторон жилистые, мозолистые руки...

Толпа все еще не редела, а скоро прибывала, словно стараясь захватить и унести куда-то в народную глубину побольше книг, словно желая показать, что для ее духовного пропитания слишком недостаточно двух каких-то коробов и одного ящика; ей нужны горы книжных богатств, нужны миллионы книг, и она и те горы возьмет, растащит по зернышку и спрячет куда-нибудь далеко-далеко, глубоко-глубоко, укроет куда-нибудь в тайники народной души, переработает там на свой лад и докажет на каком-нибудь крупном деле, что не почивают в недрах народной жизни ни знания, ни понимания, ни настроения, выработанные лучшими представителями человечества разных времен и народов...

— Подходи, бери, принимай! читай, брат, читай! Получай, что следует, читай хорошенько!...— доносился издали до меня голос Морозова.

Через минуту и этот громкий и сильный голос потонул в шумливом гудении толпы... Еще мгновение, и лошади помчали нас к станции Р-ской железной дороги.

* * *

С тех пор я не видел больше Морозова. Где он и что с ним—я так и не знаю. Только однажды мне пришлось услышать его имя в мае 1902 года, во время одного «события» в одной из южных губерний. Но странное дело, несмотря на всю мимолетность наших встреч, мне после них как-то стало казаться, что Морозов заразил и меня своим настроением, и с тех пор до сего дня я словно слышу слова Морозова, что книги и вправду «носятся в воздухе»...

Да, всякому овощу свое время.

П. Гнедич

КНИЖНАЯ ПЫЛЬ

Тени прошлого

Петр Петрович Гнедич (1855—1925)—русский писатель, переводчик. Печатал романы, повести, рассказы. Много писал по вопросам искусства. Он также автор сочинений, посвященных книге и библиофильству.

Публикация А. В. Блюма

Когда Давыд Давыдович женился на Ие Аркадьевне, он, показывая свое имущество, сказал ей:

— Единственное мое богатство, Иечка, заключается в моей библиотеке; здесь, правда, всего три тысячи шестьсот книг, но подобраны они образцово. У нас есть совершенно пустая полутемная комната: туда мы поставим семь этих шкапов, а сюда закажем новые. Ты понимаешь, что при моих научных занятиях—библиотека половина жизни. Философ должен следить за всем без исключения—за всеми отделами науки и искусства. Мне всего тридцать четыре года,—и я уже обладаю редким сокровищем. Подумай, что будет через тридцать лет!

Но Ия Аркадьевна поцеловала в ответ мужа в лоб и сказала:

— Умник мой, Давыдушка,—наживем миллион книг и будем самыми богатыми людьми на свете.

Конечно, Иечка не могла себе представить, что такое миллион книг; для нее, как для московской свахи, все, что свыше десяти тысяч, было миллионом. Она только заметила через полгода после свадьбы:

— Знаешь, Выдочка,—от этих книг ужасная пыль. Отчего ты не держишь их в шкапах под стеклом?

Выдочка объяснил:

— Видишь, Иечка, крошка моя: когда занят серьезной работой, и нужны для справки одна, другая, десятая книга,—тут нет времени поворачивать ключ, отпирять дверцу, запирающую. Они все равно остаются отворенными. При этом у дверец

шкапов проклятые столяры делают зачем-то необыкновенно острые углы, и о них непременно приходится стучаться головой. Особенно это неприятно, когда сидишь на корточках и разбираешься на нижней полке, а потом встанешь, и дверца угодит прямо в темя, знаешь, где у детей бывает родничок. Это очень опасное место.

— Но, Выдочка, надо же смотреть вокруг себя, думать?

— Ты наивна, дружок. Когда человек пишет ученую статью, он ничего не видит и ни о чем не думает. Нет, я готов лучше горничной прибавить лишние три рубля в месяц, только бы она одно утро в неделю посвящала на генеральную перетерку книг. Ты говоришь — пыль. Но в книжной пыли есть своего рода прелесть: тонкий, малоуловимый аромат — средний между горьким миндалем и ванилью... Ты едва ли это чувствуешь, так как у женщин носовой аппарат гораздо менее восприимчив, чем у мужчин, — точно так же, как и вкусовой: вот почему повара готовят лучше кухарок...

— Ах, Выдочка, какую ты несешь чепуху, — остановила его Ия. — Разве может у мужчин чувство быть больше развито, чем у женщины.

Но разговор этот не перешел в ссору, а снова закончился лобзанием. Так было в первый год их супружества.

* * *

Книги — то же, что кролики. Стоит завести весной пару этих невинных тварей, чтобы к концу лета они переполнили двор, огород, поле и соседнюю рощу. Они плодятся так успешно, что у самого убежденного члена общества покровительства животным является неудержимое желание выстрелить из пушки дробью или купить мышьяку, причем, в виде утешения, он припоминает, что из кроличьего меха делают что-то теплое, и что лучше носить одежду на их меху, чем отдавать им на съедение весь свой огород. — То же и книги. Стоит повесить одну полку, — чтобы они, как настурция, расплозились бы по всей стене, заняли один шкаф, другой, влезли на стол, под стол, на стулья, на подоконники, и, наконец, прямо на пол в каждый свободный угол.

Не прошло и пяти лет после свадьбы, как Ия Аркадьевна говорила:

— Нельзя ли часть их пожечь?

Давыд Давыдович испуганно поднимал на нее глаза.

— Июшка, господь с тобой! Да ведь тут столько редкостных экземпляров.

Она задумчиво смотрела на полки.

— А скажи,—с недоумением спрашивала она,—почему большинство их не разрезано?

— А я не люблю резать книг. Вот отдам переплетчику, он принесет в переплете, тогда и прочту.

— У тебя сколько теперь номеров-то?

— Да за одиннадцатую тысячу перевалило.

— И все так и будет прибавляться?

— Надеюсь. Я уж тут присмотрел одну квартиру. Там можно будет над шкапами еще сделать два ряда стоек... А потом, почему бы три шкапа не поставить в столовую? Книжки—лучшее украшение комнаты.

— Ты бы еще в залу поставил шкапы!

— А что же? Кому же они мешают по стенам? Горе, что перевелись добросовестные переплетчики. Вот посмотри—вчера принесли: папка тонка, уголки не закруглены, на корешке Хмельницкий написано через η,—шнурочек для закладки ярко-красного цвета.

— Так что же, что ярко-красного?

— Ну, знаешь, у меня все синие или зеленые... А тут вдруг цвета бычьей крови...

* * *

Первая стычка у супругов из-за книг произошла на тринадцатом году их сожития. Перебирая по обыкновению вещи в письменном столе мужа и ища каких-нибудь противубрачных элементов, Ия Аркадьевна вдруг натолкнулась на залоговое свидетельство: оказалось, что один из билетов выигрышного займа, принесенных ею в приданое, заложен в конторе какого-то Рубинштейна.

Быстрыми шагами подойдя к мужу, сидевшему, как дятел на дереве, на вершине складной лестницы, она поманила его вниз, а затем, сунув ему в нос бумагу, ехидно спросила:

— Это что?

Хотя волосы Давыда Давыдовича уже давно серебрились на висках и он давно знал, что пятый десяток подходит к концу,—тем не менее он густо покраснел.

— Это, Июша, я заложил... Я выкуплю... Получу праздничные и выкуплю...

— Зачем же ты скрыл от меня? Что за подлость!

— Я? Да что ты! Я и не думал... Ты видишь, бумажки так и лежат на виду... Я ведь знаю, что ты каждый день шарить у меня.

Зарница далекой грозы мелькнула на ее челе.

— То есть, как это «шарю»? Тебе, Давыд, следовало бы быть осторожнее в выражениях.

— Да я уж, кажется, так осторожен...—пролепетал он.

— Зачем тебе понадобилось закладывать мое бедное приданое,—не унималась она.

Лицо его расплзлось в блаженную детскую улыбку. Он нежно взял Иечку за руку и сказал:

— Не хотелось пропустить случая. Продавались недорого два издания... Полный Ровинский и Шекспир in folio. Я купил... У меня не хватило своих сбережений...

Он поцеловал женину ручку.

— У меня не хватило... И я прихватил. Я не сказал тебе,—знал, что ты браниться будешь...

Она сдвинула брови.

— Покажи это in folio.

Он вытащил толстенную книжищу и с торжеством отвернул покрытый ржавчиной ее титул.

— Да она грязна, как половая тряпка!—воскликнула Иечка.

— Грязна!—с восторгом повторил он.— Это грязь нескольких столетий... Быть может, она составляла украшение библиотеки архиепископа Кентерберийского! Или принца Йоркского. А теперь — она у меня.

Он погладил рукой пятнистую бумагу и крепко прижал к груди телячью кожу переплета.

— Сколько же ты заплатил за эту рухлядь?—спросила она.

Он на минуту запнулся. Предательская мысль — солгать — мелькнула на мгновение. Но Давыд Давыдович никогда не лгал. И он взглянул детски-чистым взглядом на жену и назвал цифру.

В тот же миг звонкий, определенный звук пощечины раздался в комнате. Давыд Давыдович, пораженный, откинулся на спинку кресла.

— За что?—скорбно спросил он.

— За то!—послышалось в ответ,—за то, что у меня нет порядочного платья для театра; за то, что я не могу позволить себе на ужин подать гостям горячий ростбиф; за то, что мы живем в Новой Деревне на какой-то дырявой даче.

— Ийка, Ийка! Да ведь это Шекспир!—завопил он.

— А черт бы его подрал вместе с тобой!—крикнула она и ушла, стукнув дверь так, что с соседней полки посыпались брошюры и напомнили собою падение Штаубаха.

— За что?—повторил он, глядя ей вслед.

* * *

По мере того, как шли годы, между супругами поднималась целая сеть зарослей, разъединявшая их друг с другом. Это были книги.

Сначала они чинно стояли на полках. Потом они стали жаться, давая место соседям. Одни легли, другие встали. Все плотнее и плотнее прижимались они друг к другу, то в одиночку, то пачками, они рассыпались по комнате. С пола они доходили до подоконника, опасно, осторожно перелезали на него и опять росли, заполняя все нижнее стекло, и вздымаясь все выше и выше. Когда потолок был ими поднят, они, как змея, перекидывали свое звено в соседнюю комнату. На этажерке появлялось десять книг, а в углу—ученый журнал за прошлый год. Потом под журналом снизу, точно выросши из полки, начинал зеленеть толстый том с изображениями каких-то монет. Крохотные томики Вольтера странно приютились поверх и играли на солнце золочеными корешками, когда вечером дневное светило косым лучом целовало их. Затем сразу появлялся шкаф,—и все книги, как крысы под звуки волшебной флейты, устремлялись на полки. По крайней мере, Ия Аркадьевна находила большое сходство их с крысами. Давыд Давыдович делал более реальное сравнение. Ему лежавшие на полу и подоконнике книги напоминали пассажиров, давно ждущих на улице попутного трамвая и кидающихся опрометью занять свои места. Всем находилось место если не внутри, то на крыше,—и туго набитый шкаф медленно покрывался сухой серо-желтой пылью.

Шапы стал делать особый столяр, и с особой компактностью. Книги ложились в три ряда, и полки можно было передвигать как угодно. Чтобы с крыши они не падали, по бокам делались решеточки. В одно лето, когда Ия Аркадьевна лечилась в Липецке, а Давыд Давыдович не мог съездить даже на острова или на тени,—так он был занят своей книгой: «Влияние Гегеля, Фихте и Спенсера на русскую литературу»,—в это лето четыре безработных студента усердно составляли каталог библиотеки Давыда Давыдовича. Каждая книга записывалась дважды, на двух отдельных карточках: одни ставились по алфавиту авторов, другие—по алфавиту названия книг. Все это укладывалось в длинные стопочки и в виде серых удавов тянулось через стол. Ежедневно студенты выпивали по три самовара, но каталог подвигался медленно,—и к тридцать первому августу было записано всего тридцать три тысячи названий.

— Тогда отложим до будущего лета,—согласился добродушно Давыд Давыдович,—а за зиму отдохните.

* * *

То, над чем много лет назад смеялась Ия Аркадьевна, свершилось воочию. Шкапы доползли до гостиной. Временно это наводнение было задержано тем обстоятельством, что единственная дочь их вышла замуж и освободила свою девическую комнату. Отец очень торопил со свадьбой, и однажды ночью, мечтая о будущем благоустройстве, спросил у супруги:

— Июльчик, а наверно свадьба Ксюшечки не будет отложена?

— С чего это ты? — сонно протянула она.

— Да видишь, я думал в ее комнате специально поместить библиотеку по богословским вопросам.

— Вот полоумный маньяк! — воскликнула Июльчик и повернулась к нему спиной.

— Четыре шкапа в ряд, — мечтал он, — у окна — католическая церковь.

— Да дай ты мне хоть ночью покой! — закричала, наконец, нежная супруга, срывая с себя одеяло. — Ты не имел права на мне жениться. Такие, как ты, должны вечно оставаться холостяками...

— И девственниками! — вдруг прибавил он.

Она этого не ожидала.

— Почему девственником? — спросила она подумав.

— Женатый печется о жене... — несмело пробормотал он.

— Много ты пекся!

Комната Ксюшечки на другой день после свадьбы уже была туго набита, как дорожный чемодан, всевозможными книгами. Желая доставить удовольствие жене, Давыд Давыдович стал складывать туда же сочинения по масонству и оккультизму, — а потом попало туда же исследование о происхождении петушиных боев, девятитомная астрономия, история игральных карт и прочее. На полу оставалась только узенькая дорожка для прохода, — с боков же, как стены спешей ржи, с каждым днем все возвышались и возвышались груды книг. Наконец, плотина прорвалась, и поток, минуя столовую и кабинет, хлынул прямо в залу.

Июльчик сперва заплакала. Потом примирилась со своей участью. Духовник сказал ей:

— Мужайтесь! Такие ли бедствия обрушиваются на человека!

И она стала мужаться. Она с безучастием смотрела, как поток книжной лавы превращал их жилище в Помпею. Стен уже давно не было видно; давно все забыли, какого цвета были

в комнатах обои. Окна наполовину тоже были прикрыты баррикадами и скупое сверху пропускали свет. Подавая кушанья, горничная шагала через историю Голштинии. Вся прихожая была подперта книжными столбами и на старые академические издания посетители клали пальто. Наконец, однажды Давыд Давыдович попросил управляющего домом к себе, долго держал его за руку, и, наконец, сладко произнес:

— Почтеннейший, позвольте мне на площадке лестницы поставить один шкапик с книгами. Он запирается на ключ и очень приличной работы; всего четыре аршина в высоту и три в ширину.

* * *

Здоровье его стало пошатываться. Явился кашель, хронический насморк. В пальцах появились какие-то спазмы и перо стало прыгать и не слушаться руки. Печень почему-то раздулась, и вот в один прекрасный весенний день к нему приехал старый гимназический товарищ, профессор медицины Брюкнер.

— Шестьдесят восемь лет, это весьма почтенный возраст,— сказал он.— И чтобы прожить еще лет пятнадцать, необходимо принять некоторые меры.

— Что ты называешь мерами?— хмуро спросил он.

— Ходить не менее четырех часов в день, пить воды, сесть на диету и ни о чем не думать.

— А главное— не читать своих дурацких книг!— подсказала Ия.

— Да, и меньше читать,— подтвердил медик.— Я тебя восстановлю— ты почувствуешь себя в первобытном состоянии. А иначе— плохо дело. За годик не поручусь.

Давыд Давыдович слегка побледнел и повел глазами по книгам.

— Вы понимаете, нас книги пожрали!— говорила Ия Аркадьевна.— Они нас выжили из квартиры. Здесь живут книги, а не мы.

— Да, я вижу, у тебя даже под постелью энциклопедия,— сказал доктор, заглядывая под его ложе.— Ведь это все портит воздух, заражает книжной пылью. Я бы тебе советовал продать половину или даже девять десятых библиотеки.

— Ведь мы нанимаем для них в тысячу семьсот рублей квартиру!— волновалась супруга,— а сами живем, как в подвале, света божьего не видим, позвать никого не можем...

— Да-да... Это все мы изменим,— сказал Брюкнер.— Я еду на воды сам и его возьму. Мы его восстановим. С осени для тебя начнется «эпоха ренессанс».

* * *

И вот Давыда Давыдовича увез его школьный товарищ за несколько тысяч верст. Там его будили в шесть часов. Читал он только газеты, да в киоске купил томик Мопассана, про которого много слышал. Мопассан ему показался поэтом людей со скудным кругозором, но он этого никому не сказал.

Раз он только взволновался: жена написала ему, что меняет квартиру и что они от Аларчина переезжают к Чернышеву мосту... При этом она заявляла, что за перевозку одной его библиотеки перевозчик просит девяносто рублей, так как должно выйти возов десять. Волнение Давыда Давыдовича было таково, что он даже немедленно собрался в Петербург, но доктор его не пустил, а повез куда-то отдыхать.

Прошло время леченья, и он вернулся на лоно Ии. Ия встретила его на вокзале и по дороге домой ласково говорила ему:

— Квартира — прелесть. Ты будешь доволен, милый, — не то, что Аларчинская тюрьма.

Она была в восторге от его здорового вида. Он бодро поднялся по роскошной лестнице во второй этаж. Он вошел в маленькую прихожую, в маленькую гостиную. Он стремительно кинулся в столовую, в спальню, в свой кабинет.

Один огромный шкаф, родоначальник его библиотеки, стоял в кабинете. Других шкапов не было.

— Где же книги? — спросил он, чувствуя, что нижняя челюсть отпадает.

— Продала с пуда! — торжественно заявила она. — Ни один букинист не давал ни гроша. Но посмотри, какой простор кругом! Мы можем сказать, как, помнишь — молодые на французской картинке: «Ensin seuls!»

Ночью у Давыда Давыдовича был бред. Он, подобно Августу, требовавшему от Варра возвращения легионов, всю ночь говорил:

— Иища, Иища, — отдай мне мои книги!..

Но они были проданы с пуда.

* * *

Около недели Давыд Давыдович бродил, как тень Гамлета, по окрестностям Чернышева моста. Вдруг гениальная мысль озарила его.

Он стоял против Публичной библиотеки. Он вспомнил, что директор — его старый приятель.

Через пять минут он сидел уже у него в кабинете.

— Да сделай одолжение,— говорил директор,— с десяти утра до закрытия библиотека к твоим услугам. Я велю поставить отдельный стол, в отдельной комнате— бери книги из всех отделений... Даже на дом, если хочешь...

Иица после этого видеда Давыда Давыдовича только от пяти до шести за обедом; остальное время он сидел в Публичной библиотеке и был занят новым трудом: «Как понял Стюарт Милль философию Вильяма Гамильтона».

Евгений Иванов

ИЗ КНИГИ «КРАСНОЕ КРЫЛАТОЕ СЛОВЦО»

Публикация и предисловие
З. Милютиной

Предлагаемые читателю «Альманаха библиофила» два очерка из большого труда Евгения Платоновича Иванова (1884—1967) «Красное крылатое словцо» рисуют книжный быт старой Москвы. Автор публикуемых воспоминаний более пятидесяти лет занимался собиранием речевого фольклора. Им были записаны образцы народной речи у коробейников, букинистов, антиквариев, иконников, сапожников, портных, цирюльников, гробовщиков, ловцов бродячих собак, извозчиков, пожарных, официантов, трактирных половых, уличных торговцев, продавцов из магазинов готового платья, городских.

Несколько слов об авторе этих записок.

Е. П. Иванов редактировал и издавал журнал «Театр в карикатурах» (1913—1914), где впервые было напечатано стихотворение В. Маяковского «Скрипка и немножко нервно». Он дружил со многими людьми своего времени: Маяковским, Горьким, Александром Грином, встречался с Куприным, Гиляровским, Смирновым-Сокольским, вместе с Луначарским создал сценарий «Разум огненный». Е. П. Иванов был первым председателем ЦК Союза работников искусств (Рабис). Изогиз выпустил его книгу-альбом «Русский народный лубок». Много лет Иванов был государственным экспертом по антикварным предметам при Всесоюзной торговой палате. Сказался большой опыт, который нашел свое отражение и в «Красном крылатом словце».

ОФЕНИ-КНИГОНОШИ

Один старый пастух когда-то уверял меня, что самый мудрый человек должен быть обязательно или из ярославцев или из туляков. А когда я спросил его, почему, то услышал: «Ярославцы — народ ученый и весьма обходительный, а туляки — превеликие мастера».

Думаю, что мой собеседник изменил бы свое мнение, если бы я рассказал ему о нижегородских, тверских и владимирских офенях. Да и понятно — никому не сравниться с изворотливостью и ловкостью этих торговцев. С коробом за плечами, в зимнее время с легкими салазками на ручных лямках, в летнее — около старой телеги, запряженной прожившей почтенный век лошадкой, переходили они с места на место.

Наживали они от русской деревни немалые деньги, позволявшие им иметь на стороне и двухэтажные сельские дома, и образцовую скотину, и «торговлишку» в городе, и банковский счет, и даже с большой «скрутой», т. е. приданным, выдавать замуж дочерей за такого же, как они сами, коммерческого и оборотистого человека.

Офеней назывался мелочной, передвигавшийся с места на место торговец, имевший переносной ларек-лавочку или хранилище предметов своей продажи. Занимались этим делом некоторые крестьяне, как сказано выше, Нижегородской, Тверской и Владимирской губерний, в последней — Шуйского, Вязниковского и Ковровского уездов. В конце, например, XIX — начале XX столетий их насчитывалось свыше пяти тысяч человек, совершавших общий годовой оборот до шести миллионов рублей. При этом офени разделялись на хозяев и приказчиков, участвовавших в доходах предприятия на равных началах. Условия офени-приказчика рознились от условий офени-хозяина только тем, что на долю первого присчитывались все суммы долговых обязательств, и сообразно их размеру начислялась пропорциональная прибыль на счет второго. Таким образом, приказчик нес ответственность за то доверие, которое кому-либо оказывал.

К числу офеней по характеру их передвижной деятельности относились и иные торговцы, совершавшие свои операции в глухих мелкохозяйственных центрах. Встречались они и в провинциальных городах, но чаще и больше всего в деревнях. Деревня их охотно принимала, кормила и в большинстве случаев обогащала. В ней они меньше всего зависели от возможности конкуренции и влияния купца с более сильным капиталом. Так как офеней было немало, то «бороздили» они все лицо старой России и делились по специальностям на много разрядов.

Самый типичный и разносторонний офеня — это, конечно, коробейник, названный так по неизбежной принадлежности своей торговли — лубяному коробу, представлявшему целую складную походную лавочку. Короб этот делался в виде довольно высокого ящичка, соразмерного с ростом его владельца, и носился на крестообразно перехватывавших плечи и грудь лямок. Тяжесть содержимого заставляла офеней несколько сгибаться при ходьбе, ища опоры в неизменной суковатой палке, которую они держали в руках и как случайное оружие против голодных крестьянских псов. В старину, к которой относится происхождение офеней, имели они еще за пазухой или за голенищем сапога называемый по-народному «шестопёр», или кистень, — железный шар с неровной повер-

хностью, прикрепленный толстой цепью к особому кольцу, набитому на деревянную рукоятку. Такое вооружение офеней вполне понятно, ибо проходили они громадные пути по проселочным и лесным дорогам, где приходилось встречаться с «недобрыми» людьми, всегда считавшими их, нагруженных ценной ношей и деньгами, богатеями.

«На дому друг первый застень (т. е. запор), а в дорогу — кистень!» и «На лежке — жена-баловница, а в пути — палка-суковица!» — говорили в народе.

Когда приходил коробейник в какое-нибудь село, то на самом бойком месте раскладывал свой походный магазин. И действительно, можно было удивляться тому громадному количеству материала, который он умудрялся помещать на своей спине. Короб содержал внутри много накладывавшихся один на другой лубяных ящичков, представлявших собой как бы отделения своеобразного материально-вещевого склада.

Был и специальный отдел — литературный. Какой только заманчивой книжки, расценивавшейся за экземпляр от одной до десяти копеек, не содержал он! Тут были все виды календарей, «Бова-королевич», «Илья Муромец», «Полный любовный письмовник для молодых людей», «Вся белая и черная магия, или Книга чудес и тайн», «Хиромантия, или Тайна руки», «Новейший полный фокусник», «Миллион снов», «Джузеппе Гарибальди, величайший герой Италии!», «Ермак Тимофеевич», «Красавец атаман Картуш», «Жизнь и казнь Стеньки Разина», «Ванька Каин, знаменитый московский сыщик», «Сибирский замечательный и загадочный старец Федор Кузьмич, умерший в Томске 20 января 1864 года, и о том, как жили в Сибири русские люди в его время», «Франциск Венциан», «Иеруслан Лазаревич», «Разбойник Кудеяр», «Гуак, или Непреоборимая верность», «Самоучитель танцев», «Зеркало тайных наук», «Современная гадалка», «Таинственный мир», «Новейший полный фокусник», «Тайна Воробьевых гор», «Хмельная брага», «Тайный грех», «Тайны липовой аллеи», «Венецианская красавица», «Отчаянные красотки», «Тысяча и одна ночь», «Страшный убийца и потрошитель женщин Джек», «Леонора — защитница женщин, гроза вероломных мужчин», «Графиня нищая, страшная участь женщины-героини», «Сверкающее колесо», «Сорок раз женатый, или Невинные жертвы разврата», «Изумительные похождения и страшные приключения Ричарда Кервей», «Пан Твардовский», «Атаман Стенька Разин», «Макарка душегуб», «Страшный разбойник и злодей Чуркин», «Новый цыган Яшка», «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умиравшая на гробе своего мужа», «Черный дракон»,

«Повесть об атамане Зарубе», «Горничная Фекла и мужик Антип», «Тарас Бульба», сочинение В. Дорошевича, «Кавказский разбойник Оглы-Габай», «Разгулье купеческих сынков в Марьиной роще», «Характеристическая жизнь портнихи-модистки с Кузнецкого моста и сидельца из ножевой линии», святцы, жития святых, из которых особенно памятна история Иоанна Новгородского с описанием путешествия на нечистой силе к святым местам и с изображением на обложке самого подвижника, загнавшего испуганного черта в умывальник и благословляющего его в этом неудобном положении, жития Евстафия Плакиды, Тихона Задонского — с вклеенным рисунком сцены хождения перед ним озорничающих школьников, наконец, разновидности сонников, оракулов-чародеев и бесчисленные лубочные картинки, перемешанные с гадательными таблицами «премудрого царя Соломона», а иногда с астрономическими предсказаниями Брюса.

Среди лубочных изображений преобладали сцены из жизни былинных богатырей, монастырские листовки, песни с иллюстрациями, карикатуры на городских купцов, портреты царей и генералов, пророческие предсказания о судьбе богатых и скурых людей, попавших в ад, в распоряжение сатаны, сцены народных гуляний и пр.

Издателей такой литературы для деревни было немало: Преснов, Земский, Леухин, Коновалов, Сазонов, Петров, Данилов, Ушаков, Анисимов, Морозов, Бриллиантов, Харичкин, Николаев, фирма «Посредник», Сытин, Суворин, Гатцук. Последний славился в семидесятых годах своими календарями.

Офеня был не только торговцем, но и носителем и проводником в деревне мещанской культуры.

Вот как, например, оповещал офеня о своем прибытии в деревню:

«Франциль Венциан, русский богатырь, дел всяких много натворил! Разбойник Кудеяр, кто его видал, тот три ночи не спал! Житие угодников святых Евстафия и Плакиды, молитвы за упокой, по родным панихиды! Царь Соломон премудрый, Асаф-царевич златокудрый, Оракул-чародей — великий чудодей! Покатай по сияньи горошиной и ответ получишь на интерес спрошенный! Лунный Брюс, православным на удивление — описание великого солнечного затмения!.. Иоанн Новгородский на чёрте в Киев летит, в воду его загоняет, молитвой его мучит, а сатану от молитвы святителя крутит!.. Книжечки по копейке. Суворов Аликсан Василич, генералиссимус-фельдмаршал, идет на турку походным маршем, за ним воины российские помахивают, весьма неприятеля штыками потря-

хивают... Сейчас продам-уступлю, опосля сам обратно куплю...»

Иногда продавец, стараясь заинтересовать своим приездом, добавлял:

«В давным-давние времена, когда росли до небу леса, жил-поживал Кузька бог, мородовский пророк, луговой архiereй, Степанидкин любодей. На высоких дубах людей вешал — себя тешил. Коли товар раскупать станете да до солнышка задержите, в ночь останусь и все расскажу — как было. Вы, небочь, не слыхивали ничего и не ведаете, а больно вразумительно!

А еще слышал я:

Какой вы человек понимающий, я вижу — как книгу в руки взяли!

Этой вам не надо, положите ее обратно!

По печатному каталогу провинция выписывает, а любителю в руки книжку дай. Он ее понюхает, пальцами потрет, слюнку проглотит — и за бумажник...

Нечего и рыться, коли вы не есть любитель настоящева товара!

Поп лезет... Ах, нечистый его побери, — весь день сегодня торговли не будет! На почине нелегкая принесла!

Любитель по старописной книге беспременно, прежде всего, на свет смотрит!..

Есть у меня «Королевский повар» — второй том... По вкусу будет?

Я тебе продам «Трех мушкетеров» Дюма! Не желаешь? Могу двух отдать, мне все равно. Хоть одного возьми!

Два рубля за «Полный сонник» для разгадывания четырехсот снов! Ну что из того, что напечатано на двести! Умный человек из всякого дела двойную пользу извлечет! Рубль хотите? Ну, все равно, давай, давай, так и быть, твоя книга! Хочу, чтобы ты все свои сны знал...

От книги и сыт будешь, и без штанов нагуляешься!

АНТИКВАРИИ-ИКОННИКИ

Антикварию-иконники, пожалуй, особая каста среди собирателей и перепродавцов старинных вещей. Чаще всего занимались этой отраслью коммерции иконописцы и реставраторы религиозных предметов. Хорошо разбираясь в образцах иконописи, различая их по так называемым «школам» и эпохам, объезжали некоторые из них глухую провинцию, обычно поселения старообрядцев, выменивали и по дешевым ценам скупали «чки божии», то есть иконы. При этом выбирали, конечно, только те, которые представляли определенную художественную или валютную ценность. А ценились иконы, пережившие века, писанные по старому уставу, или «переводу», многоликие, сюжетные (т. е. сложные по композиции) и без заметных следов реставрации. Для новичка-коллекционера здесь был непочатый край всяческих заблуждений, ошибок, переоценок при покупке, а вместе с тем и

учения. Это и служило привлекательной доходной статьей для менее щепетильных антиквариетов. Распознавать ценную иконопись подчас было и для специалистов делом нелегким. Существовали к тому же целые артели профессионалов по выработке дубликатов, копий и подделок, писанных на старых досках, закопченных, хорошо покрытых темной олифой. Надо было обладать большим опытом, чтобы найти и иногда просто угадать подлинную «послойность», т. е. наложенные один на другой слои красок, происходившие от стародавнего обычая подновлять икону, сдавать ее при потемнении для поправки мастеру. Такие поправки могли, ввиду оседавшей на живописи копоти от свечей и лампад, производиться не один раз в столетие. Этим хорошо пользовались фальсификаторы. На старой «чке», или доске, писали икону древнего образца, покрывали ее олифой, высушивали, подкапчивали, на этом слое делали второе изображение с такими же процедурами, на втором — третье и т. п. Когда икона была покрыта последним слоем темной олифы и хорошо выдержана в сухом помещении, делали в каком-нибудь месте расчистку, т. е. проскабливали до начального слоя настолько, чтобы был виден «древнейший» рисунок. В таком виде продавали ее коллекционеру с таинственным и дружеским сообщением:

— Иконочка, святой образца, извольте видеть, не позднее века пятнадцатого, да записана... Расчищать надобно... Получится первоклассная вещь для вашего собрания. Я уж чуть почистил, испробовал... Вон что там, внизу-то... И недорого...

Коллекционер попадался на удочку и не только приобретал «новодел», но и поручал еще продавцу снять с нее «послойность», довести ее до первоначального состояния. И надо было видеть, с какой тонкой и хитрой угодливостью антикварий оперировал с порученной ему работой. Вскрыв один слой, он приносил икону заказчику на просмотр, говоря:

— Уж так хорошо, что жалко дальше чистить... Как скажете?

И раз за разом укреплял доверие клиента к покупке.

Насколько тонка была работа фальсификаторов, можно судить по случаю, рассказанному мне большим знатоком и специалистом иконописи Григорием Иосифовичем Чириковым:

«Купил я раз в Мстере в сарае под грязью и копотью пять больших икон. Старые, насквозь их вижу, что не моложе четырнадцатого века, а привез в Москву, начал вскрывать — настоящая подделка. Так и смолчал... Стыдно было, что и меня накрыли...»

Очень любили антикварии-иконники устраиваться экспертами, оценщиками и советниками при каком-нибудь денеж-

ном, не особенно опытным собирателем. Здесь было самое широкое поле для их деятельности. От третьих, подставных лиц продавали они им новоделы или слабые по исполнению предметы, сами их оценивали, когда надо было, подхваливали, для вида торговались с продавцом и проч. Если же были предложения со стороны, то требовали себе от продающего негласную «хабару», или гонорар, в противном случае «проваживали» покупку, не советовали приобретать.

Очень любопытны были приемы таких антиквариюв при личной покупке в среде старообрядцев или просто религиозно настроенных людей. Входил антиквариюв-иконник в сопровождении маклера — указчика адреса — в помещение, быстрым движением срывал с головы шапку или картуз и начинал с внешним усердием, осеняя себя сложенным по старообрядческому уставу двуперстным крестом, молиться на образа. Окончив моление, антиквариюв низко кланялся хозяевам и произносил:

— Я из Москвы, собираю для устройства моленной святыне образа, по старому чину писанные... Для молитвы — для доброго дела греха нет продать, может, на чем и сладимся, во имя божие...

Иногда уловка эта удавалась, иногда к «собирателю на моление», т. е. для перепродажи коллекционерам, относились с подозрением и антиквариюв уходил ни с чем. В последнем случае он запоминал адрес и подсылал вторично, спустя некоторое время, «подручного человека».

Немало в быту антиквариюв этой категории, равно как и у иных, самых разнообразных случаев и курьезов.

Около книжного склада П. П. Шибанова и иконных магазинов Силиных на Никольской бродил, выжидая покупателей, выходявших от антиквариюв, «мстерский богомаз» Мосолов. Человек этот бросался в глаза тем, что бородатое лицо его сохраняло всегда одно и то же улыбающееся, восторженное выражение. Создавалось впечатление, что у него неисчерпаемый источник душевных радостей и энергии, которыми он может снабдить по сходной цене каждого желающего. Человек этот был агентом крупных, не имеющих открытой торговли иконописных мастерских и сбывал заведомые подделки. Товара никакого при себе никогда не имел, а только разузнавал и записывал адреса, обещая зайти и занести требуемое на квартиру. Познакомившись таким образом, аккуратно приходил и начинал ежедневно носить всякую всячину, чаще всего древние предметы религиозного культа.

Один из московских купцов начал коллекционировать древние иконы, причем по странной фантазии покупал их

только с «мощевиками», т. е. с врезанными в дерево застекленными частицами мощей. За короткое время Мосолов награбил его целым таким собранием. Почти всех святых собрал этот меценат в свою коллекцию. Тогда конкуренты ловкого иконника начали подсмеиваться над незадачливым коллекционером и уверили его в том, что он стал жертвой ловкого обмана. А для проверки порекомендовали ему заказать Мосолову мощи Ильи-пророка, взятого, по библейскому преданию, живым на небо. Так и сделал купец, потребовав от ничего не подозревавшего своего поставщика нетленные останки святого Ильи. Через неделю Мосолов принес не только икону с мощами, но даже с особой металлической коробочкой, в которой, судя по надписи, был запаян чудесно сохранившийся волос из бороды пророка.

Собиратель мощей вцепился в длинную рыжую бороду Мосолова и выдрал из нее несколько клочьев. Дело перешло в суд, где, вызывая общий смех, ответчик оправдывался:

— Илья пророк живым, по писанию, на небо взят, потому мощей его на земле обретаться никак не может. И сейчас на колеснице своей преподобный еще перед дождем разъезжает, а нечестивец этот во грех, соблазн да в искушение меня ввел...

В период 1909—1913 годов в Москве от разных лиц мне удалось записать следующие острословицы и разговоры, рисующие быт иконников:

Он не лоб, а кошель крестит...

Он очки-то и всякому святому вотрет...

Сокол из Москвы налетел воробьев щипать...

Ты его спроси, как он Варвару-великомученицу на святого архангела Гавриила переписал. Крылья ей подшил, копыце в руки дал, конька подвел. Только вышло нескладно, на рынок продал... не специалист—не иконник, а вывесочник!

Что ты олифу-то зря на святого налил, ровно масло на хлеб...

Это первый оператор по святой части!

Реставратор тоже. Замыл мне Максима Грека и бородку ему не вбок, а на прямое причесал. Сам знаешь, что Максим-от Грек с широкой бородой, ровно полицейстер...

Ну, благословил я его по-отечески! Новеньких попродал... Теперь надо что и лучше дать. Почин есть, а далее сам на салазках пойдет, будет в петлю лезть. Можно дать семнадцатый (т. е. XVII век), только не особенно из первых. Когда до шестнадцатого дойдем—и не видно... потянем...

От покупателя прохвоцит (т. е. протерт травой хвощом, употребляемой для приглаживания иконописной доски до покрытия ее левкасом), потом пропишет, а сверху олифой смажет, и блестит до поры, пока не очухается да на большую денгу не влипнет...

Был разбойник благоразумный, что спокаялся, а этот: и кается, и лается, и опять в разбой... Недоглядел я... с наводной трещиной (т. е. с искусственной кракелюрой, обычно делавшейся или путем царапанья острым ножом, или тонкой подрисовкой) мне Федоровскую (икону божьей матери) продал. Я ему говорю: новодельную мне продал!.. А он: у вас, я думал, коллекция новодель-

ных, музей нового искусства! Вот какой грешник!.. Чего грешник — разбойник, мошенник!.. Стыда перед грехом нет!..

Он от мстерского богомаза и сам пролаза. Гляди за ним в четыре глаза... Опять из-под носа всю моленную скупил... Помянешь Елисея Иваныча Силина, благородный был человек, а этот, чертов ухват, в аду, из пламени головешки таскает и не обожжется...

По совести тебя просил: напиши мне святого Георгия на белом... беспременно на белом коне. А это что? Мышастая кобыла с чужого двора. Рази конь это?.. Со своей бабы, что ли, рисовал?..

Илья пророк на колеснице? А где огонь?.. Дым один?.. Что тебе краски, что ли, жаль?..

Эх ты, реставратор!.. Клеевар копытный... Как хочешь, так и обижайся... Калоши тебе заливать, а не таким делом сурьезным заниматься!..

МИНИАТЮРЫ НА БЕРЕСТЕ

Печальное известие о кончине большого знатока старинной русской книги Александра Ивановича Анушкина больно отозвалось в сердцах всех, кто знал его лично, а также заочно. К последним принадлежу и я.

Зная о том, что Александр Иванович увлекается изготовлением миниатюрных книжечек из бересты, я обратился к нему с просьбой написать об этом заметку. Вскоре я получил желанный ответ с крошечной запиской: «Посылаю вам заметку о своих берестяных миниатюрах... Если все это вам пригодится — буду рад. А. Анушкин».

Мне кажется, что этот небольшой материал будет интересен читателям «Альманаха библиофила».

П. Почтовик

Идея изготовления книжечек на бересте навеяна находками в Новгороде берестяных грамот. В самом деле, думал я, если мои далекие предки (я родился в селе Черенцово на реке Волхов, это село упоминается в одной из Новгородских переписных книг 1500 года) тысячу лет назад использовали бересту как материал для письма, то почему бы не попробовать и в наше время применить бересту для изготовления книжных миниатюр. Кора оказалась податливой на разделку, в результате из одного куска у меня получалось несколько тонких листов (из внутренних слоев) и еще один верхний плотный, коричневого цвета.

Первую книжицу на бересте я посвятил изречениям из древнерусской литературы о книге и озаглавил ее «Книги — суть реки...» В миниатюре помещены выдержки из «Лаврентьевской летописи» (1377), «Изборника Святослава» (1076), «Слова Даниила Заточника» (XII век), сборника «Пчела» (XIV век). В книжице — 24 страницы, она в обложке из березовой коры коричневого цвета, схожей по плотности и цвету с кожаным переплетом. Размер — 5×5 см.

Потом возникла мысль узнать, что сказано в поэзии о таком поэтическом дереве, как береза.

Не скрою, вначале это было занятие в часы отдыха, но

потом оно стало захватывать меня все больше и больше и превратилось в литературоведческое изыскание, приносившее глубокое удовлетворение. Передо мной во всем величии встал образ березы как символа нашей Родины, красы ее природы. Постепенно я изготовил целую библиотечку берестяных миниатюр. Это и отдельные сборники со строками стихов о березе А. Пушкина, К. Рылеева, Ф. Тютчева, С. Есенина, М. Танка, А. Прокофьева, В. Солоухина, В. Бокова и других. Прекрасные строки о березе из «Песни о Гайавате» Лонгфелло, выдержки из произведения чилийского поэта Пабло Неруды «Колокола России», посвященного Великой Октябрьской социалистической революции, составили две особых книжицы. Одна из миниатюр включает стихотворение «Новгородская береста» Ю. Ливеровского.

Наряду с миниатюрами, посвященными творчеству отдельных поэтов, ряд книжиц включает поэтические строки о березе нескольких авторов (от трех до пяти). Получилась своеобразная антология под общим заглавием «Береза белая». Всего в ней 19 томиков со строками о березе из стихов 77 авторов.

И еще одна предпринятая мною серия миниатюр, включающих в себя строки из песен. В ней пока 4 томика с выдержками из 11 песен.

Сейчас у меня уже более 50 книжечек, в которых представлены около 120 авторов. Иллюстрации к некоторым «изданиям» выполнены художником П. Безнощенко.

О размерах берестяных книжиц. Они — не стандартны, и объясняется это особенностями материала. Основные размеры (в сантиметрах): 3×3; 3,5×3,5. Есть также и другие: 4,7×3,5; 6×5,3.

Недавно моя библиотечка миниатюр пополнилась копией первой книжицы на бересте (размером 5×5 см, на 12 страницах), найденной археологами при раскопках в Новгороде.

ИЗ ТЕТРАДИ КНИГОЛЮБА

Юрий Мошков — поэт, известный книголюб. Он жил в Вязниках Владимирской области, много лет занимался изучением искусства книги. В последние годы, перед безвременной кончиной, он работал над рукописью «Тетрадь книголюба», отрывок из которой «Альманах библиофила» предлагает своим читателям.

Про обычную книжную обложку речь впереди, а сначала — про ее младшую, тоже бумажную сестру с полуиностранным именем.

СУПЕРОБЛОЖКА («супер» в переводе с латинского означает «сверх чего-то») — эдакая элегантная «накидка», наброшенная на «платье» основной обложки или на дорогое «пальто» переплета. Придумали «сверхобложку» для защиты книг от слишком яркого солнечного света, от налета пыли, от чернильных и масляных пятен, от царапин и прочих повреждений, чтобы книги не выгорали, не пачкались и не дряхлели раньше срока.

Можно изготовить и самодельные суперы — это как заблагорассудится книголюбу, потому что, по моим наблюдениям, не каждый устроитель домашней библиотеки питает симпатию к «дополнительной» обложке — топорщится, соскальзывает, создает неудобство при расстановке книг, а некоторые «эстеты» даже избавляются от супера — мешаает-де покрасоваться переплету.

Для выкройки простейших суперобложек пригодна плотная цветная бумага, а вот из чертежной кальки вырезать их не следует. Опытные книжники предостерегают: по своему химическому составу калька вредна книгам. Да и полки с томами в «накидках» из кальки будто туманом подернуты: не сразу разглядишь и разыщешь нужную книгу...

Самодельный супер, как это кажется сгоряча, конечно, не заменит в равной степени издательскую суперобложку: ведь она не только защитная «накидка», но и часть художественной

отделки издания, его афиша и реклама. Повторяя главные сведения о книге, помещенные на обычной обложке, переплете и титульном листе, она нередко дополняет их. Значение ее информационной службы возрастает в тех случаях, когда на переплетах и обложках текст отсутствует. Броская, нарядная, изящная суперобложка отлично рекламирует книгу, приглашая тотчас же полистать страницы новинки.

Особенно привлекательны «накидки» книг по искусству. И дело не в том, что они отпечатаны по эскизам художников, которым будто бы «своя рубашка ближе к телу», а в характере изданий. Трудно представить, чтобы, скажем, альбом репродукций с картин прославленных живописцев вышел в тусклой и невзрачной суперобложке.

Своим хорошим «здоровьем» книга обязана суперу, но сохранность его самого под постоянной угрозой: долго ли порваться тонкой «накидке»... Угрозу, однако, легко отвести, коль до того, как поставить книгу на полку, не полениться поправить отвороты суперобложки. И не сердиться, когда она морщится — значит, на полке чересчур тесно.

Если суперобложке дали «путевку в жизнь» полиграфисты нашего века, то ОБЛОЖКА была призвана на службу типографами шестнадцатого столетия. Ее прошлое достойно внимания и уважения: книга в непритязательной бумажной «одежде» везде и всегда отличалась доступностью для простого люда.

Каждой книге — политической, научной, технической, художественной — при выходе в свет выдается своя обложка, отвечающая особенностям издания и его назначению. Это лишь на беглый взгляд скороспелого накопителя книг обложки кажутся одинаковыми. Нет одинаковых — ни по решению, ни по удаче...

Обложка по давней обязанности предохраняет книжные страницы от порчи и травм: без нее книга выглядит жалко. И наша забота — продлить век обложечного листа: разгладить морщины, почистить, подклеить. И не следовать примеру любителей безупречного порядка, которые стремятся во что бы то ни стало переплести старую книгу, отбрасывая обложку прочь.

Лишаясь обложки, книга утрачивает неповторимые следы своего времени. Оденьте в переплеты, пренебрегая обложками, книжечки знаменитой павленковской серии «Жизнь замечательных людей» — и они перестанут в какой-то степени источать «аромат эпохи». Но ведь важно сохранить приметы ушедших в историю дней. Обложки книг, изданных у нас в

двадцатые годы, существенно отличаются от обложек середины века и от сегодняшних. Они «митинговали», призывали, агитировали и по манере оформления были родственны плакатам.

А разве малоинтересна обложка-современница? Ныне ее авторитет укрепился, как никогда. Переплетаются лишь крупные по объему книги, а львиная доля изданий выпускается в мягкой обложке. Предпочтение ей отдают потому, что она экономична, проста в изготовлении и, надо признать, весьма привлекательна в припрессованной к ее поверхности прозрачной и блестящей пленке. Полиграфисты полагают, что у мягкой обложки завидное будущее...

Однако, воздавая обложке должное, не будем кривить душой: все-таки книга в солидном и прочном переплете милее нам. Такова сила многовековой привычки. К добротному книжному переплету читающее человечество привыкло давно.

ПЕРЕПЛЕТ почти в пять раз старше обложки. Он «родился» на стыке первого и второго веков новой эры одновременно с кодексом — так по-латыни называлась книга той формы, которая сохранилась на протяжении столетий и здравствует при нас.

Кодекс, одетый в переплет, пришел на смену папирусному свитку. В прямом переводе слово это — «пень», а в переносном смысле — «книга, составленная из деревянных дощечек», из которых и делали самые первые переплеты. Впрочем, все по порядку...

Занятно, но родословная переплета связана с папкой. Конечно, не с картонной, распространенной сейчас. Папку, о которой я говорю, брали с собой, отправляясь по делам, древние греки и римляне. В ней хранились различные записи документального характера: люди старого мира были аккуратными канцеляристами. Две деревянные, костяные или металлические пластины, соединенные шнуром, тесьмой или шарниром, — вот вам и античная папка. Греки называли ее иначе, чем римляне, но позднее привилось общее название — диптих.

Когда появился кодекс, который нужно было чем-то прикрыть, древним книгоделам ничего нового придумать не пришлось. Листы рукописной книги сложили в деревянный диптих, обтянули его кожей — и получился отличный переплет. Потом уже его снабдили наугольниками и застежками из металла, стали украшать слоновой костью, эмалью, драгоценными камнями, резьбой и чеканкой. Наравне с кожей сторонки переплета покрывали дорогими тканями.

До середины XV века монополией на производство переплетов обладали монастыри — своего рода фабрики рукописной книги. Король франков Карл Великий, имевший солидную личную библиотеку, специальным распоряжением предоставил монастырям право охоты в лесных угодьях с той целью, чтобы кожа убитых животных шла на изготовление книжных переплетов.

С началом книгопечатания переплетное дело осваивают и ремесленники. Постепенно, с оглядкой на восточный опыт, деревянные дощечки заменяются листами картона. В XVI веке в Италии славились отменной выделки переплеты Майоли. Но кем он был — переплетчиком или заказчиком — осталось неизвестным. В том же столетии вызывали восхищение переплеты, изготовленные по заказу итальянца Деметрио Каневари — личного врача папы Урбана VIII (на них изображался Аполлон на колеснице), и французского гравера Тори из Буржа. Тори оставлял на переплетах своеобразную фирменную марку — изображение цветочной вазы с выбитым краем. В роскошные переплеты из красного сафьяна, с королевскими лилиями на крышках одевались книги дворцовой типографии в Париже, основанной по совету кардинала Ришелье.

С конца XVIII столетия, века кожаного переплета с тиснением, наступает время все менее и менее дорогих переплетных материалов. В 1825 году англичанин Арчибальд Лейтон вводит в обиход коленкорový переплет.

Переплеты русских рукописных и печатных книг, не уступая западноевропейским образцам, а часто превосходя их, выделялись завидной прочностью и богатым убранством. Крышки переплетов высокочтимых рукописей и печатных трудов заключались, как и иконы, в золотые и серебряные оклады. Русские мастера украшали книжные переплеты парчой, узорчатым бархатом, атласом, жемчугом, редкими камнями. Не переводились на русской земле и творцы надежных кожаных переплетов. То, что до нашего времени дошло немало старинных книг, заслуга и умельцев-переплетчиков, потрудившихся и для своих современников, и для потомков...

О, волнующие знатоков переплеты глубокой старины! Оказывается, они могут и сберечь книжные листы, и хранить удивительные тайны... Летом 1976 года директору Пушкинского музея-заповедника Семену Степановичу Гейченко выпала прямо-таки ошеломляющая удача. Ему посчастливилось найти книгу из библиотеки Ибрагима Ганнибала, отмеченную личной печатью прадеда А. С. Пушкина. Книга уникальная: ее автор — Дмитрий Кантемир, сподвижник Петра I. Но главную ценность таил переплет: из-под его крышек

извлечено двадцать шесть писем и документов «арапа Петра Великого»! Сейчас они экспонируются в музее села Петровского Псковской области, где жили предки величайшего русского поэта.

А теперь поговорим о переплете чуточку конкретнее... Существует целая наука о книжных переплетах, проведены кропотливые исследования, написаны сотни научных трудов. И все же не побоимся познать хотя бы «азы».

Переплет—это та же обложка со всеми ее функциями, только более сложной конструкции и из более долговечных, нежели бумага, материалов, хотя без бумаги не обойтись и в переплетном ремесле.

Из типографии книга выходит в издательском переплете; та, что занесена в списки общественного книгохранилища, носит библиотечный переплет, уголки которого для большей прочности оклеиваются тканью; а так называемый любительский переплет мастерит сам книголюб или заказывает его знакомому переплетчику.

А вот краткий перечень старинных и новейших книжных переплетов—единичных и массовых, дорогих и дешевых, известных понаслышке и привычных по домашней библиотеке: альбертиновый (из тонкого цветного картона, покрытого глянцем), атласный, бархатный, бумажный, gobеленовый, гранитолевый (из разновидности ледерина), дерматинный (из ткани, обработанной под кожу), дуковый (из ткани, напоминающей грубый холст), замшевый, картонный, клеенчатый, кожаный, кожмитовый, коленкорный (из миткаля, пропитанного крахмалом и красителем), ледериновый (из миткаля и более дорогих тканей с эластичным водонепроницаемым слоем), молескиновый (из ткани с начесом), марокенный (из тонкой кожи, завозимой когда-то из Марокко), парчовый, пластиковый, плюшевый, пресшпановый, сатиновый, сафьяновый, фибровый, шелковый, штапельный... Как говорится, на любой вкус и цвет!

Наши полиграфисты изготавливают переплеты трех конструкций—составной, цельноклееный и цельный.

Один вариант составного переплета—картонные сторонки оклеены бумагой, а корешок, соединяющий их, тканевый. Такой переплет у «Краткого справочника книголюб», изданного в 1976 году. Другой вариант: для оклейки сторонки и корешка использованы разные ткани. В качестве примера укажу на переплет издания 1957 года—«Рождение книги» Е. Немировского и Б. Горбачевского.

Сторонки цельноклееного переплета, а основой для них опять же служит картон, покрыты или сплошным куском

ткани (переплеты книг серии «Труды отечественных книговедов»), или бумажным листом (например, переплет книги С. Ивенского «Мастера русского экслибриса», отпечатанной в 1973 году в Ленинграде).

Цельный переплет — тут и гадать нечего — целиком изготовлен из куска прочного картона или пластика. Образец не пришлось искать долго: в цельном картонном переплете в послевоенном 1948 году вышла книга Н. Бендера «Имена русских людей на карте мира». Кстати, на пластиковых переплетах легко оттиснуть рисунок, они не боятся сырости, их можно мыть...

Вбирая в себя отдельные конструктивные особенности, переплет может быть жестким (эдакий добрый молодец на книжной полке) и гибким (удобен в любой дороге, выдюжит и в рюкзаке); с кантом, когда края переплетной обложки выступают за границы книжного блока, и обрезным, если типографский нож подровнял крышки переплета вместе с блоком.

Способы художественной отделки, в свою очередь, дробят переплеты на великое множество разновидностей, рассказать о которых под силу лишь специалисту по переплетам — библиопегисту. Я же ограничусь скупым перечислением...

Самый «бедный» из переплетов — гладкий, или «слепой»: на его крышках нет ни текста, ни узоров. Чуть-чуть богаче переплет с рубчиками, оттиснутыми вдоль корешка. Еще богаче переплет из набивной ткани. На следующей ступеньке переплеты с рельефным, бескрасочным и цветным тиснением. Бывают и вовсе роскошные — с аппликацией и с накладками на крышках (я видел «Левшу» Лескова — подарочное издание шестидесятых годов, на переплетную крышку которого наклеена металлическая горельефная накладка).

Слышал, что изготовлялись когда-то кожаные мозаичные переплеты: в их крышки были вкраплены кусочки кожи разных сортов и разной окраски. Ну, и совсем уж особняком стоит переплет факсимильный, в точности повторяющий облик какого-либо первоизданного переплета. Среди зарубежных коллекционеров популярны съёмные и папочные переплеты, которые у нас не привились...

Завершая разговор о переплете, сниму с него неоправданный навет. Выражение «попасть в переплет» — испытать стесненное, неловкое положение — никакого отношения к книжному переплету не имеет. И не могло бы иметь. Разве худо рукописным или печатным листам в удобном и красивом диптихе?..

Развернутая веером книга, если посмотреть на нее вдоль страниц, напоминает растение, листья которого дружно поднимаются из одного корня. Может быть, по этой аналогии и появилось понятие: книжный **КОРЕШОК**...

По строгому счету, у книги два корешка. Внутренний, что заставляет вспомнить корень растений,— это торец книжного блока, наружный — средняя часть переплета.

Профиль переплетного корешка, прикрывающего шершавый торец и копирующего его форму, бывает прямоугольным, полукруглым и похожим на шляпку молодого гриба в разрезе...

Блоки старинных книг накрепко «бинтовали», сшивая листы по торцу шнурами или ремешками. Корешок переплета плотно облегал неизбежные утолщения и поневоле получался с поперечными выступами — «бинтами», которые придавали ему оригинальность. Выступы на корешках нынешних переплетов — декоративное украшение, имитация под старину.

Переплетный корешок не чурается текста, правда немногословного. На нем помещают фамилию автора книги, ее название, издательский знак, марку книжной серии... Но сколько библиофильских историй и открытий связано с расшифровкой монограмм и разгадкой суперэклибрисов бывших владельцев давно распыленных библиотек — корешковой «тайнописи»!..

Надписи на переплетном корешке стали делать в XVII веке — до этого корешок «не знал грамоты». Переплетчики прошлого заботились о его наряде: старинные корешки с золотым тиснением не редкость. В наши дни распространено тиснение всевозможными красками и разноцветной фольгой.

Есть в переплетном корешке некая притягательная сила. Но мало хорошего в том, если книгу ценят только за красивый корешок. А такие ценители, превращающие книги в предметы комнатного интерьера, находились во все времена. Нехороша и другая крайность — беспечное отношение к переплетному корешку: выцветает — большой беды нет, подсыхает и трескается — терпимо, обнажается каптал — тоже не страшно...

Прошу обратить внимание: сверху и снизу из-под корешка переплета выглядывают кромки каптала. Вроде бы совсем малозаметные штуковины, а придают книге опрятность. Эти шелковые или хлопчатобумажные полоски тесьмы наклеиваются на основание книжного блока перед тем, как вставить блок в переплет, чтобы дополнительно скрепить листы книги и скрыть от глаза следы обработки основания. И «пришлепывается» не какой попало **КАПТАЛ** (когда-то наши переплетчики

заимствовали первую часть сложного немецкого слова «каптал-банд» — соединительная тесьма), а такой, который гармонировал бы с окраской корешка. Тут тоже вступает в силу закон сочетания цветов: красный каптал, например, обязательно «поссорится» с корешком зеленого цвета...

Неприметен каптал, но и его надо беречь — не вытягивать книгу пальцем, снимая ее с полки за верхнюю каптальную кромку: тесьма может разлохматиться и порваться. Следом начнется разрушение переплетного корешка.

И второе пожелание... Вестовой Фаддеев, приставленный к молодому Гончарову во время плавания на фрегате «Паллада», «с книгами поступил... так же, как и прежде: поставил их на верхние полки, куда рукой достать было нельзя, и так плотно уставил, что вынуть книгу не было никакой возможности». Что ж, матроса можно понять: он не хотел, чтобы книги падали с полок в часы шторма... Но ведь наши полки не в корабельной каюте, и незачем уподобляться вестовому Фаддееву! Расставим книги посвободнее — отведем от капталов излишнюю нагрузку...

Под верхний каптал книг, выполненных с особым изяществом, крепится симпатичная шелковая ленточка, что чуток подлиннее диагонали книжной страницы. Седовласые переплетчики и книжники называют ее на французский манер — «лассе», но куда чаще «межстраничную дежурную» зовут закладкой.

ЗАКЛАДКА — верное средство избавиться от «невинной» привычки загибать углы книжных листов, чтобы не забыть абзаца, на котором прервалось чтение. Загиб на бумажном листе что зарубка на дереве: один вред, и ничего больше... Если у книги нет типографской закладки, давайте сделаем кустарную из полоски твердой бумаги. Это же проще простого. Учтем, что про самодельные закладки даже стихи сложены. У Майи Борисовой есть такие строки:

Как будто сабли Первой Конной
Закладки — наискось и вверх!

Нет, не станем, по какой-то там спешке оторвавшись от чтения, примечать страницу любым предметом, подвернувшимся под руку, — расческой, спичкой, приколкой... Книге будет неприятно, а порою и больно. Не резон копировать нам флорентийского книжника XVII века Антонио Мальябекки, который, как утверждали знавшие его, оставлял иногда в книге кружок колбасы вместо закладки. Он же по рассеянности поступал так! А мы, увы, не по ошибке закладываем книжные

страницы полевым цветком, травинкой, кленовым листом... Красиво, более того, поэтично, но... Во-первых, эти лирические закладки оставят несмываемые пятна или, высохнув, накрепко прилипнут к страницам; во-вторых, почти наверняка они окажутся желанной пищей для опасных книге насекомых, а, в-третьих, много лет спустя могут они вызвать щемящие сердце воспоминания и грустные раздумья... Помните, у Пушкина:

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:
Где цвел? когда? какой весной?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

Сходные мысли высказал в печальной истории «Немая книга» Ганс Христиан Андерсен. Это история о старом студенте, по щекам которого не раз бежали слезы, когда он, раскрывая книгу, рассматривал в ней засушенные растения...

Право, не лучше ли обратиться к услугам обыкновенной закладки?..

В прежние времена, когда далеко не все книги выпускались, так сказать, в законченном виде, библиофил вооружался костяным ножичком и благоговейно разрезал сгибы листов только что купленной новинки. Ножичек был отменно отполирован, а владелец его — предельно осторожен, но все же кромки страниц получались в зазубринах. Впрочем, ничего опасного в этом не было: книга отдавалась потом на «доводку» переплетчику.

Нынешний собиратель домашней библиотеки освобожден от подобных забот: книжные блоки аккуратно обрезаются с трех сторон в типографиях, листы легко отделить друг от друга, и костяной ножичек, оставшись не у дел, становится архаичной вещью...

Все три обреза, но чаще других — верхний, являются элементами художественного оформления книги. Поверхность обреза бывает ровной или волнистой, плоской, словно доска, или вогнутой, будто линза. Разнятся обрезы и по окраске.

ОБРЕЗ тонируется в унисон с цветом переплета. В десятки тонов, к примеру, окрашены верхние обрезы двух сотен томов «Библиотеки всемирной литературы», переплеты которых тоже играют всеми цветами радуги. Есть книги с крапчатыми обрезами, есть с обрезами под мрамор. У меня

хранится «Ботанический атлас» Н. А. Монтеверде, изданный в начале века: обрезы атласа разукрашены многоцветными узорами, напоминающими перья сказочной тропической птицы. Применяются для тонирования обрезков и краски, изготовленные из порошка алюминия и бронзы.

В старину была мода и на золотые обрезы.

Но пожалуй, больший интерес, чем золотые, вызывают обрезы некоторых старинных справочников. Эти справочники имели оригинальные указатели: на плоскости боковых обрезков были выбраны выемки для пальцев, обозначающие начало разделов, или эдакими лесенками по обрезам спускались тканевые наклейки с шифром. Глянул на обрез справочника, определил по шифру раздел — и раскрыл книгу на желаемой странице...

Книги с окрашенными обрезами в большинстве из тех, которыми гордятся полиграфисты. Понятно, что дорогие издания не перевязывают пачками при упаковке, еще в типографии их укладывают в картонные футляры.

Однако футляр футляру рознь. Тот, что оберегает книгу в пути от типографского склада до книжного магазина, изготовляется из низкосортного картона (вещь-то временная). Другой же — неотъемлемая часть оформления книги — рассчитан, как и сама книга, на долгую жизнь: твердый картон его оклеен бумагой лучших сортов, покрыт синтетической пленкой. Такому футляру суший пустяк переспорить любую суперобложку.

Книжный ФУТЛЯР (от немецкого «футтелер» — коробка) — изобретение древнее. Еще античные «книги», свитки из папируса и пергамента, хранились в кожаных или деревянных пустотелых цилиндрах. Богачи заказывали для любимых книг футляры из золота, серебра и дорогого камня. Назывались они капсулами (латинское «капсула» — шкатулочка, ларчик, ящичек). Современный футляр для книги мало похож на шкатулку или ларец, но тем не менее книга, вложенная в него, чувствует себя под надежной защитой: переплет свеж и ярок, на страницах ни пылинки...

Если перевернуть верхнюю крышку книжного переплета, то взгляд остановится на широком, площадью в две страницы листе из плотной бумаги. Одна половина листа наклеена на внутреннюю сторону переплетной крышки, вторая доля — прокладка между переплетом и книжным блоком — еле заметной дорожкой клея крепится по линии сгиба к первой странице книги. Иногда для большей прочности на сгиб подклеивается

полоска ткани, но это уже тонкости переплетного дела...

Лист, покрывающий переплет изнутри,— ФОРЗАЦ (заимствование, образованное из двух немецких слов — «фор затц», означающих «перед набором»). Действительно, вторая половина форзаца прилегает к начальным строкам набора. Все верно, если бы в книге был один форзац. А их — два. И вдуматься — как-то курьезно звучат привычные сочетания: «передний форзац», «задний форзац»... «Передний перед набором» — явная тавтология, «задний перед набором» — путаница. «Верхний и нижний форзацы» — это как будто точнее, но куда логичнее было бы назвать нижний форзац нахзацем: ведь следует он после набора! Конечно, можно перевернуть книгу вверх ногами — и нахзац окажется форзацем, но кто же читает перевернутый текст?

Позвонил знакомому книголюбу, преподавателю немецкого языка, высказал ему свои соображения.

— Да, по логике в книге должен быть и нахзац, — согласился он. — Немцы никогда не назовут кисель форшмаком, то есть тем, что вкушается перед обедом...

Но и нам не придет в голову назвать кисель первым блюдом, а борщ — третьим! Почему же у переплетчиков лист, вклеиваемый в конце книги, тоже форзац? Да потому, что оба форзаца зачастую схожи друг с другом как две капли. Зачем же давать второму листу иное имя? Вот и живут в книгах близнецы с одним именем. И ничего теперь не поделаешь...

На форзацах (чистым листом одноцветной бумаги полиграфисты, понятно, не ограничиваются) печатают орнаменты, рисунки и целые художественные композиции, которые в какой-то мере поясняют содержание книжных страниц, а также карты, схемы, таблицы, формулы. Думаю, что ссылка на три-четыре книги, снятые мною с полки, не будет лишней...

По белому фону форзаца книги Д. Кабалевского «Про тех китов и многое другое» протянуты зеленые нотные линейки. Сразу ясно, что в книге — беседы о музыке, а не о гигантах океана... Превосходны форзацы «Путешествия в шахматное королевство» Ю. Авербаха и М. Бейлина. Нет, я не обмолвился — именно форзацы, а не форзац. Фон переднего — цвет слоновой кости, фон заднего — черный цвет. На том и другом — квадраты шахматной доски. Но если на первом форзаце рисунки по истории шахмат вписаны в черные клетки, то на втором — в белые, причем на обоих форзацах рисунки не повторяются! Видимо, художник Ю. Селиверстов чувствовал разницу между «близнецами» и, работая над форзацами, избрал два решения.

С тем же пониманием созданы художником А. Яковлевым

форзацы книги Б. Александрова «В стране зеленой», посвященной лесу: на первом — заснеженные деревья и снегири, на втором (так и хочется назвать его нахзацем!) — желтые дубовые листья и красные кисти рябиновых ягод.

Более свежий пример. На одном форзаце книги Н. Троицкого «Безумство храбрых», повествующей о русских революционерах, дана репродукция с картины Г. Иваноского «Петр Алексеев на суде», на другом воспроизведен рисунок 1879 года «Казнь А. К. Соловьева»...

Любопытен форзац книги небольших очерков «Некрасовские места России», вышедшей в 1971 году в Ярославле. Есть в ней очерк о реставрации усадьбы в Карабихе. «Форзац этой книги, — пишет в конце очерка автор, внучатый племянник великого поэта, — точно воспроизводит рисунок обоев в зале флигеля Некрасова». Весьма изобретательный и похвальный прием книжного оформления!

На форзаце можно встретить различные надписи и наклейки, которые прольют неожиданный свет на путь, пройденный книгой. Это, допустим, экспромт автора, вырвавшийся из-под пера, когда он дарил книгу доброму знакомому, или проставленная с лихими завитушками фамилия того, кому некогда принадлежала книга, или невзрачный ярлык переплетной мастерской, или броский книжный знак владельца личной библиотеки...

Книжный знак иначе называют экслибрисом («экс либрис» в переводе с латыни — «из книг»). ЭКСЛИБРИС наших дней — одна из малых форм графического искусства. На бумажном обрезке, эдак вдвое-втрое меньшем по размеру листка отрывного календаря, помещается оттиск с гравюры или клишированного рисунка. Художник, создающий композицию экслибриса, стремится раскрыть и главное пристрастие книголюба, и по возможности характер собирателя, его профессию, общественные заботы.

Печатному экслибрису перевалило за пятьсот лет, но, прежде чем совершить экскурс в его прошлое, мне хотелось бы вкратце поведать о двух книжных знаках прославленного земляка, дважды Героя Советского Союза, космонавта Валерия Николаевича Кубасова.

Первый знак выполнен художником П. Марьиным. Экслибрис этот отразил совместный полет советских и американских исследователей космоса в июле 1975 года: на фоне земного шара — силуэты состыкованных космических кораблей, руки, сомкнувшиеся в крепком пожатии...

Второй книжный знак для Кубасова исполнил художник В. Леонов. Основа знака—квадрат, а в него вписан круг. В верхней части круга, где звездное небо, портрет отважного космопроходца, в нижней—цветущая вишневая ветка, а над веткой—городской пейзаж. Без труда узнаются Вязники—родной город Валерия Николаевича: на переднем плане изображен памятник зодчества XVII века—Благовещенский монастырь, под сводами которого хранилась богатая библиотека...

Кстати, первый русский экслибрис был придуман в монастырских стенах. Творцом его признан основатель книгохранилища Соловецкого монастыря Досифей. Книжный знак Досифея, нарисованный на книгах монастырской либерии в конце XV столетия, напоминает виньетку.

В XVIII веке в России появились печатные экслибрисы (в Европе они получили распространение с середины 1470-х годов). Изображались на них преимущественно пышные родовые гербы. Наступил новый век—и экслибрисы с гербами уступают место незатейливым книжным знакам с рамками и текстом, отпечатанным с типографского набора. Затем становятся модными еще более упрощенные каучуковые штампы... А многие владельцы книг, по примеру прадедов и дедов, просто надписывали чернилами на полях свою фамилию.

На рубеже XIX—XX столетий, когда искусством книжного знака занялись талантливые графики, началось его возрождение. Подробно история этого процесса описана в упомянутой мною книге Семена Ивенского «Мастера русского экслибриса».

Книжные знаки наравне с другими печатными изданиями стали предметом собирательства. Не знаю, надо ли обладать коллекцией экслибрисов, которые не выполнили своего прямого назначения, то есть не были наклеены на форзац книги. Но спор об этом, право, был бы бесплоден...

Ну, а что там, за форзацем?..

Раскрываю томик стихотворений Роберта Бернса—он вовремя оказался под рукой... Слева, напротив титула, оттиск с гравюры Фаворского: портрет великого шотландского поэта в обрамлении полевых цветов. Эта соседняя с титулом страница, украшенная портретом,—ФРОНТИСПИС.

Сконструировано слово «фронтиспис» из двух латинских: «фронс»—лоб и забытого глагола «спецере»—смотреть. В архитектуре оно означает лобовую часть здания, проще—фасад. И в книге, выходит, фронтиспис—«фасадная» страница.

Лист с фронтисписом обычно вклеивается перед титулом, но иногда и перед начальной страницей. Печатается фронтиспис отдельно, на бумаге лучшего сорта, нежели бумага прочих книжных листов. А потому фронтиспису такая привилегия, что многоцветную иллюстрацию, которая чаще всего смотрит с «фасадной» страницы, выполняют более сложным способом печати по сравнению с воспроизведением текста.

Портреты авторов, портреты реальных и литературных героев, ключевые иллюстрации к тексту — вот что помещают на «фасадных» страницах, приглашающих нас в светлые книжные храмы. С книгой в руках изображен апостол Лука на фронтисписе, предваряющем текст завершеного мартовским днем 1564 года «Апостола» Ивана Федорова — первого русского датированного издания. Стало быть, пятое столетие отводит фронтиспису почетное место в книгах. И вполне справедливо. Сколько волнующих душу мыслей может он вызвать еще до того, как вы приступите к чтению!

«Да у него на лице все написано», — говорят про человека открытого, не умеющего прятать своих чувств. Книга также открыта для всех, она ничего не прячет, и на ее «лице» — заглавной странице титульного листа — тоже «все написано»: от фамилии автора и названия труда до города, где она издана, и года выхода в свет... Правда, текст титула сегодняшних книг куда лаконичнее титульного текста книг старинных, нередко занимавшего всю без остатка лицевую страницу.

На обороте титульного листа сообщают дополнительные сведения о книге: кто, например, переводил ее, если она написана иностранцем, и кто иллюстрировал, и кто снабдил издание вступительной статьей, примечаниями, справками...

«Родословная ниточка» книжного титула тянется из глубины веков. В Древнем Риме к свернутому в трубку свитку прикреплялся ярлык с названием помещенного на свитке произведения. Ярлык, вернее надпись на ярлыке по-латыни — «титулос». Но до рождения титульного листа было еще далеко. Рукописные и даже первые печатные книги выходили из-под пера и пресса без него. **ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ** появился в книге, оттиснутой в 1476 году на станке венецианского типографа Эрхарда Ратдольта. Получается, что печатному титулу за полтысячи лет.

В русских изданиях титульный лист обосновался с тридцатых годов XVII века. Ввел его в книгу мастер московского Печатного двора Василий Бурцов. В 1647 году в Москве была отпечатана книга «Учение и хитрость ратного строения пехот-

ных людей». Она выделялась красивым титульным листом, исполненным художником Григорием Благушиным, который по царскому заказу гравировали в Голландии. Титулы старинных изданий обрамлялись орнаментами (бытовал даже термин «титульная рамка»), они «хвастали» аллегорическими рисунками и затейливыми виньетками.

Обычно книжный титул занимает первую по счету страницу. Но могут быть и отклонения. Так, вторая и третья страницы образуют вместе распашной, или разворотный, титульный лист. Удачен, по-моему, «раздольный» распашной титул книги Михаила Левидова «Путешествие в некоторые отдаленные страны мысли и чувства Джонатана Свифта, сначала исследователя, а потом воина в нескольких сражениях», переизданной в 1964 году. Его оформил художник Е. Бургункер. На одностороннем титуле этот довольно громоздкий для нашего времени заголовок выглядел бы мелко и скучно, а рисункам, оживляющим его, не нашлось бы места. А на развороте — все крупно, все радует глаз.

Титул переселяется с первой страницы на третью, если вторая отдана фронтиспису, и тогда, когда она, вторая страница, уступлена контртитлу, непременно в многотомных и переводных изданиях.

КОНТРТИТУЛ (латинское «контрарис» — напротив) — коллега основного. В переводном издании он приводит «анкетные данные» книги на языке оригинала, в многотомном — сведения о характере всего издания. Оба титула по существу автономны, но это не мешает им составлять единый титульный разворот.

Бывает, что впереди основного титульного листа располагается лист авантитула. **АВАНТИТУЛ** (французское слово, означающее: перед, до, раньше, прежде) не очень-то перегружают: марка издательства, название книжной серии или ее эмблема, фамилия художника, крылатое выражение, авторское посвящение — что-нибудь из этого значится на опережающем титуле.

Есть еще вспомогательный титул, открывающий раздел или главу книги. Некогда злые языки нарекли его шмуцтитлом, т. е. «грязным» (по-немецки «шмутц» — грязь).

Да, **ШМУЦТИТУЛ** немало глотнул пыли: он прикрывал книжные страницы задолго до титульного листа, прикрывал он и «молодой» титульный лист, но по иронии судьбы остался второстепенным титулом. Второстепенный, а все же богат по сравнению с колонтитулом — как-никак отдельным листом наделен...

КОЛОНТИТУЛ действительно «безземельный» и вообще

не похож на своих родственников: всего одну строку над колонками текста смежных страниц отвели ему типографы. Жить колонтитулу приходится в сборниках и книгах подобного типа: на одной странице, допустим, фамилию автора указывает, на другой — название повести, рассказа или статьи. Но скупая строка колонтитула значительно облегчает поиск нужного материала, помещенного в книге.

Потеря любого листа делает книгу инвалидом. Совсем худо, если утерян титульный лист: книгу-калеку трудно опознать... Но, бывает, и цел он, да лицевая страница запачкана жирным штампом. Хлопнул самодовольный лжекниголюб по книжному лицу печаткой: «Из собрания такого-то...» и не понял, что оскорбил книгу. Будь моя воля, я даже библиотекарям запретил бы ставить штамп на заглавной странице титульного листа. Разве мало места на его обороте?..

Татьяна Бек

* * *

Он списывал мысли в блокнот.
Сидел вечерами в читалке.
Но были усилия жалки,
А разум — под стать приживалке
У книг, у великих господ.

И весь его облик цыплячий,
И взгляд вдохновенно-незрячий,
И круглый разгневанный рот
Дышали такой неудачей,
Как детский игрушечный флот
На гребне всамделишных вод!

КНИГИ

Шуршат по булыжнику шины,
разносится грохот и крик:
рабочие грузят в машины
тяжелые партии книг.

Картонные синие пачки,
обвязанные бечевой,
привозит рабочий на тачке
и складывает на мостовой.

А двое других,
деловито
друг другу командуя: «Р-раз!» —
бросают в стальное корыто
тюки отпечатанных фраз...

Все новые партии грузов
везут со складских площадей,
и с грохотом рушатся в кузов
тяжелые мысли людей.

Потом их погрузят в вагоны,
и тихо с путей городских
под пломбами двинутся тонны
волнений и мыслей людских...

На дальней, глухой остановке
их ждет справедливейший суд.

Их примут.
Обрежут бечевки.
Раскупят.
Откроют.
Прочтут.

До дыр, до белесого цвета
зачитаны будут одни.
И где-то в тайге до рассвета
в домах не погаснут огни.

Другие в шкафах продежурят,
годами от скуки пылясь,
пока их с махоркой не скурят
иль просто не выкинут в грязь.

Юрий Виноградов

* * *

На то оно и выдумано, слово —
Сердца, не превращая в пепел, жечь.
Когда, на счастье, твой язык раскован,
Она преступна, медленная речь.

Слова, значеньем равные молчанью,
Без теплоты и света естества,—
Лишь бледный отзвук полного звучанья,
Лишь тень травы. А где она, трава?

А по ночам шумит под ветром поле,
И льется дождь, и солнце жар струит...
Какая жизнь, когда она без боли,
И что за песнь — когда певец молчит!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абкина М. 55
 Абрамов Ф. А. 141
 Аванесов Р. И. 44
 Агриппа Неггесхеймский 60
 Адамар Ж. 61
 Айбек 8
 Айни С. 8
 Аксаков С. Т. 84
 Акульшин Р. 70
 Алексеев М. Н. 11
 Алексеев Ф. Я. 129
 Андерсен Г. Х. 228
 Андреев Л. Н. 48
 Андреева М. Ф. 117, 118
 Анибал Б. 74
 Анненков П. В. 105
 Анненков Ю. П. 53
 Анненский И. Ф. 48
 Антокольский П. Г. 100
 Антонов 83
 Аполлинер Г. 52, 53
 Арагон Л. 54
 Арамилев И. А. 72
 Аргутинская Л. А. 72
 Аристотель 60
 Арним Б. 88, 91, 103
 Арциховский А. В. 62
 Асеев Н. Н. 34, 51, 74
 Ауэрсвальд Б. 62
 Афанасьев А. Н. 77
 Ахматова А. А. 26, 51, 55,
 91, 92, 105
- Багрицкий Э. Г. 55
 Бадмаев А. 62
 Бадмаев П. 62
 Бальзак О. де 66
 Бальмонт К. Д. 48, 49, 51,
 90, 105
 Баникин В. И. 75
 Баратынский Е. А. 105
 Барбюс А. 55
 Барсов А. А. 65
 Баруздин С. А. 7, 8, 250
 Батюшков К. Н. 133
 Башкирцева М. К. 88, 110
 Бедный Д. 22
 Бекетов А. Н. 62
 Белинский В. Г. 35, 60, 137,
 157, 161, 170
 Белоголовый Н. А. 64
 Белый А. 48, 49, 51, 53, 55,
 90
 Беранже П. Ж. 105
 Берг Н. 82
 Береговой Г. Т. 35
 Бернетт Ф. Э. 85
 Бернштейн С. Н. 61
 Берхгольц Ф. 64
 Бестужев А. А. 138
 Благосветлов Г. Е. 155—
 172, 174, 175
 Благушин Г. 234
 Блинова Е. 50
 Блок А. А. 26, 46, 48—50,
 53—55, 96, 108, 112

- Блюм А. В. 176, 200
 Бобоходжаев А. 35
 Бобынин В. В. 60
 Богданович И. Ф. 138
 Богомоллов В. О. 9
 Богуславский 54
 Бодлер Ш. 51
 Боккаччо Дж. 24
 Бокль Г. Т. 164
 Болотников И. И. 81
 Болотов А. Т. 63
 Бондарин С. А. 75
 Борисенко И. 80
 Бородин С. П. 8
 Бошер Ж. ле 51
 Брежнев Л. И. 11, 32, 33
 Брентано К. 103
 Бретон А. 54
 Брик Л. Ю. 98
 Бруно Дж. Ф. 60
 Брюллов А. П. 135
 Брюллов К. П. 133
 Брюсов В. Я. 48—51, 55, 60,
 69, 88, 89, 110, 111
 Бузескул В. Л. 63
 Буйницкий 81
 Буланже П. А. 60
 Бундель 28
 Бунин И. А. 48
 Бунина В. Н. 100
 Бургункер Е. 234
 Бурлюк Д. Д. 51
 Буров А. К. 101
 Бурцов В. Ф. 233
 Буслаев Ф. И. 64, 163
 Быков В. В. 9
 Бэкон Ф. 60
 Бюффон Ж. Л. Л. 105

 Ваграмов Ф. 72
 Валери П. 51
 Валлоттон Ф. 50
 Ван Гог В. 90
 Васильев Б. Л. 9

 Васильевы Г. Н. и С. Д. 56
 Вахтангов Е. Б. 110
 Вацек И. 141
 Вейнберг П. И. 156
 Вельтман А. Ф. 150, 151
 Венгеров С. А. 155
 Венецианов А. Г. 131
 Вергилий Марон Публий
 132
 Вересаев В. В. 75, 102
 Верлен П. 49
 Верн Ж. 77
 Вернадский В. И. 29
 Верхарн Э. 49—51, 55
 Вершинина З. А. 55
 Веселая Г. А. 68
 Веселовский А. Н. 24
 Веселый А. 68—83
 Ветров В. 70
 Вигель Ф. Ф. 64
 Вильдарк Ш. 107
 Виноградов В. В. 37, 75
 Виноградов И. М. 61
 Виньи А. В. де 105
 Витали И. П. 128
 Витте С. Ю. 64
 Вовчок М. 7, 155
 Волконский С. М. 87
 Волосов В. М. 112
 Волошин М. А. 51, 88—90
 Вольф М. О. 15, 19
 Востоков А. Х. 145
 Вяземский П. А. 133, 136,
 142

 Габори Ж. 50
 Гагарин Ю. А. 9
 Галактионов С. Ф. 135
 Галуа Э. 61
 Гальперин-Каминский Е. Г.
 46, 47
 Ганди И. 10, 11
 Ганиев А. Г. 35
 Ганнибал И. 223

- Гаршин В. М. 69
 Гауф В. 84
 Гашер Ж. 116, 117, 119, 120
 Гейне Г. 84
 Гейченко С. С. 223
 Гельвеций К. А. 60
 Гельдерлин И. К. Фридрих
 84
 Гераклит Эфесский 89, 90
 Герасимова В. А. 69, 70
 Гербель Н. В. 113
 Геродот 63
 Герцен А. И. 17, 19, 23, 60,
 161, 163
 Герцык А. К. 89
 Гете И. В. 84, 88, 101,
 102—105
 Гехт С. Г. 70
 Гиль Р. 51
 Гильфердинг А. Ф. 82
 Гиппиус А. В. 54
 Глебов А. С. 69
 Глинка М. И. 142
 Глинка Ф. Н. 133
 Гнедич Н. И. 137
 Гнедич П. П. 200
 Гоголь Н. В. 16, 74, 75, 77,
 136
 Голлидэй С. Е. 98, 99
 Головнин М. В. 64
 Голодный М. С. 69, 70
 Голубев В. В. 61
 Гольбах П. А. 60
 Гомер 132
 Гончарова А. Н. 142, 143
 Гончарова Н. Н. 142
 Гончарова Н. С. 52, 102
 Горбунова Л. 95
 Горький А. М. 7, 15, 19, 27,
 45, 47, 48, 54—56, 62,
 115—120, 124, 209
 Готье Ю. В. 63
 Греч Н. И. 76
 Гржебин З. И. 109
 Грибачев Н. М. 12
 Грибоедов А. С. 132, 138
 Григорович Д. В. 170
 Григорьев А. Д. 82
 Григорьев Г. 74
 Грин А. С. 69, 209
 Грищенко А. 66
 Гронский Н. П. 97
 Гроссман Л. П. 69
 Гудзий Н. К. 22
 Гурмон Р. де 50
 Гус Я. 140
 Гусак Г. 11
 Гюго В. 17, 66, 105, 170
 Гюндероде К. фон 103
 Давыдов Д. В. 138
 Даль В. И. 42, 75—77, 128,
 138, 142
 Дангулов С. А. 8, 11
 Данилевский Г. П. 155
 Данте Алигьери 69
 Даран Д. 79
 Делабарт Ж. 129
 Делоне С. 52
 Дельвиг А. А. 138
 Демокрит 60
 Державин Г. Р. 19, 44, 84,
 132, 134
 Дидро Д. 60
 Диккенс Ч. 66
 Добролюбов Н. А. 60, 173
 Доде А. 66
 Доре Г. 85, 106
 Доронин И. И. 70
 Дорст Ж. 61
 Досифей 232
 Достоевский Ф. М. 16, 24,
 25, 48, 69, 75, 141, 155,
 156
 Дружинин П. Д. 70
 Думбадзе Н. Б. 9
 Дэвис А. 11
 Дюамель Ж. 55
 Дювенью П. 61
 Дюдин И. Я. 33

- Дюма А. 18, 19, 205
 Евгеньева А. П. 44
 Екатерина П 63
 Ермак Тимофеевич 73, 81, 181
 Ермолаев А. И. 145, 146
 Есенин С. А. 28, 55, 75

 Жанна д'Арк 105, 106, 112
 Живков Т. 11
 Жига И. Ф. 73
 Жироду Ж. 55
 Жозефина (Богарне Ж.) 88
 Жуковский В. А. 77, 85, 133, 136, 142
 Жуковский Н. Е. 61

 Загоскин М. Н. 81, 150, 151
 Зайцев В. А. 157, 169, 174
 Закревский Ю. А. 127, 251
 Заломов П. А. 115—121, 123, 124, 251
 Заломова А. К. 116, 117, 121, 124
 Замятин Е. И. 48
 Зарецкий Н. В. 141
 Засухина Г. Д. 35
 Зелинский К. Л. 111
 Золотухин Г. 73
 Золя Э. 46, 47, 171
 Зотов В. Р. 155
 Зотов Р. М. 138

 Ибаррури Д. 11
 Иван IV Васильевич 63, 81, 82
 Иванов Вс. В. 53
 Иванов Вяч. И. 50
 Иванов Е. П. 145
 Ивановский Г. 231
 Ивенский С. Г. 225, 232

 Каверзнев 83
 Кадар Я. 11

 Калайдович К. Ф. 145
 Каменский В. В. 73, 74, 82
 Кампанелла Т. 60
 Кандез Э. Ш. 36
 Каневари Д. 223
 Кантемир А. Д. 129
 Капица П. Л. 61
 Капнист В. В. 138
 Каптерев П. Ф. 61
 Каракозов Д. В. 159
 Карамзин Н. М. 63, 91, 130, 132, 133
 Каринский Н. М. 37
 Карко Ф. 51
 Карл Великий 223
 Катаев В. П. 8, 11, 12, 74
 Катанян В. А. 74
 Катанян В. В. 98
 Катков М. Н. 160
 Каххори А. Я. 35
 Кекишева А. М. 121
 Кекконен У. К. 11
 Келдыш М. В. 61
 Кизеветтер А. А. 63
 Киммель Н. Л. 142
 Кипренский О. А. 135
 Киприан 63
 Киреевский П. В. 82
 Кириш В. А. 34
 Кириш Данилов 82, 145
 Клодель П. Л. Ш. 51
 Ключевский В. О. 63
 Княжнин Я. Б. 132
 Ковынев Б. К. 70
 Козлина 54
 Козлов И. И. 136, 141
 Козьмин Б. 155
 Колас Я. 8
 Колбасина-Чернова О. Е. 100, 112
 Колосов М. Б. 73
 Комаров М. 21
 Коменский Я. А. 61
 Комиссаржевская В. Ф. 27
 Коненков С. Т. 46

- Конков П. 7
 Константин (Кирилл) 39,
 139, 140
 Константинов Ф. Д. 34
 Кончаловский П. П. 51
 Корб И. Г. 64
 Корин П. Д. 66
 Короленко В. Г. 75
 Костерин А. Е. 76
 Кочубей И. (Чернояров) 80
 Краевский А. А. 157, 158,
 160, 161
 Красин Л. Б. 117
 Крашенинников П. И. 141
 Крутилин С. А. 11
 Крученых А. Е. 74
 Крылов И. А. 132—135, 137,
 143
 Крылов Н. М. 61
 Ксанфомалите Л. В. 35
 Кубасов В. Н. 231, 232
 Кудинов М. П. 53
 Кузмин М. А. 50, 55, 87
 Кузнецов Н. 69, 70
 Кузнецов П. В. 51
 Кузьмин Н. В. 13
 Кукольник Н. В. 138
 Куприн А. И. 36, 48, 209
 Курбалалиев Р. 35
 Кушелев-Безбородко Г. А.
 161, 166
- Лавров П. Л. 155, 168, 169
 Лагерлёф С. 88
 Ладыжников И. П. 119
 Лажечников И. И. 81
 Лазарев В. Н. 66
 Ламонт Фукс Ф. де 85
 Ланн Е. Л. 100
 Лао Цзы 60
 Ларионов М. Ф. 52, 53
 Ласунский О. Г. 33
 Лафонтен Ж. 132
 Ле Зуан 11
 Лебеденко А. Г. 72
- Левитин Е. С. 112
 Лейтен А. 223
 Ленин В. И. 8, 17, 40, 43, 54,
 60, 65, 118, 172
 Леонов В. 232
 Леонов Л. М. 66, 141
 Лере Ж. 61
 Лермонтов М. Ю. 84, 138
 Лесков Н. С. 75, 81, 84, 225
 Лехно Е. 80
 Либединский Ю. Н. 76
 Литвин-Седой З. Я. 117
 Лобачевский Н. И. 61
 Ломоносов М. В. 19, 40, 42,
 129, 132, 138
 Лонгфелло Г. У. 68, 219
 Лузин Н. Н. 61
 Луначарский А. В. 54
 Лухманова Н. А. 85
 Ляпунов А. М. 61
 Ляпунов Б. М. 37
- Маврина Т. А. 13
 Магницкий Л. Ф. 60
 Мазерель Ф. 47
 Майерберг А. 64
 Майков А. Н. 155
 Макаренко А. С. 61
 Макарий 63
 Маклецов 54
 Маковский С. К. 50
 Максимов П. 73, 75
 Малларме С. 49
 Мальябекки А. 227
 Мандельштам О. Э. 55, 102,
 105
 Марков Г. М. 9, 11, 13
 Маркс А. Ф. 16, 77
 Маркс К. 25, 59
 Марр Н. Я. 37
 Маршак С. Я. 34, 107
 Маршан Ж. 51
 Марьян П. 231
 Маяковская Л. В. 65
 Маяковский В. В. 18, 19,

- 25—28, 46, 54, 65, 87, 98,
141, 250
- Мейерхольд В. Э. 20
Метерлинк М. 49
Мефодий 39, 139, 140
Мещанинов И. И. 37
Милютин Д. А. 64
Миндлин Э. Л. 100, 101, 112
Миненко-Орловская О. К. 71
Мирбо О. 47
Митрохин Д. И. 109
Михайлов-Шеллер А. К. 155
Михайловский Н. К. 172,
175
Мнишек М. 91
Мнухин Л. А. 111
Молинари Г. 165
Мольер Ж. Б. 132
Монтень М. де 60
Мопассан А. Р. А. Ги де 46,
47, 68
Мордовцев Д. Л. 155, 162
Мориак Ф. 55, 66
Мосолов 215, 216
Мохначева М. П. 155
Мошков Ю. 220
Мозм У. Сомерсет 66
Мышковская Л. М. 75
Мюссе А. де 105
Мякеляйнен 83
- Назаров Н. 35
Наполеон I 88, 105, 130
Наппельбаум М. С. 53
Наседкин В. Ф. 70
Некрасов К. Ф. 95
Некрасов Н. А. 84, 142, 161
Немировский Е. Л. 224
Неруда П. 219
Нестеров М. В. 46, 66
Нестор 36
Низами Ганджеви 35
Никитин И. С. 155
Никифоров Г. К. 73
Николай I 159
- Никольский Н. К. 37
Нилендер В. О. 89, 90
Ницше Ф. 60
Новиков Н. И. 40
Нолле-Коган Н. А. 91, 103
Норов А. С. 137
- Обнорский С. П. 37
Огарев Н. П. 65, 172
Огнева Е. А. 45
Ожегов С. И. 44
Озеров В. А. 132
Олеарий А. 64
Оленин А. Н. 144—150
Олеша Ю. К. 74
Ольденбург С. Ф. 83
Ончуков Н. Е. 82
Орсье Ж. 60
Осипов В. Д. 11
Островский А. 75
- Павел Алеппский 64
Павлова К. К. 105
Палецкис Ю. 12
Паллас Н. С. 21
Панаев И. И. 163
Панч П. 8
Парнок С. Я. 55
Пастернак Б. Л. 55, 56, 74,
84, 90—98, 101, 102, 105,
111, 112
Пастернак Е. Б. 96
Пастернак Л. О. 46
Паустовский К. Г. 18, 75
Пеги Ш. 52
Переверзев В. Ф. 75
Перегудов А. В. 76
Перро Ш. 85, 106
Перский 47
Петерсон М. Н. 37
Петр I 21, 40, 63
Петренко С. 80
Петровская О. А. 59, 66
Петровский И. Г. 59—67
Петряк В. 73

- Петрянов-Соколов И. В. 35
 Пешковский А. М. 37
 Пикассо П. 52
 Пирогов Н. И. 61
 Писарев Д. И. 155, 157, 169, 174
 Писемский А. Ф. 270
 Пискунов А. И. 121, 122
 Плавильщиков В. А. 131—133
 Плавильщиков П. А. 81
 Платонов А. П. 70
 Платонов С. Ф. 63
 Плутарх 63
 Победоносцев К. П. 64
 Полевой Н. А. 81, 138
 Полонский Я. П. 155
 Португалов В. О. 155
 Потанин Г. Н. 155
 Потешных А. П. 59, 250
 Правдин Л. Н. 73, 81
 Прадо Ч. Х. дель 11
 Пресняков А. Е. 63
 Привалов И. И. 61
 Пришвин М. М. 48
 Пришелец А. 70
 Прохоров Г. В. 155
 Пугачев Е. И. 81, 85
 Пуни И. А. 54
 Пушкин А. С. 15, 17, 18, 22, 26, 32, 36, 40, 41, 54, 65, 68, 74, 77, 84—86, 101, 102, 105, 127—129, 132, 139, 142, 143, 144, 228
 Радищев А. Н. 130
 Разин С. Т. 73, 81, 82
 Расин Ж. 132
 Распутин В. Г. 131
 Ратдольт Э. 233
 Рахилло И. С. 69
 Рейтенфельс Я. 64
 Рейхштадтский герцог 88
 Ремарк Э. М. 66
 Рембо А. 49
 Ремизов А. М. 48
 Ренье А. Ф. Ж. де 50, 51, 55
 Решетников Ф. М. 155
 Рильке Р. М. 91, 95—98, 103, 105, 112
 Риман Г. Ф. Бернхард 61
 Риппелье А. Ж. 223
 Роден Р. Ф. Огюст 97
 Родзевич К. Б. 100
 Розанов И. Н. 34
 Роллан Р. 48, 55
 Ромадин Н. М. 66
 Ромов С. М. 53
 Россмесслер Э. 62
 Ростан Э. 84, 88
 Рубакин Н. А. 176
 Рублев А. 66, 146, 147
 Руднев В. В. 78
 Рукавишников И. С. 69
 Руссо Ж. Б. 132
 Руссо Ж. Ж. 132
 Рутько А. И. 71
 Рытхэу Ю. С. 11
 Рюрик 63
 Рябинина А. П. 96
 Саакянц А. А. 84, 112, 250
 Садовников В. П. 135
 Садовников Д. Н. 170
 Садовский Б. А. 106
 Сандрар Б. 52, 53
 Сарабьянов 69
 Сартаков С. В. 34
 Сарьян М. С. 51
 Сахаров И. П. 65
 Свеглов М. А. 34, 69, 70
 Светозаров В. А. 70
 Светоний Гай Транквилл 63
 Сдобнов 83
 Северянин Игорь 51, 112
 Седерберг Г. 64
 Селенкина М. Н. 164
 Селиверстов Ю. 230
 Семевский М. И. 155, 160, 175

- Семенов Е. П. 45, 47
 Сенека Луций Анней 60
 Сененко М. 111
 Сенковский О. И. 138
 Серафимович А. С. 71
 Сербский И. И. 34
 Серов В. А. 46, 48
 Сиборг Г. Т. 61
 Сидоров А. А. 48
 Сидоров 69
 Симонов К. М. 9
 Скотт В. 36
 Скрябин А. Н. 49
 Слепушкин Ф. Н. 137
 Слущикс М. 9
 Смирдин А. Ф. 18, 35,
 127—139
 Смирнов В. А. 11
 Смирнов-Сокольский Н. П.
 33, 34, 209
 Снегирев И. М. 145,
 149—151
 Собко Н. П. 152
 Соколов Н. В. 155, 157
 Соколовы Б. М. и Ю. М. 37
 Солнцев Ф. Г. 145—152
 Соловьев С. М. 63
 Сологуб Ф. 48, 49
 Сомов К. А. 50
 Спири И. 85
 Ставский В. П. 75
 Стасов В. В. 152
 Стасюлевич М. М. 64
 Стеклов В. А. 61
 Стендаль 100
 Степанов А. П. 137
 Стишова Л. И. 115, 118, 251
 Стражева И. В. 35
 Строганов С. Г. 150, 151
 Строгановы 83
 Строев П. М. 145
 Суворин А. С. 27, 212
 Сырейщиков Д. П. 62
 Сытин И. Д. 212
 Сысоева Е. А. 85
 Тагор Р. 60
 Тассо Т. 132
 Татищев В. Н. 63
 Тацит Публий Корнелий 63
 Терebeneв И. И. 131
 Тескова А. А. 104
 Тимирязев К. А. 62
 Тихинов Н. С. 11, 34, 55
 Ткачев П. Н. 155, 159, 169
 Толстой А. К. 131
 Толстой А. Н. 51, 82, 88
 Толстой Л. Н. 18, 19, 21—
 23, 36, 45—47, 49, 60, 69,
 75, 227, 250
 Тома Х. 51
 Тредиаковский В. К. 129
 Тренев К. А. 21, 82
 Триоле Э. 98
 Трифонов Ю. В. 9
 Трубачев О. Н. 43
 Трубецкой П. П. 46, 47
 Тургенев И. С. 16, 23, 25,
 170, 171
 Тургенева А. А. 90, 108
 Турчинский Л. М. 111
 Тынянов Ю. Н. 21, 55
 Тютчев Ф. И. 75, 219
 Унсет С. 104, 112
 Упит А. М. 8
 Утесов Л. О. 21
 Утков В. Г. 29
 Ушинский К. Д. 61
 Фаворский В. А. 34, 232
 Фадеев А. А. 55, 251
 Федин К. А. 12
 Федоров И. 131, 233
 Федорова М. С. 36
 Федорченко С. З. 72
 Феллер В. 61
 Феофан Грек 66
 Филин Ф. П. 36, 37, 250
 Фирсов Н. Н. 169, 175
 Флетчер Дж. 64

- Фонвизин Д. И. 35, 40, 131,
132
Франс А. 46, 47, 55, 74
Фризенгоф Г. 132
Фукидид 63
Фурманов Д. А. 56
- Хвостов Д. И. 136
Хемингуэй Э. 66
Хинт А. 8
Хлебников В. (В. В.) 51, 68,
73, 74, 76
Хонеккер Э. 11
- Цветаев А. И. 86
Цветаев Ф. Ф. 136
Цветаева А. И. 86, 91, 107
Цветаева М. И. 51, 55, 84—
112, 250
Цебрикова М. К. 157, 175
- Чаковский А. Б. 34
Чапаев В. И. 56
Чапыгин А. П. 82
Чарный М. Б. 75
Чарская Л. А. 36
Чебышев П. Л. 61
Чернова А. В. 100, 112
Черномордик С. И. 78
Черносвитова Е. 98, 103
Чернышевский Н. Г. 160,
162, 174, 175
Черткова О. Д. 118
Чертова Н. В. 70
Четаев Н. Г. 61
Чехов А. П. 27, 45—47, 75
Чириков Г. И. 214
Чирикова В. Е. 99, 100, 112
Чистяков А. Ф. 32, 250
Чуковский К. И. 55
Чюрленис Н. К. 49
- Шагинян М. С. 8, 34
Шанский Н. М. 67
Шарпанье 51
- Шатобриан Ф. Р. 66
Шахматов А. А. 39
Шваб Г. 98
Шварц Е. Л. 107
Шведова Н. Ю. 44
Шевченко Т. Г. 75
Шекспир У. 69, 131
Шелгунов Н. В. 155—157,
162, 169, 174, 175
Шенгели Г. А. 55, 69
Шестинский О. Н. 34
Шиль М. 64
Шильдкрет К. Г. 73, 82
Ширяев А. С. 18, 134
Шишов А. 81
Шкловский В. Б. 15, 74
Шмидт О. Ю. 61
Шолохов М. А. 141
Шолохов-Синявский Г. Ф. 81
Шопенгауэр А. 60
Шульгин Н. И. 155
- Щапов А. П. 81
Щеголев П. Е. 101
Щепкин М. С. 23
Щепкина Е. Н. 63, 64
Щерба Л. В. 37
Щипачев С. П. 12
- Эйзенштейн С. М. 20
Эйхенбаум Б. М. 21, 75
Эккерман И. П. 102, 103
Энгельс Ф. 59
Эпикур 60
Эренбург И. Г. 52, 98, 104
Эфрон А. С. 86, 89—92, 99,
105—107, 111
Эфрон Г. С. 105, 107
- Юстицкий А. 81
- Ядринцев Н. М. 81
Яковлев А. 230
Якушкин В. Е. 64
Яншин А. Л. 35
Ясный А. 70

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

БАРУЗДИН СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ (р. 1926)

Известный советский прозаик и поэт. Секретарь правления Союза писателей СССР. Главный редактор журнала «Дружба народов». Автор романа «Повторение пройденного», «Повести о женщине», сборников рассказов и повестей «Я люблю нашу улицу...», «Книги и люди» и других.

ШКЛОВСКИЙ ВИКТОР БОРИСОВИЧ (р. 1893)

Известный русский советский писатель, литературовед. Его перу принадлежат книги о творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. В. Маяковского, ряд историко-художественных повестей, мемуары о деятелях культуры начала века и первых послереволюционных лет и другие работы.

УТКОВ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ (р. 1912)

Писатель. Заслуженный работник культуры РСФСР. Его перу принадлежат книги «Люди. Судьбы. События», «Книги и судьбы», «Дороги „Конька-Горбунка“», сборники повестей и рассказов.

ЧИСТЯКОВ АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ (р. 1925)

Журналист. Автор ряда статей по книговедению и библиофильству. Член совета Всесоюзного общества книголюбов по связи со средствами массовой информации.

ФИЛИН ФЕДОТ ПЕТРОВИЧ (1908—1982)

Видный ученый-языковед, член-корреспондент Академии наук СССР. Лауреат Ленинской премии. Директор Института русского языка АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы языкознания». Автор трудов в области истории русского языка, лексикологии и лексикографии. Председатель редакционной коллегии «Словаря современного русского литературного языка». Руководитель работы по составлению многотомного словаря русских народных говоров.

ОГНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

Литературовед. Автор статей о русской литературе начала XX века.

ПОТЕШНЫХ АЛЕВТИНА ПАВЛОВНА

Главный библиограф Государственной научной библиотеки имени М. Горького Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

ВЕСЕЛАЯ ГАЙРА АРТЕМОВНА

Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Государственного Исторического музея. Много внимания уделяет изучению литературного наследия Артема Веселого.

СААКЯНЦ АННА АЛЕКСАНДРОВНА

Литературовед. Автор работ о творчестве М. И. Цветаевой, И. А. Бунина, Л. Н. Толстого и других.

СТИШОВА ЛИДИЯ ИВАНОВНА

Публицист. Автор книг «Повесть о Петре Заломове», «Товарищи в борьбе» (о П. Н. Лепешинском), «Время живет в нас», публикаций о А. М. Горьком, Н. А. Островском, А. А. Фадееве и других.

ЗАКРЕВСКИЙ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (р. 1924)

Член Союза кинематографистов СССР. Автор сценариев и режиссер многих научно-популярных фильмов: «Сражение с болью», «Этюды оптимизма», «Его нескончаемые бои» (о Николае Бурденко), «К правде путь далекий», выпусков «Альманаха кинопутешествий» и других.

КАЛУГИН ВИКТОР ИЛЬИЧ (р. 1943)

Литературовед. Критик. Автор книги «Залог возрождения» (о русском фольклоре) и ряда работ по истории русской культуры.

SUMMARIES

Sergei BARUZDIN **Creative Collaboration**

The prominent writer, editor-in-chief of the "Druzhba Narodov" magazine describes the editorial board's cooperation with the libraries of Soviet Republics, and a unique collection of autographs the editors presented to the construction workers of the Nurek Hydro-electric Plant.

Victor SHKLOVSKY **The Book in the Past, at Present, in the Future**

The Renowned Russian Soviet writer and critic meditates on the background of the book's history throughout ages, discusses the works by Soviet and Russian writers. Both bookmen and general readers can find special interest in the problems raised in the article.

Viktor UTKOV **Future of the Book**

Numerous books from all over the world were exhibited at the Third International Book Fair in Moscow. Children's drawing contest has become a tradition at the Book Fair. The eminent bibliologist dwells on the results of the bookmen's international forum.

Alexander CHISTYAKOV **"All Flags Will Come to Visit Us"**

At the recent International Book Fair in Moscow the All-Union Bibliophile Society held a special exposition dealing with its manifold activity. The article chronicles one day at the Fair.

Fedor FILIN **A Key to Knowledge**

The Director of the Institute of the Russian Language discusses the problems students of Early Russian texts are facing.

E. OGNEVA **Landmarks**

The article deals with the book collection displayed at the "Moscow-Paris" exhibition.

A. POTESHNYKH **The Collection of Academician Petrovsky**

The Moscow State University is noted for its book stock of scientific literature. It comprises the books on scientific and cultural subjects from Academician Petrovsky's memorial library.

Gaira VESELY
Artem Vesely and Books

The daughter of the popular Soviet writer cites hitherto unpublished materials to show the extent of her father's reading.

Anna SAAKYANTS
Among Marina Tsvetayeva's Books

Many years of profound research, carried out by the critic, resulted in discoveries shedding new light on the poetess' attitude towards books.

Lydia STISHOVA
The Story of Peter Zalomov

The story of the friendship of Maxim Gorky and the worker Peter Zalomov, on whom a character of Gorky's novel "The Mother" is based.

Yuri ZAKREVSKY, Yevgeny OSETROV
"Let's Drop in at Smirdin's..."

The script of a documentary film on the prominent bookman of the XIX century. The film has won public acclaim in this country.

V. KALUGIN
F. G. Solntsev's "Antiquities"

The unique edition "The Antiquities of the Russian State", edited in the middle of the last century in many volumes, has been entirely prepared and illustrated by the well-known master of colour print F. G. Solntsev. The article narrates about this colossal work.

Boris KOZMIN
G. Y. Blagosvetlov

The article written by an eminent literary scholar.

E. IVANOV
From his book "a red winged word"

In one of the issues of our bibliophile almanach we have acquainted our readers already with some of the reminiscences of E. P. Ivanov about the Moscow second-hand book-sellers. This is a new and an unknown page of his literary search.

A. ANUSHKIN
Miniatures on the birch-tree bark

The author—a well-known bibliophil—tells us about his hobby-collecting of books made of birch-tree bark.

J. MOSHKOV
While looking the notes of a book-collector

We start the publication of a series of reflections dedicated to the art of a book, which belong to the poet from Vyazniki (Vladimirskaya district) who has recently died prematurely.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Сергей Баруздин. Автографы эпохи. Беседу вел П. Конков</i>	7
<i>Виктор Шкловский. Прошлое, настоящее и близкое будущее</i>	15
<i>Виктор Утков. Будущее книги</i>	29
<i>Александр Чистяков. Все флаги в гости</i>	32
Федот Филин. К знанию ключ. <i>Беседу вела М. Федорова</i>	36
<i>Елена Огнева. Рубежи</i>	45

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>А. Потешных. Собрание академика И. Г. Петровского</i>	59
<i>Гайра Веселая. Артем Веселый и книга</i>	68
<i>Анна Саакянц. Из книг Марины Цветаевой</i>	84

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ КНИГ

<i>Лидия Стишова. Рассказ о Петре Заломове</i>	115
--	-----

В СОДРУЖЕСТВЕ МУЗ

<i>Юрий Закревский, Евгений Осетров. «Зайдем к Смирдину...» (Киноновелла)</i>	127
<i>Виктор Калугин. «Древности» Ф. Г. Солнцева</i>	144

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Борис Козьмин. Г. Е. Благосветлов. Предисловие и подготовка текста М. Мохначевой</i>	155
---	-----

<i>Н. А. Рубакин. Книгоноша. Публикация А. В. Блюма</i>	176
<i>П. Гнедич. Книжная пыль. Публикация А. В. Блюма</i>	200
<i>Евгений Иванов. Из книги «Красное крылатое слово».</i> <i>Публикация и предисловие З. Милютиной</i>	209
<i>А. Анушкин. Миниатюры на бересте</i>	218
<i>Ю. Мошков. Из тетради книголюбца</i>	220

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

<i>Татьяна Бек. «Он списывал мысли в блокнот...»</i>	236
<i>Инара Роя. «Целебен одинокий миг...»</i> <i>Перевела с латвийского Татьяна Бек</i>	237
<i>Владимир Павлинов. Книги</i>	238
<i>Юрий Виноградов. «На то оно и выдуманно, слово...»</i>	240
<i>Указатель имен</i>	241
<i>Коротко об авторах</i>	250
<i>Резюме на английском языке</i>	252

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск тринадцатый

Редактор ВОК *К. П. Ковалев*
Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *Н. И. Аврутис*
Корректор *О. И. Поливанова*

НК

Сдано в набор 18.03.82. Подписано в печать 19.10.82.

A04509. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. офсетная 70 г.

Гарнитура школьная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 14,88+0,93 вкл. Усл. кр.-отт. 33,95

Уч.-изд. л. 15,28+0,57 вкл. Тираж 50 000 экз. Заказ 57. Изд. № 3423.

Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Книга»

103009, Москва, ул. Неждановой, 8/10.

Московская ордена Октябрьской Революции

и ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова

Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

113054, Москва, ул. Валовая, 28